This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ДЕТСКАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛИОТЕКА
Шебекино, Курской г.
Шкафъ
Отдѣлъ 2
по каталогу 303

3
12086

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Chantsev, I. A.
II

И. А. ЧАНЦЕВЪ.

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛІОТЕКА
М. А. МАНСУРОВОЙ
Шебекино, Курской г.
Шкафъ 2
Отдѣлъ 2
№ по каталогу 303

СКОБЕЛЕВЪ

303

КАКЪ

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

1880 — 1881.

Историческій очеркъ.

Съ портретомъ, факсимиле, письмами и рѣчами Скобелева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Сред. Подъяч., № 1.
1883.

DK219.6
S6C46

Средняя Подъяческая, д. № 1.
2488

Прилагаемый портретъ Скобелева, съ фотографіи 1881 года, гравировалъ на деревѣ Матюшкинъ.

Портретъ дозволенъ цензурою. С.-Петербургъ, 9-го іюня, 1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

I. Положеніе Закаспійскаго края до пріѣзда генерала Скобелева въ 1880 году 1

II. Административно-хозяйственные труды генерала Скобелева до начала военныхъ дѣйствій 6

III. Административныя и военныя распоряженія генерала Скобелева съ мая 1880 года по апрѣль 1881 года 8

IV. Письма Михаила Дмитріевича Скобелева . . 19

V. Пояснительная записка къ письмамъ Михаила Дмитріевича Скобелева 53

VI. Движеніе Скобелева вглубь текинскаго оазиса. 56

VII. Закаспійскій край 67

VIII. Взятіе штурмомъ крѣпости Геоктепе. . . . 103

IX. Вѣсть о смерти матери Скобелева 118

X. Выводы и рѣчь Скобелева 130

XI. Общее слово 142

XII. Кто онъ былъ 161

НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА
М. А. ШАНЪ
Шебекино, К.

Памяти

Михаила Дмитріевича Скобелева

ПОСВЯЩАЕТЪ

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛІОТЕКА
М. А. МАНСУРОВОЙ
Шебекино, Курской г.
Шкафъ 2
Отдѣлъ
№ по каталогу 303

АВТОРЪ.

С.-Петербургъ.
1883 г.

Генералъ Адъютантъ

— вы испытываете физическое наслажденіе въ личной храбрости.

— Вотъ, вотъ! подхватилъ онъ съ живостью, какъ будто я научила его чему: —физическое наслажденіе въ храбрости! Вы даете то опредѣленіе, которое я искалъ. Я люблю опасность, какъ любятъ женщинъ, но эту опасность мнѣ надо всегда, она меня не можетъ утолить! Если она будетъ всегда одною и тою же, она все таки доставитъ мнѣ новыя наслажденія.

Когда я бросаюсь въ какое-либо опасное предпріятіе или надѣюсь встрѣтить его, сердце мое бьется тревожно; мнѣ хотѣлось бы въ одно и то же время, чтобы оно и замедлило своимъ появленіемъ и было тутъ же на моихъ глазахъ; родъ какого-то болѣзненнаго и восхитительнаго трепета пробѣгаетъ по мнѣ; моя природа влечетъ меня на встрѣчу опасности съ такою силой, что воля напрасно пыталась бы сопротивляться. Когда опасность удаляется, я успокаиваюсь, я насладился ею, я одолѣлъ и побѣдилъ ее.

— Остановитесь, генералъ, вы объяснили мнѣ, можетъ быть, и не желая, то, о чемъ мнѣ было бы трудно спрашивать васъ; но будемъ больше говорить объ этомъ. Я васъ знаю, мнѣ извѣстно теперь, что, какъ донъ Жуанъ, вы ищите не женщинъ, женщинахъ, а побѣду. Эти удовольствія, которыми вы пресыщаетесь въ мирное время даже до злоупотребленія—за что упрекаютъ и въ чемъ обвиняютъ васъ недоброжелатели и враги—до забвенія р[illegible] рактеро, вашей цѣли, себя самого, все это только опьяненіе, обманывающее васъ и въ которомъ вы ищете на сколько возможно замѣщенія *другого*, удовольствія опасности.

Онъ съ дѣтскою радостью схватилъ мои руки.

— Хвалю себя за довѣрчивость, сказалъ онъ; я читалъ о васъ вещи, возбудившія ее во мнѣ. Я чувствовалъ, что, проанализировавши себя передъ вами, пойму себя лучше. Такъ оно и есть.

— Женскій умъ иногда оплодотворяетъ мужской, отвѣтила я, смѣясь; это — своего рода возмездіе.

— Почему рискъ *) не женскаго рода? весело сказалъ Скобелевъ.

— Не все ли равно, если смерть не мужского?

— Смерть! Знаете, я часто о ней думаю.

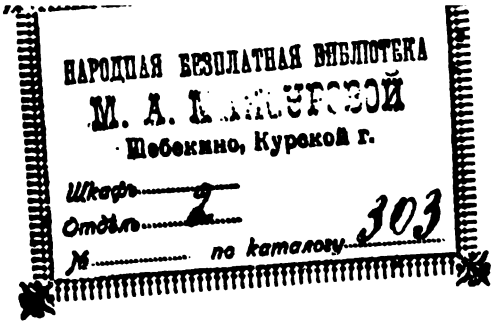
— И я тоже, конечно.

— Я вамъ не хочу сказать банальности; я хотѣлъ бы хорошо умереть, легче устроить себѣ хорошую жизнь, чѣмъ хорошую смерть.

— Генералъ, возразила я:—если въ молодости вмѣешь честолюбіе устроить свою жизнь, это удается и сама судьба, ударяя по васъ какъ случится, вамъ помогаетъ; между тѣмъ, смерти достаточно одного ловко направленнаго удара, чтобы уничтожить величайшихъ людей.

— Вотъ страхъ умереть глупо гнететъ меня; онъ заставилъ меня сказать вамъ въ началѣ нашего разговора, что я хотѣлъ бы пріучиться лучше управлять своей храбростью.

Изъ разговора Скобелева съ Жюльеттой Адамъ въ Парижѣ — 1882 г.



МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СКОВЕЛЕВЪ

ВЪ

АХАЛТЕКЕ

1880—1881.

I.

Положеніе Закаспійскаго края до пріѣзда генерала Скобелева въ 1880 году.

Замѣчательная личность Михаила Дмитріевича Скобелева—этого вождя-рыцаря—всегда, вездѣ, во всемъ отличалась своею необычайною энергіею, силой ума и тактомъ проницательности; этотъ человѣкъ не былъ симпатичнымъ человѣкомъ, но онъ былъ обаятельнымъ, могучимъ властелиномъ и распорядителемъ вашей воли, вашей души, вашего сердца *).

---

*) При составленіи настоящаго очерка жизни и дѣятельности генерала Скобелева мы пользовались самыми точными данными и документами А. Ф. Арцишевскаго—нынѣ генералъ-маіора—который былъ командиромъ таманскаго казачьяго полка, кромѣ того, по порученію Скобелева, исполнялъ многія и другія обязанности съ мая 1880 по апрѣль 1881 года. Приводимъ приказъ по войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Закаспійскомъ краѣ, 19 ноября, 1880 года, № 501.

Стоило съ нимъ провести полчаса времени, чтобъ вполнѣ отдаться его вліянію, его умѣнію подчинять себѣ другихъ.

При быстрыхъ своихъ военныхъ движеніяхъ и переходахъ, генералъ Скобелевъ возилъ съ собою въ своемъ походномъ портфелѣ всю свою канцелярію — и замѣчательно при этомъ то, что ни одна бумага, ни одинъ планъ, ни одно изъ распоряженій не передавались другимъ лицамъ, не побывавъ въ его портфелѣ. Генералъ страшно не любилъ сложной переписки,—онъ былъ и на бумагѣ также быстръ, также ясенъ и кратокъ, какъ и на самомъ дѣлѣ. Замѣчательный его адъютантъ г. Баранокъ—днемъ и ночью, верхомъ и пѣш-

---

«Назначая полковника Арцишевскаго командиромъ сводной казачьей бригады, послѣ шестимѣсячной дѣятельности его, какъ начальника атрекской военной дороги, въ самое трудное время, когда все еще устраивалось, когда повсемѣстно были недосмотры во всемъ, я не могу не выразить ему полной благодарности. Нужно было свозить довольствіе, снаряды, патроны, артиллерію, лазареты, эвакуировать больныхъ, охранять линію, устраивать хлѣбопекарни, бани, заготовлять сѣно, подвозить довольствіе лазаретамъ и госпиталямъ въ передовой линіи, и вообще заботиться о самыхъ мелкихъ ежедневныхъ потребностяхъ, не только общей массы, но и многихъ отдѣльныхъ учрежденій. Въ 6 мѣсяцевъ самой усиленной работы, линія поставлена на прочную ногу и это, не взирая на всѣ усилія непріятеля—вездѣ намъ мѣшать. Нигдѣ не было не только какихъ-нибудь крупныхъ недостатковъ, но скорѣе оказывалось излишество. Все это я отношу къ той беззавѣтной преданности дѣлу, какая была проявлена полковникомъ Арцишевскимъ, во всѣхъ случаяхъ. Я радъ, что могу это высказать и объявить по войскамъ Закаспійскаго края ему мою сердечную благодарность. Подлинный подписалъ: временно-командующій войсками, генералъ-адъютантъ Скобелевъ».

Въ концѣ ноября, послѣ отбитія текинцами въ тылу у насъ до 3000 верблюдовъ (эти верблюды были обратно отбиты — хотя изъ нихъ и погибло около 300 головъ), генералъ Скобелевъ послалъ всю кавалерію обратно въ тылъ и назначилъ полковника Арцишевскаго начальникомъ всей новой линіи отъ Кизилъ-арвата до означеннаго пункта, ввѣривъ ему охрану всѣхъ транспортовъ и колоннъ, слѣдующихъ по линіи. Затѣмъ съ 20 декабря по день штурма Геоктепе полковникъ Арцишевскій командовалъ всей кавалеріей, наканунѣ штурма былъ назначенъ комендантомъ лагеря, а въ случаѣ взятія крѣпости—комендантомъ Геоктепе. *Авт.*

комъ, въ бою и въ бесѣдѣ хваталъ, ловилъ, расплавлялъ на лету мысли и цѣли генерала Скобелева; потомъ извѣстный полковникъ Гродековъ (нынѣ генералъ), бывшій при немъ начальникомъ штаба, замѣчательный труженикъ и высокій знатокъ военнаго дѣла — были неутомимыми его сотрудниками и помощниками во все время ахалтекинской экспедиціи.

Въ донесеніи Скобелева главнокомандующему кавказскою арміею объ іюльской (1880 года) рекогносцировкѣ Геоктепе, отъ 23 іюля, № 4160, изъ Бами, между прочимъ, сказано:

«Я уже неоднократно доносилъ вашему императорскому высочеству о той несомнѣнной помощи, которую во всемъ оказываетъ мнѣ полковникъ Гродековъ. Послѣ доблести войскъ — ему слѣдуетъ приписать всѣ пріобрѣтенные нами результаты и въ особенности то, что намъ удалось утвердиться въ оазисѣ до сбора жатвы, чѣмъ нанесенъ такой значительный ущербъ непріятелю. Вообще участіе полковника Гродекова по всѣмъ отраслямъ экспедиціи боевымъ и хозяйственнымъ слѣдуетъ назвать вполнѣ первенствующимъ, ибо на здѣшнемъ театрѣ дѣйствій его знаніе, опытность и дѣятельность замѣнить почти невозможно. Что же касается собственно до дѣла 6 іюля *), то радъ по долгу службы сознаться: не испытавъ на дѣлѣ текинцевъ и будучи подъ впечатлѣніемъ прошлогодней неудачи, я-бы врядъ рѣшился идти подъ Геоктепе съ горстью людей, если-бы не находилъ, въ минуту сомнѣнія и колебанія, столь сильную нравственную поддержку въ исправляющемъ должность начальника штаба войскъ.»

*) 6 іюля была произведена та самая безпримѣрная рекогносцировка Геоктепе, гдѣ нашъ отрядъ состоялъ изъ 350 штыковъ, 311 шашекъ, 10 орудій и 8 ракетныхъ станковъ и цѣлый день велъ битву со всѣми способными носить оружіе текинцами, составлявшими приблизительно 30,000 воиновъ. *Авт.*

Это тотъ самый Николай Ивановичъ Гродековъ, который совершенно достойно и заслуженно стоитъ въ ряду популярнѣйшихъ военныхъ нашихъ авторитетовъ по знанію жизни, быта и исторіи средней Азіи. Его печатные труды по географіи, этнографіи, политикѣ и исторіи этой страны слишкомъ почтенны и серіозны—какъ научный вкладъ въ исторію культуры Россіи вообще.

Мы знаемъ до сихъ поръ генерала Скобелева какъ рѣдкаго военнаго борца, какъ смѣлаго, рѣшительнаго полководца, какъ даже тактика и стратега, способнаго вести большія войны счастливо и удачно; но это не все. Генералъ Скобелевъ, какъ увидитъ читатель ниже изъ его собственноручныхъ писемъ, былъ однимъ изъ тѣхъ «объемлющихъ» русскихъ генераловъ, былъ тѣмъ всесторонннимъ знатокомъ и спеціалистомъ строя и быта своей арміи, котораго сразу вы никогда-бы не предположили въ немъ.

Меня, какъ стараго кавказца-офицера, говоритъ г. Арцишевскій, всегда поражало одно—какъ генералъ Скобелевъ, болѣе молодой и интеллигентный, чѣмъ, по характеру и времени, въѣдчивый въ бытъ солдата, такъ глубоко, такъ вѣрно зналъ духъ и впечатлѣніе своихъ солдатъ и подчиненныхъ, зналъ — такая проницательность доходила иногда до смѣшного—какая часть войска и когда обѣдала и могла обѣдать съ особымъ «аппетитомъ и во вкусъ». Только онъ, Скобелевъ, обладалъ подобнымъ объемлющимъ духомъ и сердцемъ, только онъ умѣлъ такъ подчинять своей волѣ и власти, своимъ административнымъ и хозяйственнымъ указаніямъ. А это составляетъ особую высокую черту каждаго военнаго распорядителя и тѣмъ болѣе—организатора и полководца.

Ахалтекинская экспедиція представляла собою массу всевозможныхъ препятствій и затрудненій не въ боевомъ только отношеніи, не въ умѣньи и способности командующаго вой-

сками залечить наши недавнія передъ тѣмъ «раны и потери», возстановить духъ войскъ, приготовить ихъ къ увѣренности побѣдить, покорить своей власти все,—но и въ томъ, самомъ главномъ административномъ распоряженіи и умѣньи, чтобъ на всѣхъ пунктахъ, во всѣхъ частяхъ не было промежутковъ въ недостаткѣ какого-либо изъ продуктовъ или предметовъ чисто хозяйственнаго характера и заготовленія. И генералу Скобелеву особенно много пришлось терять энергіи и силъ на то, что нужно, что необходимо солдату на войнѣ, что должно быть для веденія быстрой и успѣшной войны.

Тѣмъ болѣе для Скобелева это было трудно и не легко потому, что два его предшественника—генералъ Тергукасовъ и генералъ Лазаревъ—не имѣли достаточнаго времени установить прочно и надежно первые военные шаги нашихъ войскъ въ этомъ краѣ. Скобелеву же пришлось все дѣло начинать съизнова, каждый вопросъ приходилось рѣшать на мѣстности, на основаніи чисто личныхъ—отчасти опытныхъ, отчасти гадательныхъ предположеній и выводовъ.

II.

Административно-хозяйственные труды генерала Скобелева до начала военныхъ дѣйствій.

Послѣ отступленія отъ Геоктепе въ 1879 году, часть войскъ была немедленно переведена на западный берегъ Каспійскаго моря, при чемъ всѣ верблюды погибли, за исключеніемъ самаго малаго числа, но и тѣ были розданы и распроданы съ аукціона, а полуторатысячный аробный транспортъ энергичнаго подрядчика Корганова былъ брошенъ, вслѣдствіе чего на берегу моря остались арбы и хомуты, часть которыхъ была расхищена туркменами и бѣглыми армянами, лошади за-даромъ проданы, или же выгнаны на Атрекъ для пастьбы, дабы, падая, не заражали воздухъ въ Чикишлярѣ.

Такимъ образомъ никакихъ перевозочныхъ средствъ въ войскахъ не имѣлось къ марту мѣсяцу 1880 года.

Покойный генералъ Тергукасовъ, послѣ отступленія отъ Геоктепе, удержалъ за собой крайній пунктъ, гдѣ онъ тогда засталъ наши отступающія войска — это *Дузулумъ*, самое удобное мѣсто для стоянки, при сліяніи двухъ рѣкъ — Чандыра и Сумбара, въ ста-шестидесяти верстахъ отъ Чикишляра, и раіонъ въ 160 верстъ былъ оставленъ за нами: крайній пунктъ Дузулумъ, потомъ Чатъ и у берега Каспійскаго моря открытый рейдъ Чикишляръ.

На этомъ пространствѣ было оставлено семь баталіоновъ пѣхоты, восемь сотенъ казаковъ, полевая батарея и нѣсколько орудій безъ лошадей — почти негодныхъ, больше для вида, чѣмъ для дѣйствія. Въ числѣ этихъ баталіоновъ были и такіе, которые уже три года безсмѣнно находились въ этихъ песчаныхъ пустыняхъ—то были славные герои ширванцы, апшеронцы, самурцы и дагестанцы 21 дивизіи.

Но легко сказать—три года, вынести же ихъ среди палящаго зноя песчаныхъ пустынь—пытка ужасная, жизнь непонятная, тоска, скука и апатія заѣдаютъ человѣка своею мертвенною монотонностію и однообразіемъ, словно вся ваша жизнь отрѣзана навсегда отъ остальнаго міра, особенно когда видишь пароходы на открытомъ рейдѣ проходящими мимо, что бываетъ осенью и зимой, когда пароходы не могутъ приставать къ берегу. Тогда кажется и жизнь, и мысль, все далекое родное, все завѣтное проносятся съ этими пароходами въ невѣдомую даль, въ чужіе края, чтобъ еще больше истиранить ваше нудное, изболѣвшее терпѣніе. А тамъ, между тѣмъ, ясными точками на горизонтѣ носится на своихъ аргамакахъ непріятель, быстро и неожиданно нападаетъ на наши транспорты и караваны и безнаказанно исчезаетъ въ своихъ степяхъ, такъ какъ мы не всегда имѣли возможность его преслѣдовать съ успѣхомъ. Вотъ при какихъ условіяхъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1880 года пронесся слухъ о назначеніи генерала Скобелева начальникомъ закаспійскихъ войскъ и что предполагается движеніе впередъ.

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛИОТЕКА
Бакино, Тульской г.
2
по каталогу 303

III.

Административныя и военныя распоряженія генерала Скобелева съ мая 1880 года по апрѣль 1881 года.

Въ началѣ апрѣля мѣсяца слухъ о назначеніи Скобелева командующимъ войсками подтвердился положительными данными. На протяженіи 160 верстъ всѣ наши войска разомъ заговорили, что теперь побѣда наша, теперь текинцевъ «побьемъ», возьмемъ Геоктепе, и разойдемся по своимъ штабъ-квартирамъ на отдыхъ и покой.

Но Скобелевъ былъ въ это время еще въ Петербургѣ, а побѣда была уже предрѣшена заранѣе. Текинцы, узнавъ о назначеніи новаго генерала, призадумались не на шутку. Они быстро приступили къ укрѣпленію Геоктепе, стали дѣлать совѣщанія объ оборонѣ своей крѣпости и пріостановили временно набѣги въ наши предѣлы; іомуды, джафарбаевцы, атобаевцы и гокланы стали оказывать сочувствіе текинцамъ, и мы съ этого момента съ большимъ трудомъ могли нанимать верблюдовъ, доставать нѣкоторые мелкіе запасы продовольствія, они всѣ хорошо понимали, что съ покореніемъ Ахалтеке прекратится и ихъ свободная, хищническая жизнь за Атрекомъ, они должны будутъ или перейдти въ подданство персидскаго шаха, или же сдѣлаться подвластными Россіи. Все это наводило текинцевъ и ихъ сосѣдей на крайне

грустныя думы и предположенія, какъ-бы предсказывало имъ, что настала пора проститься съ кочевой жизнію и разбойническими правами сильнаго надъ слабымъ.

Въ началѣ апрѣля была получена телеграмма отъ генерала Скобелева на имя генерала Муравьева *), дабы какъ можно больше закупить верблюдовъ и за тѣмъ никакихъ свѣдѣній отъ Скобелева не было. Потомъ, когда всѣ права и положенія генерала Скобелева были точно выяснены и опредѣлены, Скобелевъ получилъ подробныя инструкціи въ Тифлисѣ и въ концѣ апрѣля прибылъ въ Закаспійскій край и немедленно приступилъ къ обозрѣнію всей области. Скобелевъ пожелалъ видѣть и знать все то, что только входило въ его разсчеты и соображенія. Онъ даже осмотрѣлъ Мапгишлакъ— хотя эта мѣстность и не входила въ раіонъ его военныхъ дѣйствій. Онъ нашелъ, что мѣстная команда Александровскаго форта весьма велика и не занята никакимъ дѣломъ, а потому приказалъ часть людей приготовить къ выступленію въ составъ дѣйствующаго отряда; въ Красноводскѣ Скобелевъ приказалъ, не медля, изъ мѣстнаго баталіона сформировать роту въ усиленномъ составѣ и перевести въ Чикишляръ; потомъ, насколько было возможно, ознакомился съ народомъ, со всѣми тѣми частными и военными людьми, съ кѣмъ приходилось ему имѣть какое-либо дѣло въ предстоящую экспедицію; затѣмъ каждому далъ свои права и обязанности, и приступилъ къ составленію подробнаго плана военныхъ дѣйствій, съ точнымъ разслѣдованіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ на мѣстности.

Составленный планъ въ Тифлисѣ ахалтекинской экспедиціи равнялся двумъ годамъ — генералъ Скобелевъ покончилъ эту военную операцію ровно въ девять мѣсяцевъ. Эта

*) Командиръ бригады.

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ
М. А. Б.
Шебекино, Курской г.

разница хоть и не особенно велика во времени, за то же весьма краснорѣчива и важна по своимъ фактамъ!

Не ожидая устройства предполагавшейся тогда желѣзной дороги, 9-го мая 1880 года, въ 11 часовъ дня, генералъ Скобелевъ прибылъ въ Чикишляръ и въ тотъ же день приступилъ къ дѣлу *). Осмотрѣвъ войска, транспорты, продовольственные магазины, походные и мѣстные лазареты, артиллерійскіе парки, и во всемъ необыкновенно мѣтко и вѣрно Скобелевъ сразу открывалъ недостатки и необходимыя измѣненія.

Съ прибытіемъ Скобелева все закипѣло иною жизнію, все пришло въ движеніе, на всемъ стала видна мысль, цѣль, сознательная работа. Генералъ вставалъ въ 4 часа утра, являлся съ своимъ адъютантомъ на кухни, когда ротные котлы только-что начинали ставить на огонь, провѣрялъ самъ мясо, крупу, пробовалъ хлѣбъ, ночью неожиданно являлся въ госпиталѣ, осматривалъ сторожевую службу, и лично опрашивалъ фельдшеровъ о числѣ трудно-больныхъ солдатъ. Въ магазинахъ шла нагрузка ночью, съ фонарями, куда очень часто являлся и Михаилъ Дмитріевичъ, часто заходилъ рано и по утрамъ, приговаривая: «буду я, будетъ на работѣ и офицеръ, и смотритель, вѣрнѣе вѣсъ выйдетъ, да и солдату веселѣе пойдетъ работа». Онъ далеко не былъ «бѣлоручка». Во всѣхъ коммисіяхъ, комитетахъ, санитарныхъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ вообще онъ участвовалъ лично, неоднократно отзывая меня въ сторону, говорилъ: «все это одни разговоры и писаніе, а дѣлать-то придется вамъ; вдумайтесь, чтобъ у насъ шло дѣло, а не писаніе». Обсуждая проектъ объ

*) Замѣчательная бѣлая лошадь Скобелева была привезена на пароходѣ и спущена въ море, чтобъ сама доплыла до берега. Впослѣдствіи М. Д. Скобелевъ признавался, что онъ сдѣлалъ это ради предразсудка: если его лошадь доплыветъ до берега благополучно, то ахалтекинская экспедиція закончится счастливо и во всемъ удачно. Авт.

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛІОТЕКА
М. А. МАНСУРОВОЙ
Шебекино, Курской г.
Шкафъ———
Отдѣлъ———

устройствѣ тыла, Михаилъ Дмитріевичъ самъ указывалъ опорные пункты для гарнизоновъ и нѣкоторыхъ складовъ.

До прибытія Скобелева, съ атрекской линіи были отправлены на западный берегъ моря одинъ баталіонъ апшеронскій, одинъ дагестанскій и одинъ навагинскій баталіонъ, а вмѣсто ихъ прибылъ одинъ баталіонъ дагестанскаго полка, въ усиленномъ составѣ; ко дню выступленія изъ Чикишляра, то-есть, къ 23 мая, по всей линіи находились шесть баталіоновъ пѣхоты 21-й дивизіи, въ мирномъ составѣ, или не болѣе 385 штыковъ въ баталіонѣ, затѣмъ рота саперъ—180 человѣкъ, мѣстная красноводская рота—200 человѣкъ, четвертая батарея 20-й артиллерійской бригады, горная батарея, морская батарея съ двумя орудіями и четырьмя митральезами, восемь сотенъ казаковъ. Все же это составляетъ—26 ротъ пѣхоты, около 3,300 штыковъ, 800 сабель, 22 орудія, 4 митральезы и 12 орудій безъ запряжки оставались на нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ на батареяхъ.

Съ этими силами генералъ Скобелевъ предпринялъ смѣлое и рѣшительное движеніе въ предѣлы ахалтекинскаго оазиса и занялъ линію на протяженіи 320 верстъ безлюдной пустыни. Не надо быть даже плохимъ военнымъ человѣкомъ, чтобъ не понять такой не пропорціональной военной силы по числу простыхъ верстъ того разстоянія, которое намъ приходилось оберегать и защищать, отражать набѣги непріятеля и преслѣдовать его при каждой малѣйшей стычкѣ, чтобъ маскировать свои наличныя боевыя силы. Въ то же время въ этой пустынѣ предположено было провести телеграфъ до Бами, каждый телеграфный столбъ привозился изъ Баку, транспортъ же нашъ въ это время состоялъ только изъ 70 арбъ на полубольныхъ лошадяхъ, перевозившихъ и больныхъ солдатъ, и продовольственныя тяжести.

Трудно представить ту мрачную картину нашихъ нуждъ, потребностей и недостатковъ, на каждомъ пунктѣ требовавшихъ или пополненія стараго, или замѣны новымъ совсѣмъ, или же совершеннаго измѣненія принятаго до того порядка. Генералу Скобелеву, съ первыхъ минутъ принятія имъ закаспійскаго отряда, приходилось побороть двухъ враговъ—текинцы и безводныя степи сами по себѣ, а отрядное хозяйство и довольствіе войскъ въ связи со всѣми боевыми передвиженіями—сами по себѣ. И онъ, Михаилъ Дмитріевичъ, вынесъ все на своихъ плечахъ, все умѣлъ во время предусмотрѣть, и тѣ безсонныя ночи, которыя онъ проводилъ въ думахъ, разсчетахъ и соображеніяхъ, не сломили его могучей натуры, ни на одну минуту не омрачили безнадежною грустью его неустанной энергіи. Каждый изъ насъ жилъ и питался его духомъ, его бодростію, его смѣлыми, орлиными полетами увѣренности въ побѣдѣ и покоренiи.

9-го мая генералъ Скобелевъ высадился на берегъ въ Чикишлярѣ, а 10-го іюня отдалъ слѣдующій приказъ въ капетдахскихъ горахъ, у Бендесенскаго перевала.

Приказъ № 91.

10-го іюня, 1880 года. Бендесенъ.

Послѣ девяти-мѣсячной остановки, августѣйшему главнокомандующему угодно повелѣть—вновь вступить въ предѣлы Ахалтекинской земли.

Всѣмъ предстоитъ перенесть много трудностей, встрѣтится съ непріятелемъ храбрымъ, болѣе чѣмъ въ десятеро васъ сильнѣйшимъ.

Кавказское сердце ваше всегда съумѣетъ быть на высотѣ боевого дѣла.

Благодарный знаменамъ вашимъ за георгіевскій крестъ, я знаю васъ и не считаю враговъ.

Прошу всѣхъ чиновъ отряда не забывать, что русская честь требуетъ мести за павшихъ товарищей нашихъ. Подписалъ: временно-командующій войсками, генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

При вступленіи въ оазисъ, покойный Михаилъ Дмитріевичъ поставилъ себѣ въ обязанность, чтобъ ни одного лишняго солдата, ни одной лишней лошади не было на восточномъ берегу, въ Чикишлярѣ, пока Бами не будетъ обезпечено шести-мѣсячнымъ довольствіемъ на 6,000 человѣкъ и каждый изъ этапныхъ пунктовъ не будетъ снабженъ продовольствіемъ шестимѣсячнаго запаса по количеству гарнизона. Больныхъ же безостановочно перевозили на западный берегъ—въ Петровскъ.

Къ 1-му іюля окончилась постройка укрѣпленій въ Бами и этого же числа Скобелевъ съ 800 человѣкъ конницы и пѣхоты, 12 орудіями, въ томъ числѣ 4 митральезы, выступилъ изъ Бами къ Геоктепе [1]) на рекогносцировку; 5-го іюля произвелъ осмотръ окрестностей Геоктепе, 6-го отошелъ съ боемъ, а 7-го отразилъ текинцевъ, напавшихъ на него въ нѣсколько тысячъ, и 10-го іюля къ ночи явился обратно въ Бами.

Не смотря на потрясающую вѣсть о смерти своей матери, Михаилъ Дмитріевичъ ни на одну минуту не бездѣйствуетъ и не отступаетъ отъ начертаннаго имъ плана. Онъ также работаетъ день и ночь, 25-го іюля идетъ съ одною сотнею казаковъ таманскаго полка къ Михайловскому заливу—что составляетъ 300 верстъ, пройденныя въ трое сутокъ; изъ Малакары съ десятью доброконными казаками

[1]) Геоктепе въ 120 верстахъ отъ Бами и въ 440 верстахъ отъ Чикишляра.

идетъ къ заливу, причемъ вся его свита и казаки не могли далѣе двигаться и остались отдыхать въ Малакарахъ. Потомъ онъ явился въ Красноводскъ, Чикишляръ, объѣхалъ всѣ пункты и мѣста, гдѣ только его личное присутствіе было необходимо. Получивъ въ Чикишлярѣ извѣстіе, что большая масса текинцевъ въ 10,000 человѣкъ идетъ на передовые наши пункты, Скобелевъ верхомъ, а гдѣ пѣшкомъ и на ротныхъ повозкахъ, въ 25 часовъ проскакалъ 230 верстъ, и явился въ Бами въ самый тревожный моментъ, ибо ровно черезъ день послѣдовало нападеніе на нѣсколько пунктовъ разомъ—но непріятель былъ отбитъ съ урономъ и большими потерями. Каждый нашъ солдатъ, чувствуя вблизи себя Скобелева, дрался львомъ, представлялъ изъ себя такую силу, которая казалась несокрушимою. У стѣнъ Геоктепе горсть русскихъ воиновъ вполнѣ была увѣрена въ своей побѣдѣ даже тогда, когда текинцамъ удавалось во время вылазокъ завладѣвать нашими траншеями. Когда текинцы 28 и 30 декабря уничтожили почти двѣ роты, взяли орудіе и знамя, Скобелевъ сказалъ полковнику Гродекову—«какъ я донесу моему государю императору, что непріятелю отдалъ орудіе и знамя 4-го апшеронскаго баталіона? Впрочемъ, мнѣ кажется, что знамя не взято...» На это Гродековъ рѣшительно отвѣтилъ, что командиръ баталіона, знаменщикъ и всѣ люди изрублены, непріятель прошелъ по ихъ трупамъ и захватилъ знамя. Скобелевъ немного успокоился и составилъ телеграмму о вылазкѣ 28-го декабря; 30-го декабря послѣдовала вторая вылазка—тоже счастливая для текинцевъ, но 12-го января 1881 г., въ два часа дня, Скобелевъ покончилъ съ текинцами всѣ свои счеты—взявъ штурмомъ Геоктепе.

Въ письмѣ къ начальнику штаба кавказскаго военнаго округа, отъ 1-го іюля, 1880 года, № 3, Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, между прочимъ, пишетъ:

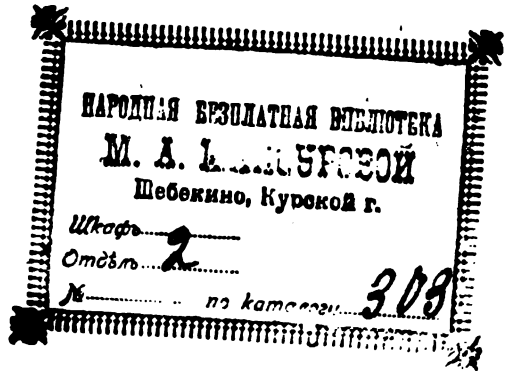
«Я счелъ выгоднымъ для дѣла—не оставлять вниманіемъ и усиліями еще болѣе прочную организацію линіи снабженія, нынѣ существующую—Бами, Хаджакала, Дузулумъ и Чикишляръ. Туда вслѣдствіе этого командированъ исправляющій должность начальника штаба, генеральнаго штаба полковникъ Гродековъ. Коснувшись фамиліи этого, неоцѣненнаго на здѣшнемъ театрѣ дѣйствій штабъ-офицера, считаю для себя обязательнымъ по долгу службы и чести заявить его императорскому высочеству главнокомандующему арміею, что мы обязаны утвержденіемъ въ Бами исключительно знанію мѣстныхъ условій, хладнокровной находчивости, неутомимой дѣятельности этого штабъ-офицера. Фіаско съ нашей стороны при подъемѣ передового отряда 27-го мая уронило-бы окончательно наше обаяніе, сдѣлало-бы наше положеніе въ извѣстномъ смыслѣ *крайнимъ*. Не занявъ входа въ ахалтекинскій оазисъ, нельзя было думать производить важныя, для исхода экспедиціи, разслѣдованія и приступать къ устройству коммуникаціонной линіи Михайловскъ-Бами. По долгу службы докладываю, что безъ столь энергической помощи полковника Гродекова, я-бы не былъ въ состояніи двинуть изъ Дузулума въ срокъ передового отряда, а слѣдовательно придти въ оазисъ, какъ теперь, до сбора жителями жатвы. Отдавая справедливую дань дѣятельности моего предшественника по свозу въ Дузулумъ значительнаго запаса довольствія, восхищаясь отъ глубины солдатскаго сердца по истинѣ геройскими, своимъ терпѣніемъ и выносливостію, войсками, коими имѣю несравненное счастіе командовать—я опять-таки возвращаюсь къ выходящимъ изъ ряда заслугамъ полковника Гродекова, работавшаго со мною, или, вѣрнѣе сказать, для меня, еще въ Петербургѣ. Ему я въ значительной степени обязанъ вѣрностію первыхъ впечатлѣній по прибытіи въ незнакомую мнѣ обстановку, а потому онъ—главная причина,

что я рѣшился дѣйствовать сравнительно такъ поспѣшно. Совершенно справедливо—признать полковника Гродекова причиною, рядомъ съ доблестію войскъ, всѣхъ нами добытыхъ результатовъ. Я уже просилъ объ утвержденіи полковника Гродекова въ настоящей должности — и теперь почтительно возобновляю свое ходатайство. Кромѣ вышеизложеннаго, рѣшаюсь повергнуть на благоусмотрѣніе главнокомандующаго слѣдующее. Должность начальника штаба войскъ въ здѣшнемъ краѣ, при теперешнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, требуетъ, кромѣ военныхъ и административныхъ качествъ, которыми полковникъ Гродековъ обладаетъ въ столь высокой степени, еще и извѣстнаго обаянія, въ благоустроенныхъ войскахъ всегда соединеннаго съ генеральскимъ чиномъ. Въ данную минуту полковникъ Гродековъ работаетъ всѣми аттрибутами ввѣренной мнѣ власти на линіи отъ Хаджакала до Чикишляра, и, зная порядки службы у насъ въ военное время, я твердо увѣренъ, что будь онъ въ званіи генерала, многое для него облегчилось-бы и ввѣренное намъ дѣло отъ этого выиграло-бы значительно. Сознаюсь, не всегда для меня понятно—отчего у насъ повышеніе въ чинѣ такъ часто является какъ-бы вѣнцомъ всѣхъ прочихъ наградъ, къ концу дѣла, когда уже не представляется болѣе возможности *ковать*, изъ обаянія и значенія болѣе высокаго положенія въ служебной іерархіи, все полезное для этого боевого дѣла, гдѣ такъ многое держится впечатлѣніемъ. Англійская армія въ подобныхъ положеніяхъ не пренебрегаетъ и этимъ средствомъ обезпеченія успѣха. Недавно одинъ изъ полковниковъ, командовавшихъ важнымъ отрядомъ въ Афганистанѣ, былъ допущенъ до званія и до правъ генералъ-маіора впредь до новаго приказанія главнокомандующаго. Послѣднее есть—особенность и во многомъ другомъ столь своеобразной британской арміи, но трудно отвергнуть значеніе военно-нравствен-

ныхъ причинъ, породившихъ и установившихъ издавна въ войскахъ подобную мѣру. Оно тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что англійская армія, быть можетъ, болѣе всѣхъ прочихъ европейскихъ армій испытала на себѣ всю тяжесть исключительныхъ условій, въ которыхъ находятся войска, дѣйствующія на отдаленныхъ азіятскихъ и африканскихъ окраинахъ. Кромѣ настоятельной выгоды для службы, въ данную минуту, отъ удостоенія полковника Гродекова чиномъ генералъ-маіора, его блистательное прошлое, какъ офицера генеральнаго штаба, даетъ мнѣ еще бо́льшую смѣлость почтительно ходатайствовать предъ его императорскимъ высочествомъ о производствѣ его. Начальникъ штаба незабвеннаго киндерлинскаго отряда—онъ удостоенъ чиномъ полковника въ ноябрѣ 1873 года, слѣдовательно, около семи лѣтъ въ настоящемъ чинѣ. Послѣдующая служба Гродекова не менѣе выдающаяся: начальникъ штаба войскъ Ферганской области начальникъ штаба авангарда дѣйствующей арміи подъ Константинополемъ, начальникъ штаба отряда, предназначеннаго въ маѣ 1875 года къ вторженію въ Авганистанъ, настоящій и. д. начальника штаба ахалтекинскаго отряда и войскъ, дѣйствующихъ въ Закаспійскомъ краѣ—возбудилъ удивленіе и уваженіе всего ученаго и знакомаго съ средне-азіятскими обстоятельствами европейскаго общества поѣздкой изъ Самарканда, чрезъ Меймене и Гератъ, въ Астрабадъ. Я никогда не рѣшился-бы просить такъ настоятельно, если-бы не несъ въ себѣ глубокаго убѣжденія, что служба отъ этого выиграетъ. Его императорское высочество исполненіемъ моей справедливой просьбы придастъ мнѣ самому и новыя средства, и новыя силы исполнить до конца возложенное на меня трудное дѣло. Jci je ne suis pas sur des roses и нуждаюсь въ поддержкѣ всѣхъ, тѣмъ болѣе въ доказательствѣ благосклоннаго вниманія къ требованіямъ обстоятельствъ и положенія

дѣлъ его императорскаго высочества главнокомандующаго. Если-бы великій князь милостиво отнесся къ вышеизложенному, то чѣмъ скорѣе вы меня порадуете отвѣтомъ, тѣмъ лучше для дѣла—въ особенности я настоятельно прошу не отказать въ моей просьбѣ».

Входи въ наши планы взятіе Мерва — послѣ штурма Геоктепе мервцы встрѣтили-бы генерала Скобелева съ покорностію и полнымъ подчиненіемъ, хотя Мервъ тогда и теперь представляетъ обоюдоострый мечъ англійской политики въ Индіи,—но мервцы, вѣроятно, сдѣлали-бы, на этотъ разъ, по своему, видя Скобелева у своихъ воротъ...



IV.

Письма Михаила Дмитріевича Скобелева.

I.

25-іюня, 1880 года. Укр. Бами.

«Милостивый государь, Адольфъ Феликсовичъ.

Письмо ваше изъ Чикишляра отъ 18-го іюня я получилъ въ Бами 23-го іюня.

I. Азія всегда дѣйствуетъ двулично—и Кличкопалъ не составляетъ исключенія. На это надо разсчитывать. Покажите спокойную вѣру въ свою собственную силу, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и Азія все исполнитъ быстро и льстиво-внимательно.

Записка изъ Астрабада, за подписью Вачнадзе, заслуживаетъ вниманія. Надо благодарить нашего телеграфиста и имѣть въ виду представить его къ наградѣ. Я полагалъ-бы цѣлесообразнѣе—не входить непосредственно въ сношеніе съ агентами г. Вачнадзе, а дать въ его распоряженіе единовременно, напр., 200 рублей за доставляемыя имъ свѣдѣнія, которыя вамъ провѣрять.

Если ему не платить своимъ агентамъ, то ничего правдиваго не будетъ знать; тогда и мы ему впредь ничего *совсѣмъ* не дадимъ. Такъ ему и скажите.

Что касается фактической стороны дѣла, то для меня несомнѣнно, что въ тылу злоумышляютъ всѣ туземцы и что злоумышлять они будутъ при приближеніи окончательной развязки еще больше.

По полету видѣнъ орелъ—по вашимъ первымъ распоряженіямъ сужу о будущихъ вашихъ дѣйствіяхъ въ несомнѣнныя, въ близкомъ, минуты кризиса. Не сомнѣваюсь, что все разобьется о вашу хладнокровную, опытную, боевую и административную распорядительность.

Вы хорошо знаете Азію. Она грозитъ много, но отъ словъ къ дѣлу переходитъ *рѣдко*, когда того требуютъ передовые, наиболѣе интеллигентные ихъ предводители. Слишкомъ часто ихъ волненія походятъ на запоздалую морскую зыбь, которая даетъ себя чувствовать нѣсколько дней *спустя* бури.

Такъ было въ Индіи въ 1857 г., подъ Самаркандомъ во время нашествія Баба и Джура бековъ, въ 1868 г., въ недавнихъ волненіяхъ въ Дагестанѣ... Что Азія *разъ заговорила*, то выполнитъ — это фактъ несомнѣнный, но можно также считать заданную почти положительную, что она даетъ себя чувствовать не тогда, когда имъ это выгодно, а, скорѣе, напротивъ того.

Такъ же будетъ и съ теперешними «маслокатами» на Сангисаватѣ и около бугра Саліани. За ними, впрочемъ, слѣдите. Шайдой такой же плутъ, какъ и всѣ остальные; этимъ я теперь занимаюсь съ Нуръ Гельды-ханомъ и мошенниками нухурцами. Дайте имъ, по возможности, больше, на пользу намъ ввѣреннаго дѣла. Вотъ и все пока... Отомстить же за всѣ наши мучительныя треволненія—предоставимъ нашей будущей военно-народной администраціи, по окончательномъ

покорении края, представители которой, повѣрьте, какъ и въ прочихъ нашихъ средне-азіятскихъ окраинахъ, не уронятъ своихъ преданій и здѣсь...

Вотъ почему, вполнѣ одобряя всѣ принимаемыя вами мѣры предосторожности, которыя навѣрно пригодятся, *когда мы этого будемъ менѣе всего ожидать*, я однако требую, чтобы вы не отклонялись отъ исполненія основного плана экспедиціи — *напряженія* всѣхъ силъ и средствъ для перенесенія нашей *базы*, т. е. средствъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, изъ *Чикишляра въ Бами*.

Все, что слышу отъ васъ, мнѣ доказываетъ, что вы меня поняли—а вы изъ тѣхъ, которые, понявъ, исполнить не задумаются, да еще съ лихвой!..

II. За послѣдніе дни, въ передовомъ отрядѣ, болѣзненность начинаетъ усиливаться—и меня особенно безпокоитъ, что *цынга* и *слизистый понос*ъ насъ нетолько не оставляютъ, но напротивъ того.

Слѣдуетъ теперь же предвидѣть значительное увеличеніе числа больныхъ, по мѣрѣ того, какъ будутъ здѣсь усиливаться войска, прибывать большіе транспорты арбъ и верблюдовъ и проч. Не думаю къ тому же, чтобы гигіеническія условія въ Бами были-бы особенно благопріятны. Коммуникаціонная линія Красноводскъ-михайловское еще въ зародышѣ, а на войнѣ журавля въ небѣ искать особенно опасно. По этому вамъ предстоитъ *теперь же* сообразить тѣ мѣры, которыя должно будетъ вамъ принять по линіи для оказанія помощи *во-время*.

Тьеръ сказалъ— «administrer-s'est-prevoir». Вдумайтесь въ это знаменательное изрѣченіе одного изъ величайшихъ дѣятелей современнаго вѣка.

Въ основаніи, въ своемъ *существѣ*, вопросъ объ оказаніи помощи раненымъ и больнымъ сводится къ быстрой ихъ эвакуаціи съ театра дѣйствій.

Опытъ послѣднихъ войнъ доказалъ непреложно, что быстрая эвакуація необходима:

1) Для поддержанія нравственнаго настроенія *войскъ*, слѣд. какъ мѣра *серіозно предохранительная*, т. е., наиболѣе выгодная и даже дѣйствительная.

2) Какъ лучшее врачеваніе самихъ больныхъ, ибо причины большинства *военныхъ* болѣзней (при кратковременныхъ срокахъ службы и все развивающейся нервности массъ, нынѣ призываемыхъ подъ ружье) слѣдуетъ искать въ причинахъ нравственныхъ. Люди, которыхъ изъ Санъ-Стефано несли, какъ умирающихъ, на носилкахъ, по прибытіи въ Одессу, коснувшись почвы отечества, мгновенно исцѣлялись. Такихъ тогда можно было видѣть *сотнями* прыгающихъ, какъ дѣти по одесскимъ улицамъ.

3) Чтобы избѣжать, столь *опасныхъ* на войнѣ, *скопленій* больныхъ въ какомъ-бы то ни было пунктѣ.

Результатомъ скопленія больныхъ и раненыхъ является тифъ въ Плевнѣ, Санъ-Стефано, Эрзерумѣ, Андріанополѣ и Филиппополѣ.

Причины, только-что изложенныя, такъ первостепенно важны, что считаю долгомъ службы вамъ еще разъ напомнить, что *быстрая эвакуація больныхъ — есть главнѣйшая цѣль вашихъ усилій по медицинской части* при дальнѣйшемъ, необходимомъ развитіи организаціи ввѣреннаго вамъ тыла.

Правильная, безостановочная эвакуація требуетъ соотвѣтственнаго *эшелонированія* санитарныхъ учрежденій, по всей линіи, до пункта эвакуаціи, т. е. до Чикишляра.

Дѣло надо такъ поставить, чтобы нигдѣ не могло быть скопленій, ибо, какъ сказано выше, результаты будутъ всегда разрушительными.

Санитарный тылъ, устроенный согласно вышесказаннаго, и *не на одной только бумагѣ*, должно признать совершеннымъ.

Прилагаю для вашего свѣдѣнія выписку изъ засѣданія у помощника главнокомандующаго арміею, гдѣ рѣшалась организація медицинской части экспедиціи.

Требуйте, моимъ именемъ въ крайнихъ случаяхъ, вамъ необходимое отъ подлежащаго вѣдомства и сообщайте мнѣ.

Не упускайте однако изъ вида важность организаціи, на тождественныхъ началахъ, линіи Бами-михайловское, а потому соблюдайте экономію средствъ.

Я знаю, что болѣе всего васъ затруднятъ перевозочныя средства, но, думаю, что значительнымъ подспорьемъ окажутся заказанныя на Кавказѣ госпитальныя одноколки, требовать которыя, въ необходимомъ числѣ, я вамъ разрѣшаю.

Война 1861—1865, также 1870—1871 г. доказала всю пользу деревянныхъ барачныхъ помѣщеній.

Берегите всѣми силами чикишлярскій госпиталь отъ міазмическихъ зараженій. Неудобство порта заставитъ васъ имѣть большое число больныхъ и раненыхъ въ этомъ помѣщеніи. Къ осени, именно къ началу серіозныхъ военныхъ дѣйствій, неудобство чикишлярскаго рейда дастъ себя еще болѣе чувствовать, а слѣдовательно и значеніе пункта эвакуаціоннаго возрастетъ.

Теперь же озаботьтесь помѣщеніемъ въ *кибиткахъ* всѣхъ больныхъ, могущихъ заразить бараки, и имѣйте подъ рукою потребныя дезинфектирующія средства въ достаточномъ количествѣ. Въ дунайской арміи таковыя всегда отставали—это много способствовало развитію эпидеміи.

Въ Хаджакала прискорбный случай—разслѣдованіе прошу произвести. Довести можно, при недѣятельности власти, до ужасовъ.

Въ санъ-доминскую экспедицію въ портѣ Марго въ 1802 г. до 100 челов. раненыхъ умирало въ день съѣдаемые *червями*.

Здѣсь климатическія условія, *если будутъ такіе порядки, какъ въ Хаджакала*, позволяютъ надѣяться на то же. Необ-

ходимо разобрать и *строгимъ примѣромъ* остановить развитіе разъѣдающей насъ въ арміи лѣни и безпечности. Не оказалось будто *перевязочныхъ припасовъ для пяти раненыхъ—пришлось послать ночью отсюда съ джигитомъ!!! Это просто позорно.*

Что же дѣлаетъ докторъ Аутовскій, что же смотритъ комендантъ и Пагиревъ? Видно и здѣсь у семи нянекъ дитя безъ глазъ!! Обратите должное вниманіе по всей линіи. Потребуйте необходимое изъ госпитальныхъ и аптечныхъ запасовъ. Надо развести по линіи и подумать объ этомъ. Война—дѣло мелочное со стороны организаціонной, не такъ легко ничего не забыть. Даже пруссаки упустили двинуть въ 70—71 году, вдоль этапной линіи къ Парижу, потребное количество медикаментовъ и перевязокъ. Они намъ не оправданіе, ибо вотъ цифры больныхъ и раненыхъ, провезенныхъ черезъ нѣкоторые этапные пункты:

а) Вейссенбургъ . . .	147,000
в) Сарбрюкъ.	65,017
с) Ахенъ.	6,193
Итого.	218,210

А у насъ рѣчь идетъ о пяти раненыхъ!?!? Прошу не отказать сообщить ваши распоряженія по организаціи безпрепятственной и постоянной эвакуаціи. *Всѣхъ больныхъ теперь же направляю въ тылъ для немедленной эвакуаціи* на западный берегъ.

Примите строгія мѣры, чтобы не было уклоненія отъ службы и отъ сего истекающихъ злоупотребленій.

Маіору Ротчеву я тоже сочувствую, считаю его человѣкомъ полезнымъ для войскъ. Прошу васъ предложить ему быть при войскахъ болѣе продолжительное время.

Я разсчитываю, что ему представится случай примѣнить свою талантливую изобрѣтате[illegible] *линіи Бами-михай-*

ловское. Надо его заранѣе ознакомить *практически* съ условіями. Матеріально его обставить я беру на себя.

За устройство безвозмездно ледодѣлательной машины поблагодарите маіора Ротчева отъ войскъ. Подполковнику Щербинѣ скажите, что я за нимъ *слѣжу* и что ему слѣдуетъ себя держать очень осторожно. Вахтера же пугните какъ слѣдуетъ. Вообще—какъ-бы для того и другого не кончилось трагически...

Поблагодарите Тероганова—скажите, что поздравляю его, именемъ августѣйшаго главнокомандующаго, съ большою серебряною медалью на шеѣ, и, я надѣюсь, что это только начало; я увѣренъ, что къ концу похода онъ удостоится отъ государя императора награды.

Относительно старшинъ, посаженныхъ на «Тюлень», вычерезъ нѣсколько дней, получите приказанія.

Вашъ покорный слуга М. Скобелевъ».

«*P. S.* Мои взгляды, касательно медицинской части, прошу сообщить доктору Гейфельдеру, при его проѣздѣ.

Прошу, чтобы указанія мои (если-бы онѣ въ чемъ-либо противорѣчили приказаніямъ, переданнымъ вамъ начальникомъ штаба войскъ), не приводились-бы въ исполненіе, пока полковникъ Гродековъ не сообщитъ вамъ письменно, какъ было окончательно рѣшено при свиданіи его со мною.

Поблагодарите Криштопенку за молодецкую службу. Пойманнымъ гокланцемъ, вѣроятно, распорядится полковникъ Гродековъ. Во всякомъ случаѣ—съ отвѣтомъ обожду его.»

II.

25 іюля, 1880 года. Укр. Бами.

Милостивый государь, Адольфъ Феликсовичъ.

Завтра я направляюсь по новому коммуникаціонному пути, черезъ Кизилъ-арватъ, въ Михайловское и Красноводскъ.

Вашъ сонъ осуществился — верблюдовъ вы получили. Остается ихъ держать въ комплектѣ. Гостей съ «Тюленя» жду — посидятъ и здѣсь, пока не вернусь съ объѣзда.

Относительно арбъ я въ принципѣ согласенъ, что ихъ слѣдуетъ имѣть на вашей линіи. Да и для военныхъ дѣйствій надо-бы подъ Геоктепе имѣть до ста фургоновъ. Намъ нада мочь поднять сразу около пяти тысячъ пудовъ груза. Полковникъ Гродековъ, моимъ именемъ, подробно съ вами переговоритъ. Ваша распорядительность и опытность съумѣютъ во время и въ этомъ отношеніи обезпечить дѣло.

Линія красноводская станетъ теперь продовольственная, а потому на вашу долю нынѣ выпадаетъ перевозка грузовъ артиллерійскихъ, госпитальныхъ и инженерныхъ.

Надо имѣть въ виду, что грузы эти достигнутъ громадныхъ размѣровъ.

Обращаю ваше самое серіозное вниманіе на обезпеченіе, кромѣ того, всѣхъ опорныхъ пунктовъ вашей линіи, на нынѣшніе гарнизоны, людскимъ довольствіемъ по 1-е января 1880 года.

Если-бы, вслѣдствіе какихъ-бы то ни было чрезвычайныхъ неожиданныхъ обстоятельствъ, сроки возможнаго прибытія довольствія на опорные пункты не сходились-бы съ дѣйствительною потребностію, то вамъ слѣдуетъ принять своевре-

менно мѣры, ибо, безъ ущерба всему дѣлу, ни одинъ изъ пунктовъ, нынѣ занимаемыхъ, не можетъ быть нами оставленъ.

Надежными джигитами вамъ необходимо обезпечить передовые пункты—Терсаканъ, Бендесенъ, Хаджакала.

Подберите 25 молодцовъ и для дѣйствующаго отряда. Вооружите всѣхъ или охотничьими двухъ-стволками, если прибудутъ, или ружьями изъ складовъ—только ни въ какомъ случаѣ не скорострѣльными. Надо тоже обезпечить ихъ достаточнымъ запасомъ огнестрѣльныхъ припасовъ, но не давая на руки, а подъ отвѣтственность старшаго.

Подумайте самымъ серіознымъ образомъ о мѣрахъ противъ пожаровъ. Тутъ нечего жалѣть ни денегъ, ни трудовъ.

Прибудетъ ли скоро для Бами пожарный инструментъ?

Его посылайте впередъ—во что-бы то ни стало.

Отчего вы не спускаете 11 и 12 роты 83 пѣхотнаго полка, если онѣ дѣйствительно устали. Надо ихъ *побаловать* въ Чикишлярѣ, а тамъ опять пойдутъ служить молодцами.

По дѣлу Ротчева я совершенно съ вами согласенъ. Полковникъ Гродековъ скажетъ. Не понимаю дѣйствительныхъ мотивовъ дѣйствій генерала Петрусевича и, не повидавшись съ нимъ, мнѣ невозможно дать этому окончательный толчекъ. Во всякомъ случаѣ—какъ я, такъ и начальникъ штаба стоимъ, по убѣжденію, на почвѣ законности правъ г. Ротчева, которыхъ, конечно, я не имѣю въ виду нарушать и другимъ, мнѣ подчиненнымъ, не дозволю *сознательно* этого дѣлать. Но, до окончательнаго рѣшенія, необходимо полное выясненіе. Я вамъ разрѣшаю сообщить, въ этомъ смыслѣ, г. Ротчеву.

Поблагодарите г. Полянскаго за сборъ ледодѣлательной машины. Право, трудно знать всѣ подробности.

Жду не дождусь рѣшенія полевого суда. Виновныхъ, по конфирмаціи мною, пробую назначить [illegible]

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛІОТ[illegible]
М. А. [illegible]
Табакино. Курской г.

ностію; развести, по усмотрѣнію вашему, по линіи, и казнить въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ это произведетъ наибольшее впечатлѣніе. Не забывайте никогда, что тотъ владѣетъ Азіей, кто нещадно бьетъ ее «по загривку» и *воображенію*. До сихъ поръ мы были данниками—этому больше не бывать...

Около 16 августа я буду въ Чикишлярѣ, гдѣ желалъ-бы застать васъ.

Быть можетъ, мнѣ удастся ближе познакомить васъ, совмѣстно путешествуя, съ Терсаканомъ и Хаджакала.

Съ глубокою благодарностію, по долгу службы къ вашимъ чрезвычайнымъ трудамъ, вашъ слуга

М. Скобелевъ».

III.

«Полковнику Вержбицкому въ Бами. Вмѣняю вамъ въ обязанность, согласно данныхъ вамъ инструкцій, имѣть постоянныя сношенія съ лазутчиками и знать, что замышляется нашими противниками. Смотрите на гарнизоны Хаджакала, Бендесена и Бами, какъ на одинъ совокупный передовой отрядъ. Вамъ ассигнованы средства. Обратите вниманіе на заатрекскихъ іомудовъ, злоумышляющихъ. По атрекской линіи необходимо проснуться—тамъ тоже не тамбовская губернія.

Телеграмму эту къ свѣдѣнію и исполненію полковнику Арцишевскому, за его отсутствіемъ—Эмбрехту.

М. Скобелевъ».

IV.

3 сентября, 1880 года. Красноводскъ.

«Милостивый государь, Адольфъ Феликсовичъ.

Прошу васъ донести мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени подробно—какія приняты вами мѣры въ случаѣ нечаяннаго нападенія непріятеля на Чикишляръ. Предлагаю вамъ серіозно обсудить и принять мѣры.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Вашъ покорный слуга М. Скобелевъ».

V.

«Полковнику Арцишевскому.

1-е. Какія имѣются въ данное время перевозочныя средства для поднятія артиллерійскихъ тяжестей.

2-е. Сколько необходимо перевозочныхъ средствъ для артиллерійскихъ тяжестей, ожидаемыхъ изъ Баку.

3-е. Какія необходимы перевозочныя средства для поднятія воинскихъ тяжестей войскъ, имѣющихъ прослѣдовать чрезъ Чикишляръ, какъ-то: четыре батареи 19 и 21 артиллерійскихъ бригадъ, 2-хъ эскадроновъ драгунъ, четырехъ сотенъ казаковъ и трехъ баталіоновъ мобилизованныхъ.

4-е. Можете-ли разсчитывать имѣть перевозныя средства— отвѣчайте подробно, положительно, только не чрезъ персидскій телеграфъ, а если можете — чрезъ военный пароходъ «Баку».

Полковника Эмбрехта прошу передать по телеграфу полковнику Арцишевскому и самому помочь исполнить.

Генералъ-адъютантъ Скобелевъ».

VI.

„ТЕЛЕГРАММА.

Изъ Чикишляра въ Дузулумъ.

„Полковнику Арцишевскому.

Все готово. Двинуто впередъ, кромѣ ушедшихъ съ вами, 3,200. Они всѣ въ пути. Распорядитесь— 1) задержаніемъ силою находящихся и прибывающихъ верблюжьихъ транспортовъ въ Дузулумъ и немедленно направляйте ихъ въ Бами, согласно полученныхъ вами лично отъ меня приказаній; 2) дайте знать по линіи къ Чикишляру, чтобы конвой былъ до крайности усиленъ, не объясняя причинъ; приказать конвоирующимъ усиленно наблюдать за верблюдовожатами, не позволять имъ расходиться, вообще доставить транспорты по назначенію, даже прибѣгая къ насилію; 3) двинуть на встрѣчу въ подкрѣпленіе конвоирующимъ соотвѣтственную часть ввѣренной вамъ кавалеріи; 4) сообразите расходъ конвоирующихъ частей къ Бами и предупредите въ этапныхъ укрѣпленіяхъ,

дабы дальнѣйшее отъ Дузулума движеніе было безпрепятственно; 5) порядокъ задержанія, пастбы и охраненія рекомендуется принятый въ маѣ мѣсяцѣ; 6) распорядитесь по всѣмъ пунктамъ линіи о принятіи боевыхъ предосторожностей, такъ какъ случайности отнынѣ возможны. Поступайте ласково и мягко, пока можно, но если-бъ обстоятельства грозили нарушить утвержденный мною планъ дѣйствій—поступайте съ крайнею рѣшительностію и *исполните даже силою оружія*...

Генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

VII.

В. нужное. 19 января, 1881 г.

«Милостивый государь, Адольфъ Феликсовичъ.

Асхабадъ занятъ безъ боя. Край богатый—фуража и зерна много. Вообще держать стоитъ. Обращаю ваше вниманіе.

1) Укрѣпленія въ Геоктепе должны быть окончены согласно мною утвержденныхъ предположеній. Весьма важно принять за правило, что-бы пользоваться здѣшними оборонительными постройками, ибо, какъ показалъ опытъ $\frac{28}{XII}$ $\frac{31}{XII}$ и $\frac{4}{I}$, только укрѣпленные пункты, вполнѣ обезпеченные отъ эскалады, могутъ считаться соотвѣтственными. Полисады съ заостренными кольями, волчьи ямы съ таковыми же, я считаю необходимыми принадлежностями укрѣпленій въ ахалтекин-

скомъ оазисѣ. Чѣмъ гарнизонъ меньше, тѣмъ на все это должно быть обращено больше вниманія.

Условія владѣнія водою остаются *первостепенными*. Объ этомъ въ Геоктепе надо серіозно подумать, ибо не всегда будетъ прикрывать воду отрядъ въ Янгикала.

Такъ какъ, вслѣдствіе соображеній политическихъ, незанятіе нами, хотя небольшимъ гарнизономъ, крѣпости Денгильтепе еще долгое время будетъ немыслимо, то и вопросъ о владѣніи водою разрѣшается или: a) устройствомъ колодцевъ, b) очищеніемъ существующей въ раіонѣ ограды и вблизи, c) наконецъ, обезпеченіемъ гарнизона водою изъ соотвѣтственныхъ резервуаровъ. Всѣ мои усилія въ 1876 году устроить таковые на Яръ-мазарѣ, въ ф., командующемъ Маргиланомъ, не увѣнчались успѣхомъ. Прошу васъ представить ваши соображенія по обезпеченію водою на двѣ недѣли, въ новой нашей создаваемой крѣпости Денгильтепе, до 1,000 челов. и 250 лошадей. Если это невозможно—все измѣняется и не стоитъ работать.

3) Фортификаціонныя работы *крайне* желалъ-бы не производить войсками. У насъ войска утомлены—и это *грозно* съ наступленіемъ весны дастъ себя знать. *Это не мѣшаетъ помнить всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей. Теперь же обдумать мѣры. Какъ ни береги войска—послѣдствія усиленныхъ трудовъ скажутся.*

Особенно боюсь за нѣкоторыя части 21 дивизіи и полтавцевъ. Какъ у васъ болѣзненность? Сообщайте чаще. Не появилась-ли опять цынга?? Разрѣшаю вамъ произвести необходимые предварительные расходы по привлеченію 500 человѣкъ рабочихъ изъ персидскихъ предѣловъ. Вамъ очень помогутъ въ этомъ дѣлѣ какъ наши офицеры, такъ въ особенности *Яхда-бекъ-Таировъ*, къ посредству котораго, отъ моего имени, предлагаю вамъ обратиться. Если-бы представилась

необходимость, разрѣшаю выдать необходимые задатки и конвоемъ обезпечить слѣдованіе рабочихъ до Геоктепе. Вообще съ первою партіею прошу васъ обращаться крайне ласково и *осмотрительно.* Персіянъ надо приручить къ намъ. Отъ ихъ участія зависитъ многое въ благосостояніи оазиса и мирномъ его процвѣтаніи. Ласкайте Зульфакаръ-хана, оказывайте ему всякое уваженіе и даже поблажку. Со временемъ, когда дѣла болѣе выяснятся, выяснится и наше положеніе къ Персіи... *Пока окончательно еще не приступлено къ разрѣшенію пограничнаго вопроса, весьма существенно не возбуждать какихъ-бы то ни было недоразумѣній. Намъ и такъ не вѣрятъ—и все правящее въ Хоросани готово употребить всѣ средства, чтобы возбудить серіозныя подозрѣнія въ Тегеранѣ. Это намъ невыгодно съ обще-государственной и международной точки зрѣнія... Вамъ, посылая отрядъ въ персидскіе предѣлы, предлагаю этого не забывать.* Теперь же требуется крайняя осторожность. Одинъ дуракъ броситъ камень въ воду—десять умныхъ не вытащатъ... Отъ ласки къ угрозамъ всегда можно перейдти—обратное же не всегда удается...

О ходѣ вопроса о наймѣ рабочихъ изъ Персіи прошу доносить возможно подробно и чаще.

Назначеніе этихъ рабочихъ:

a) зарыть всю падаль кругомъ крѣпости и въ самой крѣпости. На эту работу воспрещаю, безъ моего вѣдома, употреблять войска. Это главный источникъ заразы и мутить солдатское сердце;

b) строить крѣпость, если таковую строить будемъ. *Донесите безотлагательно—надо знать, возможно-ли въ теченіи этого лѣта стоять въ Денгильтепе или нѣтъ.*

Какъ у васъ идетъ хлѣбопеченіе. Это первостепенно-важный вопросъ. Устройте во что-бы то ни стало.

Пришлите сюда съ транспортомъ хлѣбъ.

с) Постепенно опрокидывать стѣны Геоктепе во рвы крѣпости. Этой работѣ я придаю большое значеніе. Необходимо вспахать Геоктепе.

3) Потребуйте съ тыла безотлагательно большое количество дезинфекціонныхъ средствъ и наблюдайте за дѣйствіемъ коммисіи. Въ Дузулумѣ было такихъ средствъ сосредоточено очень много. Вытребуйте экстренно и доложите письменно начальнику штаба, чтобы онъ распорядился подвозомъ хотябы съ того берега.

4) Между Геоктепе и Асхабадомъ въ теченіи предстоящаго лѣта, во всякомъ случаѣ, будетъ квартировать отрядъ не менѣе какъ въ 4 т. человѣкъ. Я увѣренъ, что труды экспедиціи вызовутъ усиленную болѣзненность. Поручаю вамъ, совмѣстно съ докторомъ Гейфельдеромъ, составить докладъ о немедленномъ обезпеченіи подобнаго отряда, въ случаѣ усиленной заболѣваемости, опредѣляя таковую въ отношеніи 1: 3. Это исполнить въ зависимости отъ средствъ, имѣющихся при войскахъ въ Геоктепе, и не разсчитывая на красный крестъ. Для выигрыша времени, результаты, кромѣ меня, донесите начальнику штаба.

5) Какъ идетъ перевозка довольствія изъ Персіи? Вопросъ этотъ тоже не выясненъ. Какіе пути болѣе удобны въ зависимости отъ мѣстъ расположенія магазиновъ, средоточія перевозочныхъ средствъ, свойствъ дорогъ и переваловъ и т. п. Полагаю, что, пока не остановимся на выборѣ пункта для мѣстопребыванія передового отряда, разумно возможно-поспѣшнѣе свозить довольствіе въ Геоктепе.

Такъ и дѣлайте. Верблюдовъ, которые вамъ назначены начальникомъ штаба, оставьте для этой цѣли до окончанія операціи. Если мало, донесите начальнику штаба и даже задержите изъ вновъ прибывающихъ. Берегите верблюдовъ и кормите на-сколько можете. Не забывайте, что на верблю-

дахъ придется двигать летучія колонны въ пески, отправлять туркестантскій отрядъ, наконецъ, никакая администрація тутъ немыслима безъ подвижности войскъ.

Вотъ почему вамъ необходимо теперь привести въ порядокъ имѣющіяся при отрядѣ *водоемныя средства* и донести начальнику штаба о положительной необходимости таковыхъ при дѣйствующихъ отрядахъ.

6) Старайтесь войдти въ связь съ бѣжавшимъ населеніемъ. *Надо всѣми силами стараться умиротворить край* до конца февраля, чтобы было кому орошать существующія многочисленныя запашки и сдѣлать новыя раннею весною. Что съ семействами? Какъ ни тяжело, а ихъ кормить надо. Ничего не должно помрачить, во ввѣренномъ намъ дѣлѣ, блескъ имени русскаго государя. Впроголодь держать, въ разумной пропорціи, по необходимости, разрѣшаю. Предлагаю дѣйствительно оградить ихъ отъ всякаго насилія и вообще *пора*, чтобы дисциплина, въ строгомъ смыслѣ слова, вновь вступила въ свои права. Соотвѣтственно этого предлагаю распорядиться.

7) Снеситесь съ Таировымъ немедленно—*возможно-ли привлечь персидскихъ рабочихъ для присмотра и орошенія засѣянныхъ въ оазисѣ полей*. Можно-бы согласиться изпола—какъ въ Россіи. Представьте соображенія и по этому. *Мнѣ сдается, что охотники найдутся, если только не помѣшаютъ власти. Въ этомъ задача. Тутъ-бы пупнуть клочаніевъ Тегераномъ... Пощупайте Зульфакара...*

Въ заключеніе, вы получите распоряженіе о движеніи подполковника Гайдарова съ отрядомъ въ пески на соединеніе (подполковн. Гайдарова) съ полковникомъ Куропаткинымъ. Считаю излишнимъ напоминать о всѣхъ необходимыхъ мѣрахъ предосторожности при *снаряженіи* отряда. Соберите бочата и обезпечьте водою. Проводниковъ надо много, ибо надежныхъ

нѣтъ. Гайдарову передайте, что ему *вѣрю*, что онъ не помрачитъ громкой славы войскъ...

Транспортъ возвращайте съ довольствіемъ.

Истинно цѣнящій вашу полезную и энергическую службу,

вашъ покорный слуга

М. Скобелевъ.

Поздравьте всѣхъ. Государь повелѣлъ: «торжественный молебенъ, большой выходъ при дворѣ, наконецъ, 101 орудійный выстрѣлъ.»

VIII.

21-го января, 1881 года. Ахабадъ на новой позиціи.

Полковнику Арцишевскому.

«Обращаю строгое ваше вниманіе на необходимость поддержанія въ войскахъ строжайшей дисциплины. Обращаю ваше вниманіе на отдѣльныя колонны, выдѣляемыя изъ состава болѣе значительныхъ отрядовъ и на прикрытіе транспортовъ, двигающихся между Бами и Геоктепе, а также и относительно возвращающагося съ покорностію населенія.

Опытъ многихъ моментовъ, подобныхъ нынѣ переживаемому въ средней Азіи, меня убѣдилъ, что держать войска въ порядкѣ, послѣ временно-разрѣшенной *баранты* *), особенно трудно. Нужно, чтобы начальники проникнулись убѣжденіемъ въ необходимости заставить войска соблюдать порядокъ и безусловно отказаться отъ поползновенія шалить и тогда, когда

*) Баранта — воля, свобода.

обстоятельства перемѣнились кореннымъ образомъ; интересъ государственный требуетъ возможно поспѣшнаго замиренія края, возвращенія жителей къ очереднымъ мирнымъ занятіямъ. Это, наконецъ, значительно облегчитъ положеніе самихъ войскъ, имѣющихъ быть въ теченіи лѣта въ оазисѣ. Исполняйте точно и доносите.

Генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛІОТЕКА
М. А. Л. КУРСКОЙ
Шебекино, Курской г.
Шкафъ
Отдѣлъ 2
№ по каталогу 303

IX.

22-го января 1881 года. Асхабадъ.

Полковнику Арцишевскому.

1) «Вмѣстѣ съ симъ мною дѣлается распоряженіе, которое вамъ принять къ руководству: то, что нами захвачено, считается военною добычею, и поступило уже въ собственность казны. Все то имущество и довольствіе, которое населеніе будетъ находить въ землѣ, въ зданіяхъ, считается собственностію жителей, изъявившихъ покорность.

Впослѣдствіи будутъ назначены туземные суды, которые будутъ разбирать всѣ споры по владѣнію имуществомъ. Мы въ это теперь не входимъ.

Само-собою разумѣется, что фуражировки въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя изъявятъ покорность и которымъ офиціально будетъ дано разрѣшеніе селенія, производить не слѣдуетъ. Какъ примѣнять это въ данномъ случаѣ—отсюда опредѣлить трудно,—имѣйте лишь въ виду, что долгъ службы требуетъ теперь умиротворить край всѣми мѣрами.

Разрѣшаю вамъ, именемъ моимъ, разрѣшать жительство въ данномъ пунктѣ, стараясь не выдавать ихъ отдѣльнымъ лицамъ. Свидѣтельства эти должны быть препровождаемы ко мнѣ въ штабъ.

Обратите строгое вниманіе на то, чтобы джигиты и другіе служащіе туземцы не брали-бы съ народа взятокъ и самовольныхъ поборовъ.

Предупреждаю, что виновные въ этомъ будутъ казнены моею властію.

Желательно-бы отобрать у нихъ оружіе, но настаивать и насиловать отнюдь не настаиваю. Тѣ, которые поддадутся, пусть оружіе будетъ отобрано и сложено въ одномъ мѣстѣ.

Въ заключеніе прошу васъ, въ частяхъ войскъ подъ Геоктепе выбрать 10 надежныхъ и честныхъ офицеровъ для занятія должностей по народному управленію.

Списки этихъ кандидатовъ прошу представить ко мнѣ, съ отмѣтками о прежней ихъ службѣ.

Прошу присланныхъ мною людей принять ласково, способствовать имъ отобрать семейства, слѣдите за ними зорко и вѣрьте присланному мною подпоручику Магометову.

Обо всѣхъ моихъ распоряженіяхъ, также о фактическомъ ихъ примѣненіи, доносите какъ въ штабъ войскъ, такъ и въ тылъ начальнику штаба закаспійскихъ войскъ. Съ возвращающимся населеніемъ обращайтесь честно, гдѣ выгодно—даже великодушно, въ особенности опасайтесь стать на почву чиновничьихъ придирокъ и бюрократическихъ проволочекъ. Азія этого не выноситъ. При всемъ томъ, какъ-бы небосклонъ не представлялся безмятежно радужнымъ, тѣмъ *крѣпче* держите камень за пазухой. Помните кн. Бековича-Черкаскаго, подполковника Рукина, наконецъ, весьма сходныя съ нынѣшними событія, предшествовавшія кровопролитному чандырскому дѣлу $18\frac{15}{VII}73$ г.

Не забывайте, что обстановка въ средней Азіи измѣняется не по часамъ, а по мгновеніямъ. Осторожность, осторожность, осторожность...

Генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

X.

25 января, 1880 года. Асхабадъ, 8 ч. веч.

Полковнику Арцишевскому.

«Только-что переговаривался съ Сафи-ханомъ—и кажется дѣло умиротворенія пойдетъ на ладъ. Надо *не допускать войска до насилій* и слѣдить за распространителями ложныхъ слуховъ, смущающихъ народъ. Ничего не имѣю противъ того, чтобы подобныхъ господъ, а также курдскихъ мародеровъ научить полевымъ судомъ.

Прошу васъ—не обращайтесь, безъ моего разрѣшенія, къ Зульфакаръ-хану. Это теперь роняетъ наше значеніе въ глазахъ туземцевъ—*особенно текинцевъ*, въ будущемъ-же отъ подобныхъ прецедентовъ могутъ выйдти еще бо́льшія неудобства.

Дѣлайте все возможное для облегченія участи несчастнаго населенія. Русскіе лежачаго бить не умѣютъ...

Мнѣ надо идти къ Теджену съ 4 ротами, 3 сотнями, 4 ор. *Помогите* поднять 15 дней довольствія (69 фург.) и *два дня воды*. Отвѣчайте.

Вашъ М. Скобелевъ.»

XI.

Народу Ахала.

«Братъ великаго русскаго государя, намѣстникъ кавказскій, которому отнынѣ подчиняется народъ Ахалтеке, въ безграничной заботливости своей о ввѣренныхъ его попеченію народахъ, прислалъ сюда свое довѣренное лицо, которому поручилъ узнать всѣ нужды текинцевъ.

Намѣстникъ приказалъ выдать наиболѣе нуждающимся жителямъ хлѣбъ, что и исполняется.

Увѣренъ, что населеніе оцѣнитъ эту милость брата государя.

Благоразумные люди вернулись на свои мѣста. Но есть еще слабые люди, которые слушаютъ разныхъ проходимцевъ и не селятся въ Атекѣ. Предваряю ихъ, что я назначу срокъ, къ которому они должны поселиться въ оазисѣ. Всѣ неявившіеся къ сроку, будутъ сочтены измѣнниками и бунтовщиками. А я, вы знаете, двухъ словъ не имѣю.

Генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

XII.

23 января, 1881 года. Асхабадъ, 9 ч. 35 м. в.

Полковнику Куропаткину.

«Донесеніе ваше за № 127, изъ Изгента, только-что получилъ.

Посылаю предписаніе полковнику Арцишевскому собрать, что можно, водоподъемныхъ средствъ и направить ихъ въ распоряженіе начальника отряда въ Куня-гекъ-тепе (поспѣшно.)

Думаю, что необходима *мочь* выдвинуть къ вамъ на помощь, на три перехода по направленію на Илекъ-салешъ, хотя-бы *одну* мобилизованную *роту* и *одну сотню* съ ракетными станками, значеніемъ которыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ пренебрегать не слѣдуетъ.

Полковнику Арцишевскому, вмѣстѣ съ симъ, предписывается выслать, тотчасъ по полученіи приказанія, если найдется, 30 бочатъ, пяти-ведерной вмѣстимости, и 15—20 верблюдовъ подъ воду, въ распоряженіе начальника куня-гекъ-тепискаго отряда. Кромѣ того, туда же сосредоточить 35 верблюдовъ для подъема пяти-дневнаго довольствія на роту въ 150 человѣкъ и сотню въ 80 казаковъ. Довольствіе подвезти изъ Геоктепе. Считаю три дня на людяхъ. О лошадяхъ, не зная вашего положенія, не говорю—кормъ въ пескахъ, по крайности, всегда есть.

Начальнику гекъ-тепинскаго отряда, полковнику Арцишевскому, предписывается создать вышесказанныя средства непремѣнно, хотя-бы конфискуя собственность маркитантовъ при отрядѣ, у которыхъ найдутся и бочата, и бурдюки.

Наконецъ, есть бочата въ инженерномъ складѣ.

Если-бы эти мѣры, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, оказались-бы излишними, то разрѣшаю вамъ, моимъ именемъ, сообщить полковнику Арцишевскому объ отмѣнѣ ихъ.

Не скрою отъ васъ однако, что движеніе отряда съ вами въ глубь песковъ, въ центръ столь многочисленнаго и озлобленнаго населенія, хорошо вооруженнаго и имѣющаго *дальнобойныя ружья*, при обстоятельствахъ, далеко не выясненныхъ, и имѣя при васъ сомнительныхъ проводниковъ, безъ подвижного резерва, который могъ-бы во всякую данную минуту *дѣйствительно* идти къ вамъ на помощь (хотя-бы для этого пришлось-бы сдѣлать отъ 90—120 верстъ въ 3 дня), положительно плохо вяжется съ моими убѣжденіями объ осторожности въ степной войнѣ.

Я мирюсь съ подвижнымъ резервомъ, столь *слабаго* состава, какъ *рота* и *сотня съ нѣсколькими ракетными* станками, потому, во первыхъ, что не надѣюсь собрать въ главныхъ силахъ, въ данный короткій срокъ, предполагая, что вы двинитесь въ пески 25 января, бо́льшее число бочатъ и верблюдовъ, не нарушивъ, относительно послѣднихъ, основныхъ продовольственныхъ соображеній въ тылу.

2) Опытъ многихъ боевыхъ случаевъ доказалъ, что смѣлое наступленіе *на выручку* (Баязетъ) своихъ, хотя-бы не большихъ силъ, почти всегда бываетъ успѣшно, ибо застаетъ непріятельскія массы врасплохъ, напряженными не въ сторону отряда, поспѣшающаго на выручку.

3) Представляется возможность (въ случаѣ военнаго значительнаго столкновенія вашего отряда), куня-гекъ-тепинскому отряду выступить *въ полномъ составѣ* на *одинъ* переходъ (3 р., 1 с., 2 ор.) *впередъ* по направленію къ вамъ, а за тѣмъ въ ту же *ночь* двинуть *форсированно*, съ перваго перехода, на соединеніе къ вамъ роту, сотню и нѣсколько

ракетныхъ станковъ (быть можетъ еще и орудія). Для этой колонны (1 р., 1 с. при ракетахъ), которую, разумѣется, необходимо обезпечить по степному, главный залогъ успѣха— быстрота движенія и рѣшительность появленія. Понятно, что она должна быть *въ рукахъ смѣлыхъ* и опытныхъ, двѣ роты простоятъ, пройдя одинъ переходъ, сколько *могутъ*—чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, какъ заставитъ необходимость вернуться въ Куня-гекъ-тепе.

Полагаю, что при обдуманности нашихъ распоряженій и рѣшительности въ исполненіи, извѣстная *бдительность* нашихъ непріятелей, на этотъ разъ, можетъ имъ же послужить во вредъ. Кабаръ *), что *копъ* **) русскихъ пошло изъ Куня къ вамъ на выручку, быстро достигнетъ полчищъ, которыя бы дѣйствовали противъ васъ и, при быстромъ появленіи, *одна рота* и *одна сотня* имѣютъ шансы соединиться съ вами подъ фирмою значительныхъ силъ и произвести ожидаемое отъ таковыхъ какъ нравственное, такъ и матеріальное воздѣйствіе.

Вотъ, дорогой полковникъ, мой взглядъ на наиболѣе безопасный образъ дѣйствій въ виду предстоящаго вашего степного движенія на к. Кизылъ-сакалъ или Илекъ-салешъ.

Заключаю—мною высказанное даже не совѣтъ, ибо вамъ на мѣстѣ, при вашей боевой опытности, гораздо удобнѣе щупать пульсъ обстановки...

Прощаюсь, напоминая два обыкновенныхъ изрѣченія большого полководца: á...***)

Генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

---

*) Слухъ.

**) Много.

***) Цитата въ подлинникѣ не приведена. *Авт.*

XIII.

24-го января, 1881 года. Асхабадъ. 11 ч. веч.

Начальнику туркестанскаго отряда.

«Совершенно согласенъ, что движеніе ваше въ пески *необходимо*. Наконецъ, надо же толково кончить начатое дѣло — вернуть въ оазисъ, что можно, населеніе, и тѣмъ положить начало прочному умиротворенію оазиса.

Очень радъ, что вы побываете въ Геоктепе; надо сдѣлать все возможное для облегченія участи населенія. Дайте толковаго и понимающаго офицера, чтобы на первое время ими завѣдывать. Въ туркестанскомъ отрядѣ найдти легче.

Помогать населенію, изъявляющему покорность, намъ такъ или иначе придется. Съ этою цѣлью сегодня командировалъ капитана Баранка, давъ ему инструкцію.

1) Очевидно обезпеченныхъ, хотя-бы въ извѣстной степени, этимъ выдать свидѣтельства и селить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили до войны или по желанію.

2. Возвращающихся, хотя и въ бѣдственномъ положеніи, но имѣя хотя не большое число барановъ, скотины и проч., этимъ тоже выдавать свидѣтельства на жительство и возможно-поспѣшно направлять на свои земли.

3) Совершенно ничего неимущимъ — имъ давать, по возможности, кибитки или хотя старые войлоки, муку, джугару и т. п. и тоже направлять на прежде занимаемыя ими мѣста или на новыя, по ихъ желанію.

Положеніе населенія, теперь бѣдственное, облегчится отчасти, когда они будутъ водворены. У нихъ много зарытаго добра. Мною сдѣлано строгое распоряженіе, чтобы *таковое оставлено было-бы въ полномъ обладаніи населенія.*

Кромѣ того, приказано вездѣ, гдѣ возвращается населеніе, *прекратить фуражировки*. Первымъ такимъ счастливымъ мѣстомъ, кажется, будетъ Бозмеинъ. Я знаю, что это распоряженіе во многомъ затруднитъ войска, но оно необходимо. Наиболѣе серіозный вопросъ—это топливо, котораго нѣтъ. Придется довольствоваться пока бурьяномъ и т. д., а затѣмъ измышлять.

Мой взглядъ объ обезоруженіи населенія въ средней Азіи вы знаете; совершенно согласенъ, что надо пользоваться минутою, но и строить домъ свой на этомъ тоже не слѣдъ. Объявите теперь-же, какъ только замѣтите, что изсякла готовность выдать оружіе, что носить оружіе воспрещается подъ строгимъ штрафомъ, что ихъ защититъ бѣлый царь и т. д. Не затрогивайте вопроса объ освобожденіи отъ военной службы—текинцы такіе молоды, что нѣсколько сотенъ такой кавалеріи сводить подъ Вѣну—не плохое дѣло...

Въ мою служебную практику я въ третій разъ переживаю періоды огромныхъ народныхъ бѣдствій зимою, послѣ кровавыхъ пораженій: зимою 76 г. въ Ике-су, январь 78 между Марицей и Босфоромъ, наконецъ, теперь; тутъ *помочь нельзя*—часть погибнетъ; утѣшеніе, что память объ ужасномъ годѣ — залогъ мирнаго процвѣтанія края на очень долго; это лучшій холодильникъ для религіознаго фанатизма и поэтизированія войны.

Нѣкоторымъ вліятельнымъ семействамъ я приказалъ *помочь серіозно* (объ этомъ отправлено Арцишевскому подтвержденіе), дабы этимъ положить начало хотя небольшому кружку людей, испытавшихъ добро отъ русской власти. Это намъ и по средствамъ. Донесите—*когда и какъ* рѣшили идти въ пески.

Генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

[illegible]

[illegible]

Милостивый государь, [illegible]

[illegible] вниманіемъ, [illegible] разстройствомъ, которое [illegible] неустанныхъ [illegible] за[illegible]

[illegible] Фениксовичъ, что [illegible] и въ свое время сочту долгомъ [illegible] по всей справедливости [illegible] благоусмотрѣніе августѣйшаго нашего [illegible]

[illegible] кончимъ вмѣстѣ. Вы [illegible] пусть везетъ .... но везти такой [illegible] силу везти въ эту трудную [illegible] почетно и не всякому по плечу...

[illegible] служака и не человѣкъ первыхъ [illegible]. Вы, конечно, съ сердцемъ и довѣріемъ [illegible] столько же откровенному, сколько и дру[illegible]

[illegible] въ лагерѣ подъ Геоктепе, Шуд[illegible] прошу удержать, во что-бы ни стало, [illegible] и [illegible]. Посылайте мнѣ чаще [illegible] извѣстія [illegible]. Какъ идетъ [illegible]

[illegible] нала[illegible]

[illegible] М. [illegible]

XV.

21 февраля, 1881. г. Асхабадъ.

«Адольфъ Феликсовичъ.

Передайте Шуджѣ, что я вчера вечеромъ выѣхалъ изъ Люфтабада, гдѣ задержанъ былъ крайне важными и благопріятными извѣстіями изъ Мерва. Вмѣсто вечера 22 февраля, какъ предполагалъ сначала быть въ Гектепе, буду завтра утромъ. Передайте ему—какъ я доволенъ его прибытіемъ *въ нашу страну* и какъ пріятно будетъ государю императору и великому князю доказательство его дружбы къ русскимъ властямъ.

Командирую къ нему Столѣтова съ письмомъ. Все это прошу ему объяснить.

М. Скобелевъ.

XVI.

«Письмо ваше, Адольфъ Феликсовичъ, отъ 8 марта, 11 часовъ ночи, изъ Асхабада, я только-что получилъ.

1) Согласенъ на перенесеніе лагеря на новое мѣсто, гдѣ предположено строить крѣпость. Туда же свозите и всѣ подходящіе изъ тыла грузы.

2) Постройка крѣпости *должна* быть двинута *крайне энергично*. Предписываю начать земляныя работы войсками. Стѣну, думаю, можно класть впослѣдствіи персидскими рабочими.

Относительно найма таковыхъ, просите начальника штаба сдѣлать настоятельное распоряженіе.

3) Прибывающій мой штабъ, съ моею юламейкой, не откажите расположить по близости новаго мѣста, *въ саду*.

4) Прослѣдите—есть-ли тифъ между жителями, какого онъ свойства? Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ, и здоровье войскъ блистательно.

5) Гайтова съ осетинами двиньте ко мнѣ. Съ ними можно отправить важныя бумаги, которыя съ джигитами было-бы признано опаснымъ посылать.

Между Асхабадомъ и Люфтабадомъ завелась небольшая шайка разбойниковъ. Они получаютъ будто довольствіе въ Аннау. Разберите это дѣло и, на всякій случай, нагоните холода на аннаулинскихъ старшинъ. Это тоже, что были нухурцы въ прошломъ году—объ нихъ намъ говорилъ Шуджа. Они привыкли—и нашимъ, и вашимъ. *Серіозно* внушите имъ, что время это миновалось и что русская власть этого не допуститъ.

Какъ только штабъ соберется въ Асхабадъ, не откажите меня увѣдомить—я тотчасъ же вернусь. Скажите Рудковскому, что *увѣренъ* застать работы по возведенію крѣпости въ полномъ ходу.

Дружески жму вамъ руку, высоко васъ цѣнящій

М. Скобелевъ.»

XVII.

28 февраля, 1881 г. Асхабадъ.

Штабсъ-капитану Люшину.

«1) Завтра походному отдѣленію штаба, взявъ съ собою писарей и все необходимое для продолженія дѣлопроизводства, выступить пораньше. Ночевать въ Гяурсѣ.

2) Полковнику Арцишевскому произвести осмотръ лагеря, магазина, госпиталя, и обо всемъ замѣченномъ мнѣ донести завтра, къ 11 ч. утра. Подполковнику Рудковскому все нужное для отряда сообщить полковнику Арцишевскому—черезъ него начальникъ штаба сдѣлаетъ всѣ распоряженія.

3) Завтра я буду ночевать въ Гяурсѣ, туда прибуду въ тележкѣ съ казачьимъ конвоемъ.

4) Князя Эристова предупредить, чтобы не было почетнаго караула.

Генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

XVIII.

22 марта, 1881 г. Асхабадъ. 3 часа по полуночи.

Полковнику Арцишевскому.

«Предлагаю вашему высокоблагородію сегодня, 22 марта, съ сотнею казаковъ отправиться въ Гяурсъ, повѣрить линію и слухи о сосредоточеніи мервскихъ шаекъ на Теджентѣ.

Вмѣстѣ съ симъ отрядъ маіора Докукина, въ полномъ составѣ, двиньте въ Люфтабадъ въ два перехода, при чемъ имѣть ночлегъ на бабадурманской водѣ. Отрядъ обезпечить четырехъ-дневнымъ довольствіемъ для людей и лошадей, кошмами, юламейками, снабдивъ для сего отрядъ перевозочными средствами. Оставшееся довольствіе возвратите въ Асхабадъ.

Маіора Докукина снабдите соотвѣтствующею инструкціею, при чемъ предписываю обратить вниманіе: 1) расположить отрядъ на ночлегъ, по возможности, скученнымъ кареемъ, ставя юламейки, имѣющіеся фургоны, вьючныя сѣдла и т. под. впереди фасовъ, орудія, зарядные ящики, напротивъ того, не выдвигать слишкомъ впередъ за фасы-каре, по возможности затрудняя къ нимъ доступъ. Юламейки ставить выходами во внутрь каре. 2) Выбирать мѣстность, по возможности, пересѣченную, упирая какой-либо фасъ въ непроходимое препятствіе. Вообще, начальникъ колонны, подобной ввѣренной маіору Докукину, долженъ имѣть въ виду возможность всегда столь внезапнаго ночного натиска значительныхъ непріятельскихъ полчищъ какъ въ пѣшемъ, такъ въ конномъ строѣ (15 іюля. 1873 г., подъ Чандыромъ, 30 іюля, 1880 г., при Хаджакала, вылазки подъ Геоктепе). А потому, конечно, не ночью начальнику штаба и офицерамъ слѣдуетъ отдыхать, а напротивъ того—бодрствовать, бодрствовать и бодрствовать, во имя чести, знамени и долга присяги!

3) Очень рекомендую систему сильныхъ секретовъ на соотвѣтственно избранныхъ пунктахъ, при чемъ эти секреты обезпечивать или природнымъ, или искусственнымъ валикомъ. Конныхъ постовъ ни въ какомъ случаѣ не ставить, но предписываю въ теченіи всей ночи связь между постами поддерживать постоянными небольшими конными разъѣздами, патрулирующими кругомъ лагернаго расположенія на встрѣчу другъ другу. Желательно придавать этимъ разъѣздамъ тру-

бачей, за неимѣніемъ ихъ, заставлять громко окликать и вообще принимать всѣ мѣры, чтобы непріятель былъ убѣжденъ въ нашей постоянной бдительности, ибо въ этомъ враждебномъ краѣ даже самому опытному начальнику отряда невозможно быть увѣреннымъ, что онъ своевременно угадаетъ всегда вѣроятное внезапное нападеніе.

4) Какъ всегда на войнѣ, такъ и здѣсь, обращаю вниманіе маіора Докукина на примѣты. Таковыми, кромѣ обыкновенныхъ, наиболѣе заслуживающими вниманія, есть поведеніе населенія, туземныхъ торговцевъ и служащихъ въ отрядѣ джигитовъ. Если населеніе безпокойно, торговцы удаляются изъ отряда, базаръ слабѣетъ, а джигиты, подъ разными предлогами, отказываются отъ служебныхъ порученій, то слѣдуетъ усилить мѣры осторожности. Если джигиты часто самовольно исчезаютъ, а частью до того лѣпятся къ войскамъ, что, такъ сказать, мѣшаютъ ихъ движенію или расположенію, то опасность значитъ близка. Появленіе въ окружности нашего лагернаго расположенія разныхъ дивановъ (юродивыхъ) тоже не хорошій признакъ.

Предлагаю вашему высокоблагородію дополнить настоящую инструкцію указаніями, истекающими изъ ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ. Джигитовъ вы имѣете усилить по всей линіи и имѣть таковыхъ въ Аннау, Гяурсѣ, Бабадурмасѣ и Люфтабадѣ.

Дополненія о положеніи дѣлъ должны поступать ко мнѣ ежедневно, о чемъ вы должны передать моимъ именемъ подполковнику Кузьмину-Короваеву и маіору Докукину о благополучномъ слѣдованіи.

Обезпечьте довольствіемъ джигитовъ въ Бабадурмасѣ изъ остатка войскового запаса въ Гяурсѣ, принявъ въ разсчетъ джигитовъ, уже нынѣ находящихся въ Бабадурмасѣ (15 чел.).

Сообщите подполковнику Кузьмину-Короваеву, чтобы къ 25 числу заготовилъ довольствіе для колонны маіора Докукина, входящей въ составъ отряда люфтабадскаго.

Распустите по пути хабаръ, что много войскъ и пушекъ высадилось въ Красноводскѣ. Сообщите объ этомъ въ Люфтабадѣ—какъ джигитскій слухъ.

Предложите моимъ именемъ подполковнику Кузьмину-Короваеву не жалѣть денежныхъ средствъ для наблюденія за Теджентомъ и путями въ оазисъ, посредствомъ надежныхъ лазутчиковъ. Предлагаю вамъ тоже самое.

Заключаю подтвержденіемъ приказанія вамъ, подполковнику Кузьмину-Короваеву и маіору Докукину — ежедневно мнѣ доносить.

Дополнительный наемъ джигитовъ, для соотвѣтственной организаціи наблюденій джигитами всего пути отъ Асхабада до Люфтабада и ежедневной джигитской почты, вамъ разрѣшается.

По исполненіи вышеизложеннаго, ваше высокоблагородіе возвращайтесь въ Асхабадъ и доносите мнѣ обо всемъ подробно.

Временно-командующій войсками, дѣйствующими въ Закаспійскомъ краѣ, генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛІОТЕКА
М. А. МАНСУРОВОЙ
Шебекино, Курс
Шкафъ
Отдѣлъ
№

V.

Пояснительная записка къ письмамъ Михаила Дмитріевича Скобелева.

1) *Кличкопалъ*—предводитель туркменскаго племени *курджуковъ*. Кличкопалъ жилъ за Атрекомъ, былъ извѣстный храбрый разбойникъ, объявлялъ астрабадскому губернатору *свою* войну, когда персидское правительство налагало подать болѣе десяти *кранъ* съ кибитки. Кранъ равняется 30 коп., иногда ходитъ и въ 35 копѣекъ. Кличкопалъ сначала поставлялъ намъ верблюдовъ, за что получалъ хорошіе подарки. Впослѣдствіи онъ сталъ вести переговоры съ текинцами и началъ дѣлать нападеніе на наши транспорты, на правомъ берегу Атрека. Вотъ почему въ письмахъ Скобелева есть свое соображеніе—какъ я предполагаю поймать Кличкопала и какія мѣры принимаю къ охранѣ линіи.

2) *Вачнадзе*—младшій телеграфистъ въ Астрабадѣ, работавшій по нашей линіи. Онъ часто ѣздилъ для починки телеграфной линіи между Чикишляромъ и Астрабадомъ. Узнавъ, что онъ говоритъ потуркменски, г. Арцишевскій поручилъ ему собирать свѣдѣнія у туркменъ о текинцахъ. Вачнадзе, вслѣдствіе большихъ жаровъ, обрилъ себѣ волосы, смуглый цвѣтъ лица, какъ грузина, сдѣлали его у туркменъ своимъ человѣкомъ, котораго будто только горькая судьба заставила принять рус-

скую службу. Такимъ образомъ Вачнадзе пріобрѣлъ у туркменъ полное довѣріе и уваженіе, имѣя своихъ приближенныхъ и чрезъ нихъ получалъ самыя подробныя свѣдѣнія не только что дѣлается у туркменъ, но даже у текинцевъ—куда они изъ Геоктепе предпринимаютъ набѣги, въ какомъ количествѣ; изъ Астрабада Вачнадзе все это сообщалъ Арцишевскому по телеграфу, а онъ, какъ начальникъ всей линіи, принималъ мѣры и сообщалъ въ Бами Скобелеву.

Изъ текинцевъ мы не могли имѣть ни одного лазутчика.

Маслокатъ и Шайдой.

Маслокатъ—потуркменски значитъ сборище, совѣтъ, гдѣ они обсуждаютъ народныя и общественныя дѣла.

Въ письмѣ генерала Скобелева говорится, что «собирается маслокатъ у бугра Санги-Саватъ, на рѣкѣ Гюргенъ, для обсужденія нападеній на нашу линію, и туркменъ *Шайдой*, изъ племени джафарбай, былъ избираемъ этимъ племенемъ предводителемъ во время нападеній на наши транспорты. Шайдой въ 1879 г., во время экспедиціи генерала Лазарева, держалъ себя двулично, даже враждебно намъ, за что былъ арестованъ и отправленъ въ Баку подъ надзоръ; впослѣдствіи онъ былъ освобожденъ генераломъ Тергукасовымъ, и поселился въ предѣлахъ Персіи, на рѣкѣ Гюргенъ. Въ 1880 году Шайдой по ночамъ пріѣзжалъ въ туркменскій аулъ Гасанкули, на правой сторонѣ Атрека, гдѣ находился его любимый внукъ и одинъ сынъ; подъ предлогомъ свиданія съ ними, Шайдой собиралъ всѣ свѣдѣнія—что дѣлается въ Чикишлярѣ, сколько войскъ и какіе транспорты прибываютъ и убываютъ въ Бами. Какъ я ни караулилъ его, говоритъ г. Арцишевскій, но старый волкъ, бывшій разъ въ ямѣ, имѣлъ тоже своихъ лазутчиковъ, почему я и приказалъ его любимаго внука и сына взять и съ казаками отправилъ въ Чикишляръ, а Шайдою послалъ объявить, что [illegible] будут[illegible]заны, такъ какъ не-

редерживали у себя бѣглеца и сообщали свѣдѣнія о нашихъ войскахъ, то чтобы онъ явился самъ ко мнѣ, и тогда ни ему, ни его внуку ничего не сдѣлаю—иначе внукъ его пострадаетъ. Срокъ шесть дней. Ровно на шестой день явился ко мнѣ Шайдой—и я приказалъ ему немедленно переселиться совсѣмъ своимъ семействомъ въ Чикишляръ и обѣщалъ зачислить его на службу. Теперь же онъ остается у меня гостемъ, пока все его семейство не пріѣдетъ сюда въ трехдневный срокъ. Онъ послалъ своего сына и перевелъ семейство,—но оказалось, что это была его старая жена и ея дѣти, а любимая жена осталась на Гюргенѣ. Тогда я заявилъ ему, что сержусь на него—что онъ не привезъ свою молодую жену, и что онъ до ея пріѣзда всетаки будетъ мой гость.

Шайдой, понявъ свое положеніе, быстро перевелъ все свое семейство, поселился въ Чикишлярѣ и былъ намъ очень полезенъ.

4) Маіоръ *Ротчевъ*. При проѣздѣ генерала Скобелева черезъ Петровскъ или гдѣ-то, кажется, въ Дагестанѣ, Ротчевъ заявилъ Скобелеву, что онъ изобрѣлъ печь, которая отапливается нефтью для печенія хлѣба. Скобелевъ, зная, что дрова трудно доставать въ ахалтекинской экспедиціи, пригласилъ Ротчева для устройства этихъ печей по атрекской линіи, и, дѣйствительно, въ трехъ пунктахъ печеніе хлѣба и варка пищи производились этимъ способомъ. Въ Караджабатырѣ приказано было приспособить и баню къ отопленію нефтью, нефть была очень дешева, а главное—удобно перевозилась на верблюдахъ, дрова-же требовали фургоновъ и стоили очень дорого.

5) *Щербина*—былъ смотрителемъ продовольственнаго магазина въ Чикишлярѣ.

6) *Тероганов*ъ—армянинъ, имѣющій торговыя конторы въ Персіи въ нѣсколькихъ пунктахъ; оказывалъ намъ свое со-

дѣйствіе въ наймѣ и покупкѣ верблюдовъ и былъ нашимъ агентомъ по покупкѣ разныхъ предметовъ въ Персіи.

7) *Тюлень*—это паровая лодка каспійской флотиліи. «Тюлень» временно находилась на рейдѣ Чикишляра, на ней перевозили туркменъ и разныя тяжести.

8) *Криштопенко*—капитанъ апшеронскаго полка, былъ комендантомъ въ Чатѣ, и съ особымъ усердіемъ исполнялъ возлагаемыя на него порученія; о немъ, впослѣдствіи, и было сообщено Скобелеву—какъ о дѣятельномъ офицерѣ.

9) *Пойманные гокланцы.* Гокланцы—это нѣсколько разбойниковъ, грабившихъ персидскіе караваны, которые шли къ намъ съ мукою и разными другими продуктами, и потомъ убили нѣсколькихъ туркменъ, преданныхъ намъ и снабжавшихъ насъ сѣномъ и верблюдами, чѣмъ и наводили страхъ на жителей; мы, между тѣмъ, лишались нѣкотораго довольствія и верблюдовъ, слѣдуемыхъ изъ Буджнурта, со стороны атрекскаго населенія, то г. Арцишевскій поручилъ своимъ агентамъ вызвать этихъ разбойниковъ въ Чатъ—подъ предлогомъ покупки лошадей за дорогую цѣну. Когда они явились, Арцишевскій телеграфировалъ коменданту Криштопенко, чтобъ ихъ арестовать, и населеніе, такимъ образомъ, было избавлено отъ пяти главныхъ предводителей шаекъ разбойниковъ.

10) *Шуджа-адъ-дуле*—титулъ въ Персіи, значитъ «слава государства». Хану кучанскому *Амиръ-Гуссейну*, за его боевыя и административныя заслуги, былъ данъ этотъ титулъ. По взятіи нами Геоктепе, Шуджа-адъ-дуле, какъ самый близкій сосѣдъ ахалтекинцевъ, съ которыми онъ нѣсколько лѣтъ боролся, пожелалъ прибыть къ намъ въ лагерь, чтобъ поздравить лично генерала Скобелева съ славною побѣдой отъ имени шаха и познакомиться съ нимъ. Михаилъ Дмитріевичъ изъявилъ на это свое согласіе и приказалъ сдѣлать встрѣчу Шуджа-адъ-дуле самую пышную, такъ какъ онъ одинъ

изъ богатыхъ хановъ Персіи, живетъ весьма роскошно, славится своимъ умомъ, знаніемъ и даже знакомъ съ Европою. Шуджа-адъ-дуле пріѣхалъ къ намъ съ своею свитою въ сто человѣкъ, былъ принятъ самымъ почетнымъ образомъ, и прожилъ нѣсколько дней, угощаемый ежедневно роскошными обѣдами, музыкою и фейерверкомъ. Вотъ почему Михаилъ Дмитріевичъ пишетъ г. Арцишевскому въ своемъ письмѣ, чтобы онъ, до его пріѣзда въ лагерь, занималъ и угощалъ Шуджа-адъ-дуле всѣмъ и даже «томашой». (Томаша — значитъ танцы, пляска, восточное веселье). У Шуджа-адъ-дуле была замѣчательная сабля, временъ Дарія Гистаспа, подаренная Даріемъ его предку, которая и передается въ потомствѣ Дуле изъ рода въ родъ.

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛІОТЕКА
М. А. [illegible]СУРСКОЙ
Шебекино, Курской г.
Шкафъ 2
Отдѣлъ
№ по каталогу 303

VI.

Движеніе Скобелева въ глубь текинскаго оазиса.

«Азія всегда дѣйствуетъ двусмысленно» — говоритъ Скобелевъ въ своемъ письмѣ — и онъ совершенно правъ, совершенно вѣренъ тѣмъ историческимъ традиціямъ, которыя Россіи пришлось пережить до сего времени относительно Азіи. Даже наша прошлая «громкая» турецкая война до сихъ поръ заставляетъ каждаго русскаго думать о томъ, что мы кругомъ были обмануты «азіей», турками, нежелающими платить намъ военной контрибуціи и по днесь.

Это особенно важно въ томъ случаѣ, когда вы поставлены лицомъ къ лицу вѣдаться и считаться съ азіятскими пріемами и уловками. Генералъ Скобелевъ такъ много перенесъ отъ двусмысленныхъ пріемовъ Азіи, что разъ навсегда поставилъ своимъ правиломъ и девизомъ — не вѣрить сначала тому, что говоритъ вамъ Азія, азіятскій человѣкъ. Для того, чтобы понять, какъ двусмысленъ азіятскій человѣкъ, надо было видѣть осторожныя, испытанныя дѣйствія генерала Скобелева въ Ахалтеке, когда нерѣдко приходилось, чуть не на каждомъ пунктѣ, раскаяваться и убѣждаться въ нашей русской оплошности, а вѣрнѣе — довѣрчивости, что, понятно, отражалось и на времени нашихъ военныхъ дѣйствій.

Предшественники генерала Скобелева—генералъ Лазаревъ и генералъ Тургукасовъ—какъ-бы подняли духъ текинцевъ, не имѣя полной возможности и необходимыхъ средствъ доказать, что русскія войска все-таки съумѣютъ «достигнуть своего.» И потомъ Скобелевъ доказалъ это текинцамъ въ самое короткое время. Но только энергія и быстрота движеній Скобелева могли въ это короткое время заставить текинцевъ положить оружіе, только Скобелевъ своими рѣшительными мѣрами могъ сдерживать и обуздывать непріятеля, не смотря даже на то, что военныя дѣйствія Скобелева начались при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для насъ. Начиная съ транспортовъ, походныхъ лазаретовъ, доставки продовольствія вообще, найма и покупки необходимаго числа верблюдовъ въ этой безводной и пустынной окраинѣ, все, казалось, не хотѣло, не желало подчиняться намъ, способствовать нашимъ усиліямъ — ограничить права дикихъ текинцевъ, поставить ихъ въ прямую зависимость нашимъ требованіямъ и законамъ. Но горсть русскаго войска, имѣя во главѣ энергичнаго, рѣшительнаго и распорядительнаго генерала, сдѣлала свое блистательное дѣло ровно въ «девять мѣсяцевъ»—хотя въ соображеніяхъ кавказскаго окружного штаба и полагалось на ахалтекинскую экспедицію *два года*. Но Скобелевъ все переиначилъ *на мѣстности* по своему. То, что казалось въ кабинетѣ, на картѣ легко исполнимымъ, не требующимъ ни особыхъ военныхъ силъ, ни особыхъ затратъ денежныхъ, ни особыхъ соображеній чисто въ военномъ, боевомъ смыслѣ, то на дѣлѣ, на мѣстности, въ этомъ степномъ пустырѣ, въ этомъ оазисѣ песковъ и безводья, оказалось совсѣмъ въ другомъ духѣ, представило русскимъ войскамъ совершенно иныя жанровыя картины, надъ которыми сильный и настойчивый генералъ Скобелевъ долженъ былъ работать съ своими помощниками днемъ и ночью.

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛІОТЕКА
М. А. Ц.
Щебекино, Курской г.

Мы не станемъ повторять сказаннаго нами выше, но приведемъ еще нѣсколько живыхъ фактовъ изъ дѣятельности Скобелева во время ахалтекинской экспедиціи, чтобъ наглядно показать—какими мѣрами, пріемами и распоряженіями долженъ былъ руководиться генералъ Скобелевъ, чтобъ во-время приводить въ исполненіе свои военные планы и замыслы въ этой экспедиціи.

Послѣ 10-го іюля, 1880 года, генералъ Скобелевъ занялся необходимымъ подготовленіемъ продовольствія для войскъ, и когда онъ убѣдился на мѣстности, что пограничныя персидскія провинціи Курдистана—Буджнурдъ, Кучанъ и Дерогезъ—могутъ служить хорошимъ источникомъ для подвоза намъ продовольственныхъ запасовъ, то немедленно вошелъ въ сношеніе съ нашей миссіей въ Тегеранѣ, дабы персидское правительство оказало намъ должную помощь содѣйствія въ этомъ вопросѣ, давъ нашимъ агентамъ полную возможность закупать въ этихъ провинціяхъ всѣ жизненные продукты и подвозить ихъ къ ближайшимъ нашимъ пограничнымъ пунктамъ.

Для такого весьма важнаго и сложнаго дѣла Скобелевъ немедленно командировалъ въ Курдистанъ своего начальника штаба—полковника Гродекова (нынѣ генералъ-маіоръ) и своего адъютанта Эрдели, такъ какъ Скобелевъ интендантскимъ чиновникамъ не довѣрялъ, вполнѣ вѣря въ то, что интендантскіе чиновники «слишкомъ ловко и слишкомъ дурно умѣютъ дѣлать всякія поставки.»

Результатомъ такого распоряженія было то, что ровно черезъ пять мѣсяцевъ, а послѣ взятія Геоктепе черезъ четыре дня, въ нашъ лагерь явился транспортъ ячменя—когда его у насъ совсѣмъ не было, а черезъ восемь дней привезли намъ муку, сарачинскую крупу, масло, горохъ, немного бураковъ, и потомъ мы стали получать ежедневно по нѣсколько сотъ вьюковъ разныхъ продуктовъ. Впослѣдствіи мы обязаны

были тому же способу доставки и тому же Курдистану, что у насъ не было недостатка при перевозкѣ транспортовъ и больныхъ въ лошадяхъ и верблюдахъ. Это обстоятельство настолько повліяло на умы и нравственное состояніе текинцевъ, что они, увидавъ содѣйствіе намъ персидскихъ властей и видя большіе запасы у насъ продовольствія, поголовно рѣшили—что дальнѣйшая ихъ борьба съ русскими будетъ безумною жертвою всѣмъ своимъ достояніемъ. Вообще административная распорядительность Скобелева была въ каждомъ дѣлѣ настолько дальновидна и опытна, что приходилось только часто удивляться—какъ онъ умѣлъ все вѣрно разсчитать и во время сообразить и подготовить необходимые шансы для своего успѣха. Какъ отличительная черта его боевого характера, всегда выражалась въ томъ, что Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ всегда любилъ находиться при отрядѣ самъ—тогда никакія случайности его не тревожили; если же ему приходилось быть въ другомъ мѣстѣ, внѣ отряда, тогда всякія неожиданности воспламеняли его сангвиническую натуру до страстныхъ порывовъ. Въ такія минуты, какъ онъ говорилъ, онъ желалъ всѣмъ дать «свой толчекъ и разбудить всѣхъ по своему.» Это видно изъ его письма на имя Арцишевскаго и телеграммы полковнику Вержбицкому, писанныхъ изъ Красноводска въ сентябрѣ 1880 года.

Полковникъ Вержбицкій, командиръ 4-й батареи 21-й артиллерійской бригады, старый ветеранъ Кавказа—былъ сосланъ на Кавказъ изъ виленскаго университета; начиная съ рядового, прошелъ всѣ ступени военной іерархіи, слишкомъ много перенесъ въ кавказскихъ походахъ всевозможныхъ невзгодъ и лишеній прежнихъ лѣтъ; впослѣдствіи князь Барятинскій обратилъ на Вержбицкаго особое вниманіе—какъ на способнаго и честнаго человѣка; Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ поручилъ ему передовой отрядъ въ Бами, и исхода-

тайствовалъ наградить его орденомъ св. Георгія 4 и 3 степени и чиномъ генерала. Совершенно случайная смерть Скобелева и Вержбицкаго почти въ одинъ часъ—была какъ-бы живымъ предсказаніемъ заранѣе совершившагося предчувствія. Какъ-то за обѣдомъ, въ Красноводскѣ, Михаилъ Дмитріевичъ высказалъ, что «всѣ женатые люди далеко не военные—это честные граждане, и послѣ каждаго дѣла ихъ тянетъ къ семьѣ, къ родному очагу...» Тогда Вержбицкій всталъ и заявилъ, что онъ «холостъ, и потому готовъ и въ воду, и на тотъ свѣтъ съ Михаиломъ Дмитріевичемъ.» Адъютантъ Скобелева Баранокъ тутъ же явился съ записною книжкою и предложилъ Вержбицкому собственноручно записать свои слова, что тотъ и сдѣлалъ. Потомъ странное совпаденіе такихъ роковыхъ словъ совершенно оправдалось: 25 іюня прошлаго года Вержбицкій ночью умеръ скоропостижно въ Тифлисѣ, въ гостинницѣ «Лондонъ», а Михаилъ Дмитріевичъ, въ тотъ же почти часъ, умираетъ въ Москвѣ, въ гостинницѣ «Парижъ» (Дюссо).

Весьма характерна слѣдующая телеграмма на имя полковника Вержбицкаго.

«Полковнику Вержбицкому, въ Бами.

Вмѣняю вамъ въ обязанность, согласно данныхъ вамъ инструкцій, имѣть постоянныя сношенія съ лазутчиками и знать, что замышляется нашими противниками; смотрите на гарнизоны Хаджакала, Бендесенъ и Бами, какъ на одинъ совокупный передовой отрядъ. Вамъ ассигнованы средства. Обратите вниманіе на заатрекскихъ іомудовъ, злоумышляющихъ. По атрекской линіи необходимо проснуться — тамъ тоже не тамбовская губернія. Телеграмму эту къ свѣдѣнію и исполненію полковнику Арцишевскому, за его отсутствіемъ--Эмбрехту. Генералъ [illegible]ь.» Полковникъ Эмбрехтъ былъ помощникомъ Ар[illegible]

Постоянная зоркость и напряженная мысль при военныхъ соображеніяхъ позволяли Скобелеву, во всякую данную минуту, быть готовымъ къ бою, къ встрѣчѣ непріятеля. Всматриваясь глубже въ его походную, боевую тактику, тактику вести дѣло съ «азіей»—мы находимъ въ Михаилѣ Дмитріевичѣ весьма близкія, весьма похожія черты военнаго духа и пріемовъ, которыми обладалъ въ кавказской войнѣ графъ Евдокимовъ. Графъ Евдокимовъ также не вѣрилъ «азіятскому слову», также хорошо понималъ и предугадывалъ замыслы кавказскихъ горцевъ, также вѣрно и рѣшительно умѣлъ предупреждать ихъ движенія и нападать на нихъ тамъ, гдѣ они меньше всего могли сопротивляться и ожидать. Та же самая рѣдкая военная черта и рѣшительность преобладала во всѣхъ боевыхъ дѣйствіяхъ генерала Скобелева. И такой тактъ, такая смѣлость и увѣренность давали Скобелеву почти всегда верхъ надъ непріятелемъ.

Ахалтекинская экспедиція, законченная Скобелевымъ ровно въ девять мѣсяцевъ, доказала намъ всѣмъ, что Михаилъ Дмиріевичъ, несомнѣнно, обладалъ большимъ военнымъ тактомъ, такою сильною энергіею и подвижностію, съ которыми всякому его подчиненному, на первыхъ порахъ, очень трудно было свыкаться, а тѣмъ болѣе пунктуально и категорически исполнять всѣ его приказанія и распоряженія. Никто изъ его подчиненныхъ не имѣлъ больше права служить съ нимъ вмѣстѣ, кто разъ или два не исполнилъ въ точности, аккуратно, его распоряженій, касавшихся чисто военныхъ вопросовъ или же только хозяйственныхъ сторонъ войска. Его чисто русская могучая натура не мирилась ни съ какими проволочками — что онъ сказалъ, призналъ за необходимое, должно быть сдѣлано, хотя, съ другой стороны, Михаилъ Дмитріевичъ далеко не былъ педантъ и формалистъ. Онъ только любилъ до страстности дѣло,—дѣло, но не слова, не

фразы, не канцелярщину, не число исходящихъ и входящихъ бумагъ, а любилъ только одни *итоги, результаты*. Вы могли у него спать и ничего не дѣлать сколько угодно—лишь-бы дѣло у васъ отъ этого сна и бездѣйствія не страдало, лишь-бы вы не служили тормазомъ, причиною для другихъ—быть застигнутыми въ расплохъ, подвергнуться опасной неожиданности. Чѣмъ больше вы присматривались къ общей жизни—Михаила Дмитріевича, тѣмъ чаще, поразительнѣе убѣждались въ томъ, что генералъ Скобелевъ, если не во всемъ, то во многомъ—крупныхъ и мелкихъ отправленіяхъ жизни—не походилъ на тѣхъ *другихъ*, которыхъ мы часто по ошибкѣ, по невѣдѣнію признаемъ и отличаемъ какъ достойныхъ, какъ способныхъ людей нашего времени. Въ Скобелевѣ все было на изнанку, на оборотъ бюрократической мертвенности, онъ не могъ слышать формализма безъ дѣла, безъ разума, безъ нужды; людей проформы, чиновную казуистику, сосаніе казны Скобелевъ поражалъ словомъ и дѣломъ на каждомъ мѣстѣ. Нельзя было не пугаться его страшнаго негодованія, его ужасныхъ порывовъ, когда онъ замѣчалъ въ комъ-либо посягательство на казенный сундукъ или же на солдатскія крохи... Тогда въ немъ пропадала всякая и милость, и пощада, и дружба, и братство; тогда Михаилъ Дмитріевичъ весь превращался въ месть, въ скорбь, въ недруга. Я никогда еще не видѣлъ такихъ людей, говоритъ г. Арцишевскій, не видѣлъ тѣмъ болѣе въ своей средѣ такихъ выдающихся генераловъ, какъ былъ Скобелевъ. Былъ ли онъ въ походѣ, жилъ ли мирной жизнію въ роскошной обстановкѣ, надо ли было ему это или нѣтъ—онъ никогда не покидалъ учиться, знать, никогда не разставался съ книгами и учебниками, никогда не сидѣлъ дома безъ дѣла. То столъ его заваленъ фортификаціонными чертежами и системами крѣпостей и укрѣпленій, то вы видите на столѣ философію Кюно Фишера, то всемірную исторію

Шлоссера, то физіологію Фохта. Кажется, не было предмета, съ которымъ-бы Михаилъ Дмитріевичъ не былъ знакомъ, спеціальный курсъ военный и, отчасти, курсъ гражданскій всегда были свѣжи въ его знаніи, всегда обновлялись притокомъ новыхъ научныхъ истинъ и теорій. Мы не можемъ въ этомъ очеркѣ сказать обо всемъ болѣе подробно—иначе печатныя страницы наши вышли-бы, пожалуй, крайне длинны и утомительны для читателя, хотя и жизнь, и дѣла Михаила Дмитріевича Скобелева настолько для насъ важны вообще, интересны и поучительны, что въ немъ самомъ и его военныхъ дѣяніяхъ мы долго, долго будемъ находить самые новые, самые разительные примѣры и боевой, и гражданской русской жизни, русской политики. Смерть въ Скобелевѣ—унесла въ могилу такъ рано, такъ много русскихъ надеждъ, русскихъ желаній...

Но умеръ онъ—намъ остались живыми памятниками его блистательныя отечественныя дѣла и заслуги, мы всѣ долго, благодарно не забудемъ того безстрашнаго «бѣлаго генерала», того Скобелева, который, въ послѣднія пять лѣтъ своей мирной и боевой жизни, такъ рельефно, такъ завистливо выдѣлился на политическомъ горизонтѣ цѣлой Европы. Онъ, Скобелевъ, и на востокѣ, и на западѣ, какъ-бы сдѣлался «страшнымъ русскимъ бѣльмомъ»; нѣмецкая фаланга военныхъ мастеровъ смотрѣла издали на фигуру Скобелева съ затаеннымъ чувствомъ сознанія смѣлаго, практичнаго и опаснаго въ немъ военнаго игрока, такого тактика, сходиться съ которымъ на военномъ полѣ надо было умѣючи, осторожно, оглядываясь во всѣ стороны... И это совершенно вѣрно. Скобелевъ провелъ всю свою жизнь въ средѣ двухъ вліяній на него—или онъ дѣлалъ дѣло смѣло и рѣшительно, какъ умѣлъ дѣлать, или онъ весь, цѣликомъ отдавался ничего-недѣланію, отдавался праздному, «своеобразному» забытью. Серединъ у этого человѣка ни въ чемъ не было. И потому, весьма естественно, такіе люди,

въ частной и общественной жизни, только два положенія и знаютъ—да или нѣтъ, абсолютное—за или противъ. Никакихъ у нихъ промежуточныхъ разговоровъ ни въ чемъ быть не можетъ и не бываетъ. Далѣе читатель увидитъ, что Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ именно былъ такимъ счастливымъ исключеніемъ среди тысячъ подобныхъ ему сотоварищей, но не похожихъ на него ни въ чемъ, не похожихъ ни на полѣ, ни въ кабинетѣ...

Не смотря на свою щедрую, широкую натуру русскаго человѣка, Скобелевъ былъ въ извѣстныя минуты въ высшей степени разсчетливый хозяинъ и экономистъ самый практическій. Не вдаваясь въ мельчайшія подробности его казенныхъ сбереженій въ ахалтекинскую экспедицію, которая по проекту военнаго совѣта въ Тифлисѣ должна была продлиться ровно два года, но законченная Скоболевымъ ровно въ девять мѣсяцевъ, несомнѣнно оставила, такимъ образомъ, весьма солидную экономію государственному казначейству. Потомъ телеграфная линія въ Ахалтеке, отъ Чата до Асхабада, была построена Скобелевымъ своимъ хозяйственнымъ способомъ, телеграфные столбы заготовляли на мѣстѣ, изъ подручнаго лѣса, ставили ихъ, рубили и вывозили все тѣми же своими рабочими командами. А отдай Скобелевъ устройство телеграфа въ руки подрядчика, вся эта линія обошлась-бы намъ не менѣе ста тысячъ; столбы нашего телеграфа хоть были и кривые—за то-же они стоили со всею своею постановкою въ гнѣзда не болѣе десяти тысячъ.

Ниже мы приводимъ—какъ Михаилъ Дмитріевичъ смотрѣлъ на казенныя деньги, какъ онъ ими распоряжался, будучи подчасъ самъ и интендантомъ, и начальникомъ штаба, и строителемъ-инженеромъ, не позволяя передавать лишней копѣйки въ чужой карманъ, когда та же самая работа могла быть сдѣлана своими собственными средствами и силами.

VII.

Закаспійскій край.

Обширное пространство между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, песками Самъ на сѣверѣ и рѣкою Атрекъ на югѣ, составляетъ нынѣ *Закаспійскій военный отдѣлъ* *). По характеру своему это пространство можетъ быть раздѣлено на три части: 1) Мангишлакъ, 2) плоская возвышенность Устюртъ съ его отрогами къ Узбою, и 3) долина Узбоя и низменности между этою долиною, горами кюрендагскими и рѣкою Атрекомъ со включеніемъ текинскихъ поселеній, пріобрѣтенныхъ нами въ 1881 году походомъ Скобелева въ Ахалтеке.

Страна между Каспійскимъ моремъ, Устюртомъ и заливами мертвый Култукъ и Карабугазъ, извѣстная подъ названіемъ Мангишлака, состоитъ изъ двухъ большихъ полуостововъ — Бузачи и Мангишлака, раздѣляемыхъ хребтомъ Акъ-тау. Берега полуострова Бузачи вездѣ топки и мелководны, такъ что даже на самыхъ малыхъ лодкахъ нельзя нигдѣ пристать къ нимъ. Зимою, съ декабря по мартъ, вся сѣверная часть моря, отъ Бузачи до Гурьева городка, покрывается сплошнымъ льдомъ, настолько твердымъ, что между полуостровомъ и Уральскою областію открывается прямое сообщеніе. Собственно Мангишлакъ имѣетъ нѣсколько хорошихъ

*) «Стратегическій обзоръ хивинскаго ханства». Сост. Гродековъ и Соболевъ. 1882 г.

заливовъ: Тюбъ-караганъ, Александръ-бай и Киндерли. Хотя море, омывая Мангишлакъ на протяженіи 600 слишкомъ верстъ и врѣзываясь въ него нѣсколькими заливами, повидимому должно было-бы умѣрять и смягчать климатъ этого края, но на самомъ дѣлѣ рѣдко гдѣ можно встрѣтить такую разность въ температурѣ. Лѣтомъ жары, особенно въ пескахъ, весьма сильны; говорятъ, что иногда термометръ Реомюра поднимается на солнцѣ до 50° и неглубокіе колодцы высыхаютъ. Зимою морозы достигаютъ до 20° R. Однако рѣзкихъ переходовъ отъ палящаго зноя днемъ къ прохладнымъ сырымъ вечерамъ и ночамъ не замѣчается. Отъ этого и климатъ въ Мангишлакѣ вообще здоровый; лихорадокъ почти не бываетъ. Одно здѣсь невыносимо—это вѣтры: лѣтомъ они удушливы, а зимою, даже при незначительныхъ морозахъ, опасны, въ особенности въ мѣстахъ открытыхъ, не защищенныхъ горами. По сухости воздуха и количеству выпадающей воды, Мангишлакъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Такъ, напр., въ 1870 году въ Александровскомъ фортѣ число дождевыхъ дней было всего 16, при чемъ количество выпавшаго дождя и снѣга доходило всего до 0,38 дюйм. Данныя эти, обусловливаемыя господствующими тамъ лѣтомъ юго-восточными, а зимою сѣверо-восточными вѣтрами, указызываютъ на причины, почему природа Мангишлака такъ бѣдна и повсюду такъ мертвенно сурова. Только и видны однѣ дикія сѣрыя скалы, сыпучіе пески, да безконечная, безжизненная голая пустыня—ни деревца, ни зелени, только изрѣдка кое-гдѣ стелется бурьянъ, ковыль, да полынь. Однако эта голая и повидимому безплодная пустыня питаетъ большія табуны лошадей и стада верблюдовъ и барановъ, для которыхъ полынь—отличный кормъ.

Мангишлакъ почти вездѣ представляетъ ровную мѣстность. По сѣверной части его, между заливами Кочакъ и Кара-ки-

чу, на протяженіи около 120 верстъ, проходятъ параллельные хребты горъ Акъ-тау и Кара-тау. Хребты эти начинаются въ 90 верстахъ отъ форта Александровскаго и имѣютъ направленіе отъ запада на востокъ, съ небольшимъ склоненіемъ на югъ. Хребетъ Акъ-тау отдѣляетъ отъ себя небольшіе мѣловые отроги на полуостровъ Бузачи. Между хребтами Кара-тау и Акъ-тау расположены широкія, отъ двухъ до восьми верстъ долины, составляющія самыя лучшія урочища Мангишлака. Здѣсь находится нѣсколько родниковъ прѣсной воды, которая или разносится по расположеннымъ у этихъ родниковъ посѣвамъ или теряется въ пескахъ. Ручьи, наиболѣе обильные водою, находятся въ урочищахъ: Джангельды Тущубекъ, Чепе, Унды, Агашты и возлѣ колодцевъ Бергдалы. Подлѣ каждаго изъ этихъ мѣстъ находятся небольшіе посѣвы, земля подъ которые обработывается лопатами, какъ въ нашихъ огородахъ, съ углубленіемъ каждой грядки почти на пол-аршина, чтобы вода долѣе въ нихъ застаивалась. Засѣваютъ просомъ, ячменемъ, кукурузой и джугарой.

Кромѣ горъ Акъ-тау и Кара-тау, въ южной части Мангишлака находятся слѣдующія замѣчательныя вершины: Каращекъ, лежащая отъ Киндерлинскаго залива на востокъ и имѣющая болѣе 1050 фут. надъ уровнемъ Каспійскаго моря, и гора Чаирли, въ 110 верстахъ отъ Карабугазскаго залива къ сѣверу, высотою также до 1050 фут.

На пространствѣ отъ киндерлинскаго залива до красноводскаго находятся двѣ большія массы песковъ: одна изъ нихъ идетъ отъ горы Каращекъ къ сѣверовосточному углу карабугазскаго залива и прямо на востокъ къ подъему на Устюртъ. Длина этой песчаной полосы отъ горы Каращекъ до залива карабугазскаго—135 верстъ, ширина отъ 18 до 60 верстъ. Другая масса песковъ лежитъ между заливами красноводскимъ и карабугазскимъ, на берегу моря, и примыкаетъ

восточной своей окраиной къ подошвѣ Устюрта; длина песковъ здѣсь болѣе 100 верстъ, а ширина 35 верстъ. Мѣстами на описанномъ пространствѣ есть и солончаки. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ солончакъ, лежащій у колодцевъ Сайкую. Онъ имѣетъ 70 верстъ длины и отъ 2 до 10 верстъ ширины и тянется вдоль подошвы Устюрта; въ дождливое время этотъ солончакъ совершенно непроходимъ.

Колодцевъ на Мангишлакѣ весьма много и каждый непремѣнно принадлежитъ или кому нибудь изъ отдѣльныхъ лицъ, или цѣлому поколѣнію. Это единственный видъ мѣстнаго поземельнаго права. Вода въ колодцахъ большею частью солоновата; но есть нѣсколько колодцевъ, вода которыхъ, проходя чрезъ известнякъ, прѣсная. Глубина колодцевъ рѣдко болѣе двухъ саженъ; но на Бузачи есть колодцы, имѣющіе до 5 саженъ глубины. Чѣмъ ближе къ Устюрту, тѣмъ колодцы глубже.

Деревья на Мангишлакѣ растутъ только въ двухъ мѣстахъ—у форта Александровскаго и у колодцевъ Ханга-баба. Благодаря трудамъ коменданта форта, подполковника Ускокова, въ 1855 году удалось создать небольшой садикъ съ огородомъ, занимающій около трехъ десятинъ. На этомъ клочкѣ земли разведено до 1000 различныхъ деревьевъ, въ томъ числѣ 60 фруктовыхъ; остальныя—ива, шелковица и гребенщикъ; есть и виноградныя лозы. Между деревьями растутъ овощи. Орошеніе производится изъ колодцевъ, двумя водоподъемными машинами. Вторая группа деревьевъ (шелковичныхъ) растетъ въ оврагахъ, у колодцевъ Ханга-баба, въ 25 верстахъ отъ форта. Киргизы ихъ берегутъ и всякій считаетъ за грѣхъ отломить даже прутикъ отъ этихъ деревьевъ.

Хорошаго подножнаго корма, такого, къ какому привыкли наши лошади и скотъ, здѣсь, кромѣ находящагося вблизи нѣкоторыхъ [illegible] въ Кара- [illegible], нѣтъ нигдѣ; но почти

вся страна въ изобиліи покрыта полынью и бурьяномъ, которые, и лѣтомъ и зимою, доставляютъ отличный и питательный кормъ для верблюдовъ, овецъ и туземныхъ лошадей.

Хотя не только лѣсовъ, но даже кустарниковъ въ краѣ нѣтъ—однако недостатка въ топливѣ не ощущается. Здѣсь столько скота, что вся страна, можно сказать, покрыта слоемъ кизяка, и какіе-бы большіе отряды не двигались по пустынѣ, на каждомъ привалѣ, ночлегѣ и дневкѣ можно всегда найти въ изобиліи хорошо высушенный кизякъ, горящій не хуже дровъ. Кромѣ кизяка, на топливо употребляютъ особый родъ травы—челегень, которая къ зимѣ образуетъ довольно толстые коренья. Коренья эти вырываются руками изъ земли и горятъ такъ же, какъ дрова; ими покрыто все пространство полуострова и болѣе всего Бузачи.

Кромѣ поименованныхъ предметовъ потребленія войскъ, вообще на Мангишлакѣ невозможно разсчитывать на средства страны, потому что ихъ не имѣется; все слѣдуетъ приготовить заранѣе, доставить туда и обезпечить войска такъ, чтобы не поставить ихъ въ затруднительное, легко могущее перейти въ безвыходное положеніе.

Устюртъ ограниченъ крутымъ берегомъ (чинкомъ): на западѣ—отъ залива Мертвый Култукъ къ сѣверовосточному углу залива карабугазскаго, на югѣ—отъ этого залива извилистою линіею до высохшаго айбугирскаго залива, на востокѣ—часть его прилегаетъ непосредственно къ Аральскому морю, на сѣверѣ—онъ идетъ къ заливу Мертвый Култукъ. Эта почти ровная плоскость возвышается отъ 500 до 600 фут. надъ уровнемъ Каспійскаго моря; по широтѣ она занимаетъ пространство въ 600, а по долготѣ до 500 верстъ, составляя площадь приблизительно въ 250 тысячъ квадратныхъ верстъ. Подъемъ на Устюртъ не вездѣ возможенъ, мѣста подъемовъ довольно рѣдки и извѣстны подъ особыми названіями.

Если на берегу Мангишлака бываетъ ничтожное количество дождевыхъ дней и выпадающей атмосферной влаги, то на Устюртѣ это количество еще меньше, воздухъ тамъ еще суше и разность между лѣтнею и зимнею температурами еще больше. На Устюртѣ почти всегда дни свѣтлые и ясные. Это лучше всего объясняетъ безводность этой пустыни, равно и скорость, съ которою въ ней высыхаютъ лужи дождевой воды. На Устюртѣ нѣтъ даже ни одного соленаго озера. Эти климатическія условія обусловливаютъ почти совершенное безплодіе Устюрта. Самое строеніе плоской возвышенности, почти вездѣ равной, и твердая глинистая или каменистая почва, т. е. такая, которая не имѣетъ способности пропускать сквозь себя или удерживать атмосферную влагу, способствуютъ безплодію. Очевидецъ, посѣщавшій Устюртъ, свидѣтельствуетъ, что дно одного дождевого озера, довольно долго стоявшаго, было смочено только на глубину $2^1/_2$—3 дюймовъ. Самая бѣдная растительность: рѣдкій и низкій бурьянъ и, мѣстами, низкій, приземистый кустарникъ встрѣчаются лишь въ небольшихъ тальвегахъ, гдѣ есть хотя какая нибудь защита отъ солнечныхъ лучей. Только тамъ, гдѣ есть пески, попадаются саксаулъ и гребенщикъ. Въ пескахъ же и колодцевъ больше, глубина ихъ меньше и вода лучше. Между тѣмъ колодцы въ твердыхъ пластахъ отличаются горькосоленою водою, не смотря на различіе почвъ, въ которыхъ вырыты; они глубоки (среднюю глубину ихъ можно принять отъ 15 до 20 саженъ) и по большей части одиночные. Такимъ образомъ поверхность земли пропитана солями наиболѣе въ твердыхъ своихъ частяхъ и наименѣе содержитъ солей въ бугристыхъ пескахъ; послѣдніе подвергались самому большому промыванію и выщелачиванію атмосферныхъ водъ, которымъ менѣе удобно было проникать въ твердые пласты.

Страна къ югу отъ карабугазскаго залива и Узбоя до самыхъ границъ Персіи составляетъ по преимуществу туркменскія земли. Наиболѣе низменную полосу Туркменіи представляетъ Узбой, который, по многимъ вѣроятіямъ, непрерывно продолжается отъ Аму-дарьи до Каспійскаго моря. Общее направленіе Узбоя—съ запада на востокъ. Часть сухого русла сплошь покрыта соленой водой отъ устья до колодцевъ Карадоурунъ. Далѣе вверхъ оно расширяется и затѣмъ проходитъ между большимъ и малымъ Балханами у колодцевъ Айдинъ, потомъ мимо колодцевъ Ортакую и Чалой, подходитъ къ восточной оконечности большого Балхана и далѣе направляется на востокъ. Здѣсь русло принимаетъ болѣе опредѣленную и сохранившуюся форму, чѣмъ въ нижней своей части. Обиліемъ воды отличается полоса между колодцами Топіатанъ и Тандарли.

Узбой представляетъ для кочующаго туркмена, послѣ трудныхъ переходовъ по песчанымъ буграмъ безводной пустыни, отрадное явленіе: это непрерывный рядъ оазисовъ среди большихъ сыпучихъ песковъ. Кромѣ обилія воды, ихъ привлекаетъ сюда отличный подножный кормъ для лошадей и верблюдовъ. Дно Узбоя покрыто растительностію всѣхъ видовъ, встрѣчающихся въ Туркменіи, только въ большемъ количествѣ и въ бо́льшихъ размѣрахъ. Здѣсь группы можжевеловаго дерева могутъ скрыть всадника съ лошадью (нѣкоторыя деревья до 3-хъ саженъ вышины); густые и высокіе камыши служатъ убѣжищемъ большимъ стадамъ дикихъ кабановъ. Растительность эта становится бѣднѣе и постепенно мельчаетъ съ выходомъ Узбоя къ южному склону большого Балхана. Дно Узбоя состоитъ изъ иловатой глины и песковъ, которые, мѣстами, представляютъ курганы; по всему его протяженію пролегаетъ узкая низменная полоса, которая въ свою очередь ограничена небольшими берегами—

это главное ложе рѣки; оно извилистою лентою переходитъ отъ одного берега къ другому и въ мѣстахъ разливовъ, раздѣляясь на многіе рукава, образуетъ острова. Положеніе главнаго ложа рѣки ясно обозначается то полосами соленой воды, то прѣсными озерами, поросшими камышемъ, то темною солонцоватою топью, то блескомъ бѣлой осадочной соли. Издали, съ береговъ, эта низменная полоса имѣетъ совершенно видъ рѣки, шириною отъ 5 до 10 саженъ.

Мѣстность на сѣверъ и на югъ отъ Узбоя, начиная съ запада, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Сначала каменистая возвышенность большого Балхана и продолженіе ея на западъ—горы Кюрянынъ-кара—до Красноводска. Южный и западный склоны большого Балхана ограничиваютъ съ сѣвера долину Узбоя отъ его устья въ балханскомъ заливѣ до колодца Бууражи. На сѣверъ отъ большого Балхана простирается огромная масса песковъ, которая съ одной стороны подходитъ къ подошвѣ Устюрта, а съ другой—ограничиваетъ Узбой на протяженіи отъ оконечности большого Балхана до колодцевъ Декча на Узбоѣ. Къ югу отъ Узбоя тоже простирается огромная масса песковъ, мѣстами верстъ въ 100 шириною, до подножія Кюрендага и малаго Балхана. Эта масса песковъ продолжается на востокъ и доходитъ до предѣловъ хивинскаго оазиса. На югъ отъ этихъ песковъ лежатъ кюрендагскія горы и малый Балханъ. Кюрендагскія горы имѣютъ направленіе на юго-востокъ и, въ концѣ текинскихъ поселеній, связываются съ продолженіемъ Эльбурзскаго хребта. Изъ угла этихъ соединеній берутъ начало единственныя рѣки Туркменіи—Атрекъ и Гюргенъ. Пространство между Атрекомъ, кюрендагскими горами, малымъ Балханомъ и берегомъ Каспійскаго моря покрыто или песками или солончаками. Такимъ образомъ Туркменія представляется какъ-бы песчанымъ моремъ, изъ котораго, въ видѣ

значительныхъ острововъ, поднимаются большой и малый Балханы, Кюрянынъ-кара и Кюрендагъ.

Только въ тѣхъ мѣстахъ берега Каспійскаго моря, гдѣ къ нему подходятъ горы, встрѣчаются хорошія якорныя стоянки. Къ югу же отъ параллели южной оконечности острова Челекеня до предѣловъ Персіи берегъ чрезвычайно мелководенъ и открытъ—слѣдовательно, не представляетъ хорошей якорной стоянки. Якорные стоянки къ сѣверу отъ этой параллели находятся въ заливѣ красноводскомъ и бухтахъ муравьевской, Соймонова и Бековича. Красноводскій заливъ, на сѣверномъ берегу котораго избранъ осѣдлый пунктъ, представляетъ весьма удобную гавань. Не смотря однако на защищенность этого залива со всѣхъ сторонъ, вслѣдствіе его обширности, въ немъ разводится довольно сильное волненіе. Вотъ почему въ особенности обращаетъ на себя вниманіе находящаяся въ сѣверо-восточномъ углу его муравьевская бухта, представляющая, по своей защищенности и глубинѣ, лучшую гавань восточнаго берега Каспія.

Вся Туркменія, за исключеніемъ Узбоя, весьма бѣдна водою. Есть мѣста, гдѣ, на пространствѣ 100, 200, 300 и болѣе квадратныхъ верстъ, приходится всего одна группа колодцевъ. Насколько вообще Туркменія бѣдна водою, видно изъ того, что изъ занимающихъ весьма значительное пространство кюрендагскихъ горъ вытекаютъ только двѣ рѣчки и рядъ ручейковъ въ текинскомъ оазисѣ. При такихъ условіяхъ мѣстности и распредѣленія въ ней воды, культурныя мѣста составляютъ самый ничтожный процентъ всего пространства. Присутствіе соли въ почвѣ почти повсемѣстно. Отложенія ея видны и на Узбоѣ, и между песками, въ солончакахъ, въ обнаженіяхъ скатовъ Кюрендага и, наконецъ, по берегамъ Атрека.

Въ Туркменіи разности въ температурахъ весьма велики. Начиная съ половины октября и по январь, въ тихую погоду,

температура, доходящая днемъ до нестерпимой жары, лишь только садится солнце, падаетъ настолько, что къ утру разница между дневной и ночной температурами нерѣдко доходитъ до 28° R. При такихъ условіяхъ требуются большія предосторожности, чтобы предохранить себя отъ простуды. При высокой вообще температурѣ лѣтомъ, за отсутствіемъ влаги, въ воздухѣ такая сухость, что, какъ говорятъ очевидцы, рѣшительно приходится задыхаться, и бываютъ ночи, когда у нѣкоторыхъ людей проявляются припадки, въ родѣ астмы. Кромѣ разностей температуры, зависящихъ отъ временъ года и доходящихъ до 60° R. и болѣе, бываютъ большія колебанія температуры отъ случайныхъ причинъ—вѣтровъ. Сѣверо-восточный вѣтеръ всегда значительно понижаетъ температуру. Такъ, наблюдали, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ дневная температура съ + 27° R., послѣ двухдневнаго сѣверо-восточнаго вѣтра, понижалась до + 6° R.; чрезъ нѣсколько дней температура опять повысилась до прежней степени. Сѣверо-восточные вѣтры всегда сухіе и дуютъ съ большею силою. Западные вѣтры, дующіе съ Каспійскаго моря, нѣсколько увлажаютъ воздухъ. Дожди появляются только послѣ этихъ вѣтровъ.

Удачно совершившееся занятіе кавказскими войсками Красноводска и установленіе постоянныхъ сообщеній этого пункта съ кавказскимъ берегомъ подали поводъ къ предположенію о присоединеніи къ кавказскому военному округу и другого пункта, уже давно занятаго русскими на восточномъ берегу Каспійскаго моря—именно форта Александровскаго, съ принадлежащимъ къ нему мангишлакскимъ приставствомъ. Во время самаго разрѣшенія этого вопроса, мангишлакскій приставъ, выѣхавшій изъ форта Александровскаго, съ цѣлью введенія между адаевцами новаго положенія объ управленіи

въ киргизскихъ степяхъ, подвергся нападенію киргизъ и, вмѣстѣ съ 40 уральскими казаками, составлявшими его конвой, сдѣлался жертвою вѣроломства возмутившихся адаевцевъ *). Возставшіе киргизы разграбили лежащую въ пяти верстахъ отъ Александровскаго форта Николаевскую станицу и начали угрожать самому форту. Возстановленіе порядка на Мангишлакѣ поручено было кавказскому начальству.

Высадкою двухъ ротъ пѣхоты въ Тюбъ-караганскомъ заливѣ фортъ былъ обезпеченъ отъ нападенія. Но наказаніе киргизъ, откочевавшихъ въ глубь страны, представляло задачу весьма трудную, тѣмъ болѣе, что начальникъ кавказскаго отряда, не имѣя никакихъ свѣдѣній о мѣстности, даже порядочной карты края, лишенный возможности добыть какія-либо перевозочныя средства, былъ поставленъ въ необходимость на первое время дѣйствовать, такъ-сказать, ощупью.

---

*) Подробности этого печальнаго событія заключались въ слѣдующемъ. Полковникъ Рукинъ съ 40 казаками, въ сопровожденіи своего помощника есаула Логинова, выступилъ 15-го марта 1870 года изъ Александровскаго форта въ направленіи къ заливу Сарташъ, куда и прибылъ 21-го марта. Слѣдуя отсюда далѣе, онъ съ первыхъ же переходовъ замѣтилъ враждебное противъ отряда настроеніе адаевцевъ. Рукинъ рѣшился отойти къ форту. Ободренные этимъ адаевцы начали рѣшительнѣе насѣдать на нашъ малочисленный отрядъ. Пересѣченная мѣстность крайне затрудняла движеніе казаковъ; пришлось побросать верблюдовъ и лошадей съ тяжестями. Ночь съ 24 на 25 марта отряду Рукина пришлось провести безъ воды и пищи. Онъ находился въ это время у залива Сарташъ, въ 100 верст. отъ форта. 25-го марта Рукинъ вступилъ въ переговоры съ киргизами. Иссa-Тюленбаевъ, предводитель шайки, повидимому, сдался на убѣжденія Рукина и далъ слово прекратить враждебныя дѣйствія. Онъ предложилъ угощеніе утомленнымъ и обезсиленнымъ казакамъ, съ условіемъ, однако, чтобы они сложили оружіе. Рукинъ, въ виду крайности, согласился принять это условіе. Едва казаки расположились въ сторонѣ отъ мѣста, гдѣ было сложено оружіе, и начали пить чай съ сухарями, какъ киргизы, по знаку, бросились на нихъ съ крикомъ „Алла“. Въ происшедшей неравной для нашихъ схваткѣ, большая часть казаковъ были убиты, остальные перевязаны и взяты въ плѣнъ. Полковникъ Рукинъ, чтобы не пережить безчестіе и гибель своего конвоя, застрѣлился изъ револьвера.

Съ большимъ трудомъ успѣвъ добыть кое-какія перевозочныя средства, онъ только въ іюнѣ мѣсяцѣ могъ предпринять движеніе внутрь страны и нанести серіозный ударъ кочевникамъ. Отбивъ 2000 лошадей и истребивъ посѣвы между хребтами Кара-тау и Акъ-тау, онъ заставилъ нѣкоторыя отдѣленія адаевцевъ просить пощады. Къ концу іюня мѣсяца до 2000 кибитокъ заявили мангишлакскому, а 3000 оренбургскому начальствамъ полную покорность.

Въ данномъ случаѣ на Мангишлакѣ приходилось не умиротворять и наказывать возмутившуюся провинцію, а вновь завоевывать страну, не признававшую никогда нашей власти, хотя номинально и обложенную податью по $1\frac{1}{2}$ руб. съ кибитки. На самомъ дѣлѣ налогъ этотъ платился въ такомъ размѣрѣ и съ такого числа кибитокъ, какъ находили для себя выгоднымъ мѣстные жители. Наконецъ, фактически страна эта зависѣла болѣе отъ хивинскаго ханства, чѣмъ отъ русской администраціи, органовъ которой въ краѣ вовсе не было, кромѣ находившагося въ фортѣ Александровскомъ и внутрь страны никогда не проникавшаго управленія тамошняго коменданта.

Чтобы избѣгнуть распространенія нашихъ владѣній далѣе прибрежныхъ пунктовъ Каспійскаго моря, главнокомандующій кавказскою арміею предложилъ ограничиться результатами, уже достигнутыми въ теченіе весны и лѣта 1870 года, т. е. захватомъ 2000 лошадей, уничтоженіемъ посѣвовъ между Кара-тау и Акъ-тау и заявленіемъ покорности, съ обязательствомъ взноса подати, 5000 кибитокъ. Введеніе между кочующими на Мангишлакѣ и Устюртѣ адаевцами не только положенія, проектированнаго оренбургскимъ начальствомъ, но и вообще нашей администраціи въ какой-бы ни было формѣ, было отложено. Подать, предполагавшаяся взиманію со всего адаевскаго племени, числит-

не была извѣстна, должна была вноситься только тѣми отдѣленіями адаевцевъ, которыя вынуждены были къ изъявленію покорности. Такъ дѣйствительно и поступили.

До 1870 года Мангишлакъ, какъ сказано, входилъ въ составъ области оренбургскихъ киргизъ и подчинялся султану-правителю западной части этой области. Но власть его почти не существовала, и адаевцы управлялись по народнымъ обычаямъ, своими сардарями, которые были подчинены двумъ дистаночнымъ начальникамъ. Эти послѣдніе избирались оренбургскимъ начальствомъ изъ среды почетныхъ и вліятельныхъ біевъ и состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи коменданта Александровскаго форта, который, не имѣя никакихъ средствъ для управленія народомъ, по необходимости, вынужденъ былъ ограничиваться пассивною ролью какъ по сбору подати, такъ и по огражденію порядка и спокойствія. На основаніи новаго положенія объ управленіи въ киргизскихъ степяхъ, размѣръ подати увеличивался съ $1^1/_2$ руб. до $3^1/_2$ руб. съ кибитки; требовалось болѣе правильное и точное счисленіе кибитокъ; введеніемъ выборнаго начала подрывалась власть родовичей; вводилась паспортная система; земли, на которыхъ кочуютъ киргизы, признавались государственными, предоставленными только въ ихъ пользованіе, и проч. Но адаевцы ко всему этому не были совершенно подготовлены. Изъ всѣхъ киргизскихъ родовъ они считаются самымъ дикимъ и необузданнымъ. Въ то время, какъ другіе киргизы оренбурскаго и сибирскаго вѣдомствъ, вслѣдствіе сосѣдства съ русскими, успѣли уже усвоить себѣ нѣкоторыя начала гражданственности—адаевцы, находясь въ сторонѣ отъ движенія русскихъ въ Азію, остались почти въ первобытномъ состояніи дикости. Кромѣ того, сосѣдство хивинскаго ханства и отсутствіе опредѣленныхъ и прочныхъ границъ къ сторонѣ его—имѣли огромное на всѣ дѣла, происходившія на Мангишлакѣ.

Возможность всегда легко избавиться отъ возмездія русскихъ и увѣренность быть отлично принятыми въ Хивѣ—придавали адаевцамъ ту смѣлость, которая и происходитъ только отъ постоянной безнаказанности. Занимая фортъ Александровскій, мы не могли оказывать покровительство тѣмъ киргизамъ, которые кочуютъ далеко отъ него. И потому приходилось терпѣть, когда какой нибудь хивинскій посланный свободно разгуливалъ съ партіею по краю и собиралъ въ нашихъ предѣлахъ и съ нашихъ же подданныхъ подать въ пользу своего хана. Въ донесеніяхъ мангишлакскаго пристава въ концѣ 1872 и въ началѣ 1873 годовъ часто упоминалось о сборѣ ханскими чиновниками съ нашихъ киргизъ зякета и о хивинскихъ эмиссарахъ. Адаевцы, будучи увѣрены по опыту, что русскіе не въ состояніи, въ случаѣ нужды, оказать имъ ни малѣйшей помощи, предпочитали платить подать вдвойнѣ—и русскимъ, и хивинцамъ. Не видя русскихъ, которыхъ требованія никогда еще не подкрѣплялись матеріальною силою, они не боялись и не уважали насъ и подчинялись Хивѣ, которая ближе къ нимъ и для нихъ была гораздо страшнѣе. Въ экономическомъ отношеніи адаевцы также находились въ зависимости отъ Хивы, откуда они получали русскіе товары.

При такихъ обстоятельствахъ можно-ли было сказать, что край умиротворенъ? Онъ не былъ умиротворенъ, потому что не былъ покоренъ. Покорность принесли только 5000 кибитокъ, т. е. половина того населенія, которая платила подать оренбургскому вѣдомству. Такимъ образомъ другая половина населенія, а можетъ быть и двѣ трети его и не думали признавать нашу власть. Поэтому неудивительно, что на нѣкоторыя требованія наши мы получали отказъ и даже вооруженное сопротивленіе. Новое мѣстное управленіе не имѣло еще времени достаточно ознакомиться съ характеромъ этого населенія и съ отношеніями его къ Хивѣ. Наши военныя

средства по прежнему находились на краю полуострова и въ такомъ отдаленіи отъ кочевьевъ адаевцевъ, что всякія движенія отрядовъ были весьма затруднительны. По недостатку перевозочныхъ средствъ невозможно было имѣть при войскахъ достаточное количество провіанта, и всѣ движенія, производившіяся изъ Александровскаго форта, поневолѣ ограничивались болѣе или менѣе близкими разстояніями. Въ дальнія кочевья не было возможности пройдти. Только осенью 1872 года предпринято было первое большое движеніе, охватившее значительную часть края: отъ форта на Александръ-бай, Киндерли, Бишъ-акты, Кара-кичу и обратно въ фортъ. Движеніе это произведено было въ концѣ сентября и въ началѣ октября, т. е. когда населеніе только-что начинало перекочевывать съ Эмбы на Мангишлакъ, а слѣдовательно и въ данномъ случаѣ ближайшее знакомство съ народомъ не могло быть основательное.

На Мангишлакѣ, кромѣ адаевцевъ, кочуетъ небольшая часть туркменъ; у самаго же Тюбъ-караганскаго залива, въ станицѣ Николаевской, поселено нѣсколько десятковъ семействъ русскихъ рыбаковъ.

Туркменъ на Мангишлакѣ считается 280 кибитокъ. Они кочуютъ на приморской полосѣ отъ форта Александровскаго до карабугазскаго залива. Занимаясь преимущественно рыболовствомъ и эксплуатируемые армянами, которые скупаютъ у нихъ рыбу за безцѣнокъ, туркмены бѣдны и, по малочисленности и забитости своей, не играютъ никакой роли на Мангишлакѣ. Въ возстаніи 1870 года туркмены не участвовали.

Еще нельзя точно опредѣлить числительность адаевцевъ. До возстанія 1870 года подать вносилась ими по числу 10.000 кибитокъ. Оренбургское же начальство считало ихъ до 20.000 кибитокъ.

Адаевцы лѣтомъ кочуютъ на Эмбѣ, куда они начинаютъ перекочевывать въ послѣднихъ числахъ марта. Съ половины сентября они возвращаются на зимовки и приходятъ на Мангишлакъ (по киргизски—Манъ-кистау, мѣсто зимовокъ) обыкновенно во второй половинѣ октября. Только небольшая часть населенія остается на Мангишлакѣ на лѣто. Ежегодное переселеніе адаевцевъ и притомъ въ самое удобное время для движенія войскъ служитъ причиною—почему знакомство съ ними весьма затруднительно.

По успокоеніи Мангишлака, управленіе адаевцами было устроено на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ оно было до передачи этого приставства въ вѣдѣніе кавказскаго начальства, съ самыми небольшими измѣненіями. Главный начальникъ страны былъ мангишлакскій приставъ—онъ же и начальникъ мангишлакскаго отряда; населеніе управлялось по кореннымъ народнымъ обычаямъ, своими сардарями, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ трехъ наибовъ, которые назначались правительствомъ изъ ихъ же среды и управляли ими какъ прежде дистаночные начальники.

Туркмены, обитающіе въ закаспійскомъ краѣ, раздѣляются на три племени: іомудовъ, теке и гоклановъ.

Племена іомудовъ и теке, по образу жизни, раздѣляются: на чомуръ, т. е. осѣдлыхъ, и чарва, т. е. кочующихъ. Тѣ и другіе живутъ въ кибиткахъ и, строго говоря, даже осѣдлые не живутъ постоянно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Но первые, располагаясь по берегу Каспія въ юго-восточномъ углу его и по берегамъ рѣкъ Атрека и Гюргена, занимаются: живущіе на берегу моря и въ устьяхъ названныхъ рѣкъ—рыбною ловлею, имѣютъ лодки, торгуютъ съ Персіею и, чрезъ астрабадскую морскую станцію, съ нами;

чомуры же, живущіе по берегамъ рѣкъ, занимаются земледѣліемъ, сѣютъ пшеницу, просо, ячмень, рисъ, хлопокъ и кунжутъ, держатъ на р. Гюргенѣ много рогатаго скота и вовсе не имѣютъ верблюдовъ. Осѣдлые туркмены перемѣщаются съ своими кибитками на небольшія разстоянія, много на 2, на 3 версты, собственно для того, чтобы расположиться на свѣжихъ и чистыхъ мѣстахъ. Напротивъ того, чарва или кочевые туркмены посѣвами не занимаются, только весьма немногіе сѣютъ дыни и арбузы у большого Балхана и на Узбоѣ, рогатаго скота не имѣютъ, держатъ верблюдовъ и барановъ. Между чомуръ и чарва существуетъ родственная связь. Почти каждая кибитка осѣдлыхъ туркменъ имѣетъ родственную ей кибитку у кочевниковъ. Часто, напримѣръ, отецъ — осѣдлый, сыновья его — кочевники, и, наоборотъ—встрѣчаются между ними нѣсколько братьевъ осѣдлыхъ и нѣсколько кочевыхъ. Отношеніе кочующихъ къ осѣдлымъ туркменамъ зависитъ отъ количества земель, способныхъ къ обработкѣ, вѣрнѣе—вообще отъ степени выгодъ, представляемыхъ землями и водами, которыми владѣетъ то или другое племя. На этомъ основаніи всѣ гокланы—осѣдлые или чомуръ. Чомуръ и чарва, взаимно нуждаясь другъ въ другѣ, сближаются зимою для обмѣна своихъ избытковъ. Переходы изъ осѣдлыхъ въ кочевые и наоборотъ довольно часты. Ссора съ сосѣдями, женитьба на женщинѣ, у которой родственники кочевники, обращаютъ осѣдлаго въ кочевника; потеря верблюдовъ, женитьба на осѣдлой дѣлаютъ часто кочевника осѣдлымъ.

Туркмены іомудскаго племени раздѣляются на два отдѣла: байрамъ-шали и кара-чоха. Первый живетъ въ предѣлахъ хивинскаго ханства, а второй группируется, главнымъ образомъ, у рѣкъ Атрека и Гюргена; на сѣверъ и востокъ кочевники этого отдѣла доходятъ до южнаго берега карабу-

газскаго залива, подошвы чинка и текинскихъ земель у кюрендагскихъ горъ.

Осѣдлые іомуды кара-чоха, по поколѣніямъ, живутъ въ такомъ порядкѣ—на рѣкѣ Атрекѣ: джафарбай, агъ и атабай; на р. Гюргенѣ: джафарбай, агъ, атабай, тазъ, тюаджи, ильгай, бадракъ, эймиръ и др. Кромѣ того, на берегу Каспійскаго моря, около Атрека и Гюргена, находится нѣсколько джафарбайскихъ ауловъ. Каждое изъ этихъ поколѣній, въ видахъ собственной безопасности, живетъ довольно скученно, и чрезполосныхъ земель мало; только поколѣнія агъ и атабай живутъ смѣшанно, и потому туркмены называютъ ихъ часто однимъ именемъ—агатабай.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ поколѣній наиболѣе имѣли столкновеній съ русскими—джафарбаи. Чомуры джафарбаевъ живутъ по Ходжа-Нефесу и отъ Кара-сенгиръ до Чикишляра; чарва же, зимуя между Атрекомъ и Гюргеномъ, откочевываетъ на лѣто по направленію къ Балханамъ; лишь весьма немногіе остаются зимовать у Балханъ или на Узбоѣ. На зимовки чарва джафарбаевъ обыкновенно приходитъ въ ноябрѣ и остается на нихъ до конца февраля. Джафарбайской чомуръ считается приблизительно 3000 кибитокъ, а чарвы до 7000 кибитокъ.

Число кибитокъ въ аулахъ не всегда постоянно. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ значительно увеличивается число кибитокъ въ аулахъ Гасанъ-кули и Чикишлярѣ; зимою же въ аулахъ этихъ число жителей уменьшается, но за то значительно растетъ аулъ Гасанъ-кули.

Іомуды-джафарбаи имѣютъ свои посѣвы по Атреку и, главнымъ образомъ, по Гюргену и Ходжа-Нефесу. Посѣвы, начинаясь недалеко отъ морскихъ береговъ, идутъ въ глубь страны почти до персидскаго предмостнаго укрѣпленія Акъкала, лежащаго на Гюргенѣ, верстахъ въ 50-ти отъ устья

рѣки. Джафарбаи засѣваютъ ежегодно пшеницы болѣе 23.000 пудовъ и риса до 1200 пуд. Въ хорошіе годы хлѣбъ родится самъ-двадцать, въ плохіе—самъ-пять. Въ 1870 и 1871 годахъ для удовлетворенія нуждъ народа не достало имѣвшихся посѣвовъ не только для кочевниковъ, но и для осѣдлыхъ, всего до 80.000 пудовъ.

Во всей джафарбайской чомуръ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ начальникомъ астрабадской морской станціи, должно быть не менѣе 500 лодокъ различныхъ размѣровъ, и изъ нихъ не менѣе 350 такихъ, изъ которыхъ каждая даетъ дохода своему хозяину, среднимъ числомъ, 225 кранов *) въ годъ. Лодки, занимающіяся рыболовствомъ, приносятъ чистаго барыша 150 кранов, а перевозящія изъ Челекеня къ персидскимъ портамъ нефть и соль—300 и болѣе кранов въ годъ. До принятія астрабадскою морскою станціею энергическихъ мѣръ, лодки крупныхъ размѣровъ имѣли еще одно назначеніе: на нихъ туркмены ходили грабить не только персидскія суда, но и прибрежные персидскіе города и селенія.

Въ дѣлахъ востока вообще менѣе чѣмъ гдѣ-либо можно провести опредѣленную грань между интересами политическими и торговыми. Развитіемъ торговли устанавливается дѣйствительное вліяніе и значеніе въ краѣ того или другого государства; нѣтъ коммерческаго предпріятія и даже частнаго дѣла, которое не могло-бы обратиться въ политическое. Въ юго-восточномъ углу Каспія мы находимъ учрежденіе, имѣющее политическій и коммерческій характеръ: это—морская станція наша на островѣ Ашуръ-аде, въ Астрабадскомъ заливѣ. Въ 1836 году была отправлена къ восточному берегу Каспійскаго моря ученая экспедиція, подъ начальствомъ капитана Карелина. Въ бытность свою въ Астрабадскомъ за-

*) Кранъ—30 копѣекъ.

газскаго залива, подошвы чинка и текинскихъ земель у кюрендагскихъ горъ.

Осѣдлые іомуды кара-чоха, по поколѣніямъ, живутъ въ такомъ порядкѣ—на рѣкѣ Атрекѣ: джафарбай, агъ и атабай; на р. Гюргенѣ: джафарбай, агъ, атабай, тазъ, тюаджи, ильгай, бадракъ, эймиръ и др. Кромѣ того, на берегу Каспійскаго моря, около Атрека и Гюргена, находится нѣсколько джафарбайскихъ ауловъ. Каждое изъ этихъ поколѣній, въ видахъ собственной безопасности, живетъ довольно скученно, и чрезполосныхъ земель мало; только поколѣнія агъ и атабай живутъ смѣшанно, и потому туркмены называютъ ихъ часто однимъ именемъ—агатабай.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ поколѣній наиболѣе имѣли столкновеній съ русскими—джафарбаи. Чомуры джафарбаевъ живутъ по Ходжа-Нефесу и отъ Кара-сенгиръ до Чикишляра; чарва же, зимуя между Атрекомъ и Гюргеномъ, откочевываетъ на лѣто по направленію къ Балханамъ; лишь весьма немногіе остаются зимовать у Балханъ или на Узбоѣ. На зимовки чарва джафарбаевъ обыкновенно приходитъ въ ноябрѣ и остается на нихъ до конца февраля. Джафарбайской чомуръ считается приблизительно 3000 кибитокъ, а чарвы до 7000 кибитокъ.

Число кибитокъ въ аулахъ не всегда постоянно. Такъ, напримѣръ, лѣтомъ значительно увеличивается число кибитокъ въ аулахъ Гасанъ-кули и Чикишлярѣ; зимою же въ аулахъ этихъ число жителей уменьшается, но за то значительно растетъ аулъ Гасанъ-кули.

Іомуды-джафарбаи имѣютъ свои посѣвы по Атреку и, главнымъ образомъ, по Гюргену и Ходжа-Нефесу. Посѣвы, начинаясь недалеко отъ морскихъ береговъ, идутъ въ глубь страны почти до персидскаго предмостнаго укрѣпленія Акъкала, лежащаго на Гюргенѣ, верстахъ въ 50-ти отъ устья

рѣки. Джафарбаи засѣваютъ ежегодно пшеницы болѣе 23.000 пудовъ и риса до 1200 пуд. Въ хорошіе годы хлѣбъ родится самъ-двадцать, въ плохіе—самъ-пять. Въ 1870 и 1871 годахъ для удовлетворенія нуждъ народа не достало имѣвшихся посѣвовъ не только для кочевниковъ, но и для осѣдлыхъ, всего до 80.000 пудовъ.

Во всей джафарбайской чомуръ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ начальникомъ астрабадской морской станціи, должно быть не менѣе 500 лодокъ различныхъ размѣровъ, и изъ нихъ не менѣе 350 такихъ, изъ которыхъ каждая даетъ дохода своему хозяину, среднимъ числомъ, 225 кранов *) въ годъ. Лодки, занимающіяся рыболовствомъ, приносятъ чистаго барыша 150 кранов, а перевозящія изъ Челекеня къ персидскимъ портамъ нефть и соль—300 и болѣе кранов въ годъ. До принятія астрабадскою морскою станціею энергическихъ мѣръ, лодки крупныхъ размѣровъ имѣли еще одно назначеніе: на нихъ туркмены ходили грабить не только персидскія суда, но и прибрежные персидскіе города и селенія.

Въ дѣлахъ востока вообще менѣе чѣмъ гдѣ-либо можно провести опредѣленную грань между интересами политическими и торговыми. Развитіемъ торговли устанавливается дѣйствительное вліяніе и значеніе въ краѣ того или другого государства; нѣтъ коммерческаго предпріятія и даже частнаго дѣла, которое не могло-бы обратиться въ политическое. Въ юго-восточномъ углу Каспія мы находимъ учрежденіе, имѣющее политическій и коммерческій характеръ: это—морская станція наша на островѣ Ашуръ-аде, въ Астрабадскомъ заливѣ. Въ 1836 году была отправлена къ восточному берегу Каспійскаго моря ученая экспедиція, подъ начальствомъ капитана Карелина. Въ бытность свою въ Астрабадскомъ за-

*) Кранъ—30 копѣекъ.

ливѣ, Карелинъ, имѣя случай удостовѣриться, что русскіе рыбопромышленники, снимавшіе рыбные промыслы отъ персидскаго правительства, подвергались часто нападеніямъ со стороны туркменскихъ разбойничьихъ лодокъ, пришелъ къ заключенію, что слѣдовало-бы, для защиты русскихъ промышленниковъ, посылать въ Астрабадскій заливъ крейсеровъ на все время производства ими рыбныхъ промысловъ (съ октября по мартъ). Эта мысль признана была основательною и подлежащею исполненію. До этого, отъ времени до времени, командировались крейсеры въ Астрабадскій заливъ, которые имѣли назначеніе препятствовать пиратамъ грабить персидскіе берега, такъ какъ по туркменчайскому трактату Россія выговорила себѣ исключительное право имѣть на Каспійскомъ морѣ военный морской флагъ и воруженныя суда и за это право обязалась прекращать морскіе разбои. Въ концѣ 1841 года персидское правительство заявило миссіи нашей въ Тегеранѣ о намѣреніи своемъ учредить постъ на островѣ Челекенѣ и просило нашего согласія и содѣйствія. Это притязаніе было, конечно, отклонено, но въ то же время рѣшено содержать въ Астрабадскомъ заливѣ постоянное крейсерство. Такимъ образомъ обстоятельства вызвали *постоянное крейсерство*, существенныя нужды котораго, вслѣдствіе значительнаго разстоянія отъ русскихъ портовъ, потребовали учрежденія *морской станціи*.

Дѣятельность астрабадской морской станціи заключается въ водвореніи возможной, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, безопасности въ Астрабадскомъ заливѣ и вдоль южной части восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, въ наказаніи туркменскихъ ауловъ за производимые выходцами изъ нихъ разбои и въ покровительствѣ прочимъ туркменамъ противъ притѣсненій. Мелководье юго-восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, поросшихъ густымъ камышемъ, представляло туркмен-

скимъ разбойникамъ возможность укрываться на своихъ плоскодонныхъ кулазахъ отъ самаго бдительнаго надзора. Уничтоженіе такихъ кулазовъ, выжиганіе камышей, наказаніе ауловъ и тому подобныя мѣры, отъ времени до времени принимавшіяся станціею, имѣли преходящій характеръ и не могли разомъ положить рѣшительнаго конца злу; тѣмъ не менѣе, постоянными усиліями достигнута безопасность отъ нападеній туркменъ, достаточная для веденія торговли, чего до учрежденія станціи не было. Для предупрежденія сомнѣній относительно личности туркменъ, отправлявшихся въ порты Мазандерана, и для предохраненія ихъ отъ насилій мѣстныхъ властей, ввелся обычай—снабжать ихъ билетами отъ нашей станціи; въ обезпеченіе же того, что туркмены, получившіе такіе билеты, не позволятъ себѣ грабить и разбойничать, билеты эти выдавались по поручительству нѣсколькихъ туркменскихъ старшинъ, извѣстныхъ нашему крейсерству и проживавшихъ по преимуществу на самомъ островѣ Ашуръ-аде.

Въ послѣдніе годы нападенія туркменъ на персидскіе берега прекратились, такъ какъ туркмены твердо увѣрены, что русскіе не простятъ имъ ни одного ихъ набѣга. При этомъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что для предупрежденія морскихъ разбоевъ, благодаря мѣрамъ, принятымъ бывшимъ начальникомъ морской станціи, наша станція уже нѣсколько лѣтъ почти не посылаетъ ни одного своего крейсера для обезпеченія тишины въ морѣ. Мѣра, избранная для выполненія нашихъ обязательствъ къ Персіи, состоитъ въ томъ, что ханъ осѣдлой береговой части населенія, хотя и избранный народомъ, но находящійся вполнѣ подъ вліяніемъ начальника станціи и имъ утвержденный, матеріально заинтересованъ въ сохраненіи спокойствія на морѣ и притомъ безъ всякаго участія русскихъ въ денежныхъ расхо-

дахъ. Хану, съ его двумя ближайшими помощниками, предоставлено взимать въ свою пользу извѣстную пошлину съ каждой промышляющей честно лодки и съ людей, на ней находящихся. Такъ, за каждую лодку съ нефтью хану платится 10 кранъ и съ каждаго человѣка, находящагося на ней, тоже по 10 кранъ; за каждую лодку съ солью ханъ получаетъ два крана и, кромѣ того, столько же съ каждаго человѣка, находящагося на лодкѣ; каждый, вывозящій рыбу для продажи купцамъ русскимъ или персидскимъ, и вообще каждый, ведущій непосредственную торговлю съ оптовыми покупщиками рыбы, платитъ хану въ годъ 100 тумановъ *) (312 руб.); каждый, занимающійся рыболовствомъ, платитъ, смотря по числу лодокъ, употребляемыхъ на этотъ промыселъ, отъ 50 кранъ до 150 тумановъ. За такое вознагражденіе хану вмѣнено въ непремѣнную обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы всякая туркменская лодка, идущая къ берегамъ Персіи или вообще идущая въ море къ западу отъ меридіана Ашуръ-аде, непремѣнно заходила на этотъ островъ за полученіемъ русскаго билета; кромѣ того, онъ же обязанъ не только выкупать и представлять начальнику станціи всякаго, взятаго морскими разбойниками въ плѣнъ персіянина и вознаграждать его за всѣ понесенные имъ убытки, но и отвѣчать штрафомъ за каждую захваченную пароходами станціи лодку безъ русскаго вида. Утвердивъ хана въ его правахъ, станція въ свою очередь оказываетъ ему, по первому его требованію, поддержку, и аулы, твердо сознавая, что благоденствіе ихъ зависитъ отъ русскихъ, которые могутъ воспретить имъ ловить рыбу, перевозить нефть или соль, а въ случаѣ надобности сжечь ихъ лодки и даже разгромить самые аулы, ведутъ себя тѣмъ болѣе покойно и мирно, что

*) Туманъ—3 руб. 12 коп. Въ туманѣ 10 крановъ.

за внутреннимъ порядкомъ зорко слѣдитъ ханъ, которому каждая продѣлка его соотичей отзывается въ карманѣ, а совокупность этихъ продѣлокъ грозитъ сверженіемъ съ весьма цѣнимаго имъ мѣста.

Къ джафарбаямъ причисляютъ еще особый родъ, называемый *огурджали*. Іомуды считаютъ ихъ пришельцами изъ среднеазіятскихъ ханствъ: Хивы, Бухары и др. Каждый огурджалинецъ, поступая въ іомудское общество, долженъ непремѣнно избрать себѣ патрона, котораго обязанность защищать его отъ всякихъ притѣсненій. Покровитель - іомудъ относительно своего огурджали становится въ положеніе господина и за свои услуги имѣетъ право взять у покровительствуемаго все достояніе послѣдняго. Огурджали не имѣетъ права жаловаться на своего патрона, но ему не возбраняется избрать себѣ новаго покровителя. Замѣчательно, что іомуды вовсе не пользуются правомъ обирать огурджалинцевъ и требуютъ съ нихъ за покровительство весьма умѣренную дань, такъ-что между огурджалинцами очень много людей зажиточныхъ и ведущихъ относительно весьма крупную торговлю. Хотя цѣна жизни огурджали равна цѣнѣ жизни іомуда, но на практикѣ за нее платятъ гораздо меньше.

Всѣхъ осѣдлыхъ іомудовъ кара-чоха считается около 7000 кибитокъ; изъ нихъ на берегу Каспійскаго моря около 2500 кибитокъ, на р. Атрекѣ—700 и на р. Гюргенѣ—около 3800. Такъ какъ на р. Атрекѣ туркмены живутъ по обоимъ берегамъ, то считать внѣ предѣловъ Персіи можно только аулы Чикишляръ и Гасанъ-кули—850 кибитокъ; всѣ же остальные живутъ въ предѣлахъ, признаваемыхъ персидскими.

Кочевыхъ іомудовъ кара-чоха можно считать отъ 12 до 17 тысячъ кибитокъ. Лѣтнія мѣста кочевокъ ихъ находятся на Узбоѣ, на сѣверномъ склонѣ большого Балхана, между Узбоемъ и большимъ Балханомъ, у подошвы Кюрендага,

между Кюрендагомъ и Узбоемъ и по дорогѣ отъ Узбоя къ Атреку. Джафарбаи и агатабаи направляютъ какъ движеніе, такъ и размѣщеніе ауловъ, т. е. они первые трогаются съ зимовокъ и первые занимаютъ лѣтнія мѣста. Прочія поколѣнія слѣдуетъ за ними. Обыкновенно они поднимаются съ зимнихъ стойбищъ въ концѣ февраля, и въ апрѣлѣ уже располагаются на лѣтнія кочевки, гдѣ живутъ сгруппированно, образуя аулы, или разсѣянно, по нѣсколько кибитокъ, что зависитъ отъ отношеній къ другимъ поколѣніямъ, а еще болѣе къ другимъ кочевымъ племенамъ, напр., текинцамъ и другимъ.

Туркмены, стоящіе на самой низкой степени гражданскаго развитія, признавали до сихъ поръ номинальное надъ собою владычество Персіи и Хивы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ кочевья подходятъ къ персидскимъ или хивинскимъ границамъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ родовъ іомудовъ, осѣдло водворившихся около Гюргена и платящихъ дань Персіи. Всѣ вообще туркмены прежде не составляли даже подобія правильно организованнаго общества и пользовались дикою независимостію для междоусобій и разбоевъ. «У кочевого народа не бываетъ порядка и дисциплины. Изъ туркменъ царя не выйдетъ, какъ изъ дерева не выйдетъ желѣза»—писалъ предводитель хивинскихъ туркменъ Ата-Муратъ-ханъ русскому правительству. Отдѣльные роды туркменъ успѣшно боролись съ персіянами и заставляли трепетать хивинское ханство. Хотя туркмены фактически и не подчинялись Хивѣ, но однако же всѣ племена ихъ признавали духовное главенство хана и боялись его, потому что онъ всегда былъ въ силахъ поссорить ихъ между собою. «Мы много разъ видѣли русскихъ—говорили туркмены начальнику астрабадской морской станціи; они приходили, требовали отъ насъ услугъ и потомъ уходили, а за эти услуги хивинцы послѣ нападали на насъ и грабили, да еще ссорили насъ съ текинцами и гокланами.» Кромѣ

того, хивинскій ханъ всегда могъ запретить отпускъ пшеницы туркменамъ, и тогда отъ голода они должны были выполнять его приказанія. Пустыня не производитъ ничего, а потому туркмены получаютъ хлѣбъ изъ Персіи и изъ Хивы. Но въ Персію могутъ приходить за хлѣбомъ лишь тѣ племена, которыя кочуютъ на принадлежащихъ ей земляхъ и платятъ подать; остальные же всѣ получаютъ его изъ Хивы и лишь небольшое количество съ острова Ашуръ-аде. Такимъ образомъ іомуды находились и въ экономической, и въ духовной зависимости отъ Хивы. Полковникъ Маркозовъ, въ бытность свою начальникомъ красноводскаго отряда, предполагалъ освободить ихъ отъ этой зависимости; по его ходатайству разрѣшено было отпускать туркменамъ изъ продовольственныхъ магазиновъ, находившихся на восточномъ берегу Каспія, муку по казенной цѣнѣ. Но мѣра эта практиковалась лишь весьма непродолжительное время и потому послѣдствія ея не могли быть скоро обнаружены; къ тому же доброе дѣло это заслонилось въ самомъ началѣ различными неудачными мѣрами. вызвавшими недовѣріе и раздраженіе населенія...

Первоначально сношенія наши съ іомудами были дружественныя: за деньги они доставляли отряду верблюдовъ и барановъ, сколько было нужно. Надо однако замѣтить, что населеніе выставляло полковнику Столѣтову перевозочныя средства лишь для подвозки запасовъ отъ берега моря къ позиціи у Балханъ и для одной рекогносцировки по направленію къ теке. Неизвѣстно, какъ-бы это самое населеніе отнеслось къ нему, если-бы онъ объявилъ ему о походѣ на Хиву. Можно однако предположить, что полковникъ Столѣтовъ довелъ-бы туркменъ до того, что они не были-бы упорными противниками экспедиціи на Хиву. На сохраненіе добрыхъ отношеній съ туземцами полковникъ Столѣтовъ обращалъ всегда самое большое вниманіе.

Въ сношеніяхъ съ азіятцами главное условіе успѣха составляетъ неизмѣнная правдивость и твердость, соединенныя съ умѣренностію. «Вы основываете утвержденіе русскаго могущества въ томъ краѣ—писалъ государственный канцлеръ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману 1, 4-го мая 1868 г.—на справедливости, на благосостояніи жителей всѣхъ племенъ и на развитіи мирныхъ торговыхъ сношеній съ сосѣдними владѣніями, и это—самыя прочныя основанія, которыми будетъ оправдано предъ исторіею наше движеніе въ Азію.» Въ данномъ случаѣ, справедливость требовала—за все поставленное въ отрядъ туркменами—платить, и полковникъ Столѣтовъ платилъ имъ щедро, а Скобелевъ платилъ еще щедрѣе. Онъ зналъ, что только этимъ способомъ можно привлечь къ себѣ кочевниковъ. Сегодня вы дадите дикарю за какую-нибудь услугу 100 рублей, верстъ за 300 станутъ говорить, что вы ему дали 1000, а чрезъ нѣсколько дней, далеко въ пустынѣ, разнесется слухъ, что ему дали столько денегъ, что онъ едва могъ поднять ихъ на верблюдѣ. Удивляться тутъ нечему. Если въ европейскомъ обществѣ какой-нибудь слухъ, пройдя десятки устъ, обращается богъ знаетъ во-что, то у кочевниковъ, находящихся на второй ступени человѣческаго развитія, при которомъ возможенъ эпосъ—своя былина, всякая новость искажается еще болѣе. А распространенію новостей способствуетъ самый образъ жизни кочевниковъ, проводящихъ время въ праздности и возложившихъ всѣ заботы по хозяйству на женщинъ. Кочевникъ не только любитъ слушать новости, но вмѣстѣ съ тѣмъ большой охотникъ разсказывать. Всякое малѣйшее событіе или происшествіе—будь оно самое пустое, даетъ ему отличный случай ѣхать въ ближайшій аулъ и разсказать тамъ подробно свой *хабаръ* или слухъ. Узнавъ другъ отъ друга всѣ новости, кочевники скачутъ въ сосѣдніе аулы, съ безкорыстною цѣлью разсказать все слышанное.

Въ 1871 году, съ назначеніемъ новаго начальника отряда въ Красноводскъ, произошелъ поворотъ въ отношеніяхъ нашихъ къ кочевникамъ. Поворотъ этотъ былъ въ зависимости отъ другого взгляда на политику, которой мы должны были тогда держаться въ новой странѣ. Быть можетъ, этотъ взглядъ имѣлъ за собою нѣкоторыя основанія, но онъ послужилъ поводомъ къ тому, что въ критическую минуту, т. е. предъ походомъ на Хиву, отрядъ вынужденъ былъ прибѣгнуть, для снабженія себя верблюдами, къ тѣмъ насильственнымъ мѣрамъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ уже и прежде. Нельзя, конечно, ручаться, чтобы рядъ понудительныхъ мѣръ съ нашей стороны, въ послѣднее время предъ хивинскимъ походомъ, въ отношеніи къ туркменамъ былъ исключительною причиною недоброжелательства, высказаннаго ими въ послѣднія минуты сбора красноводскаго отряда для движенія на Хиву. Вѣроятнѣе предположеніе, что подстрекательства со стороны Хивы на общую войну противъ невѣрныхъ играли въ этомъ случаѣ немаловажную роль. Тѣмъ не менѣе, здѣсь умѣстно будетъ привести данныя, подтверждающія—въ какой мѣрѣ можно было ожидать сопротивленія со стороны туркменскаго населенія при движеніи нашихъ войскъ чрезъ ихъ земли. Такъ, въ декабрѣ 1872 года, когда красноводскій отрядъ возвращался по Атреку въ Чикишляръ, у переправы Баятъ-хаджи-олумъ замѣтили на землѣ три большія параллельныя черты, проведенныя шашкою. Проводники объяснили, что туркмены, живущіе около этихъ мѣстъ, объявляетъ русскимъ войну и что эти черты означаютъ клятву, смыслъ которой: «да будутъ ихъ жены незаконными, если они пропустятъ русскихъ безъ боя.» Въ началѣ же 1873 года, не смотря на выгодныя предложенія туркменамъ по найму у нихъ верблюдовъ, населеніе отказалось поставить перевозочныя средства.

Другое туркменское племя, съ которымъ теперь собственно Скобелевъ и велъ борьбу—*текинцы*.

По всему подножію кюрендагскихъ горъ тянется длинный рядъ текинскихъ укрѣпленій *), расположенныхъ на ручьяхъ проточной воды, въ разстояніи одно отъ другого отъ 10 до 20 и 25 верстъ. Эти укрѣпленія составляютъ постоянныя туркменскія поселенія. Благодаря цѣлому ряду проточныхъ ручьевъ, вытекающихъ изъ Кюрендага, полоса между хребтомъ и песками способна къ хлѣбопашеству. Посѣвы расположены въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленій; поля имѣютъ видъ небольшихъ квадратиковъ, обнесенныхъ валиками со рвами для воды, и обработываются ручными орудіями (лопата, кирка). Сѣютъ ячмень, пшеницу, джугару, кунжутъ, дыни, арбузы и хлопокъ. Риса не сѣютъ, потому что онъ требуетъ много воды. Хорошіе урожаи бываетъ только при обильныхъ дождяхъ, такъ какъ воды ручьевъ не достаетъ для обильнаго орошенія всѣхъ посѣвовъ. Есть и сады. Владѣніе

*) Текинскія укрѣпленія построены изъ глины. Для образчика приведемъ здѣсь описаніе Кизилъ-арвата. Кизилъ-арватъ имѣетъ въ планѣ видъ четырехъ-угольника, протяженіемъ съ востока на западъ 77½ саж., а съ сѣвера на югъ 90 саженъ. Этотъ четыреугольникъ обнесенъ стѣною въ 16 ф высоты, съ наружнымъ рвомъ, глубиною отъ 2 до 9 фут., а шириною по верху отъ 4 до 12 ф; толщина стѣнъ внизу отъ 11½ до 16 ф., а вверху отъ 1½ до 2 фут. Съ внутренней стороны стѣнъ, на высотѣ 5—6 фут., находится банкетъ, шириною около 7 ф., выше же его—бойницы для ружейной обороны. Съ южной стороны стѣны находятся толстыя, двойныя ворота съ двумя оборонительными башнями. Затѣмъ въ укрѣпленіи есть еще другая, внутренняя стѣна, такой же высоты, какъ наружная, толщиною внизу 4½ ф., а вверху 1½ ф., составляющая его цитадель. Разстояніе между внутреннею и наружною стѣнами, въ среднемъ, около 120 фут. Стѣны крѣпости весьма прочны, особенно наружныя; въ 1870 году, послѣ 30 выстрѣловъ изъ двухъ полевыхъ орудій и горнаго единорога, на разстояніи 300 саженъ отъ укрѣпленія, едва удалось пробить въ стѣнѣ небольшую брешь. По разсказамъ туркменъ, надъ постройкою этой крѣпости текинцы трудились лѣтъ двадцать. Туркмены считали это укрѣпленіе недоступнымъ для хивинцевъ и курдовъ, противъ которыхъ оно преимущественно и построено.

землею не общинное, а участки ея отдѣльно принадлежатъ разнымъ лицамъ, которыя могутъ ихъ и отчуждать. Текинская земля, по количеству проточной воды и свойству грунта, принадлежитъ къ лучшимъ мѣстностямъ всей Туркменіи. Вблизи укрѣпленій текинцы собираются съ своими кибитками лѣтомъ для работъ; верблюды же и овцы пасутся въ пескахъ. Лошади кормятся травой, растущею по ручьямъ. Зимою въ укрѣпленіяхъ остаются только конные мужчины, семейства же съ верблюдами и овцами выходятъ къ сѣверу отъ горъ, въ пески, доходя до Узбоя.

Вообще племя теке слѣдуетъ считать уже полуосѣдлымъ. Живя болѣе или менѣе значительными аулами, текинцы въ нѣкоторой степени подчиняются своимъ старшинамъ и болѣе вліятельнымъ людямъ, такъ-что представляютъ уже нѣкоторое, хотя слабо организованное общество. Вслѣдствіе этого, при разрозненности и разбросанности остальныхъ туркменскихъ племенъ, текинцы считаются между ними наиболѣе сильнымъ племенемъ. Имѣя отличныхъ лошадей, они дѣлаютъ частые набѣги въ Персію, гдѣ грабятъ караваны и уводятъ въ плѣнъ людей. Теке—гроза пустыни и славится храбростію между всѣми туркменами. По донесенію полковника Маркозова, разгромъ текинцевъ, произведенный въ концѣ 1872 года, произвелъ на іомудовъ такое впечатлѣніе, что когда одинъ изъ туркменъ, состоявшій при отрядѣ, посланный нарочнымъ въ Чикишляръ, первымъ разсказалъ объ этомъ разгромѣ, то едва не поплатился отъ іомудовъ жизнью за распространеніе ложныхъ, по убѣжденію ихъ, слуховъ. Разсказчикъ былъ заподозрѣнъ въ подкупкѣ, ибо іомуды не вѣрили, чтобы кто-либо, не исключая и русскихъ, могъ заставить текинцевъ бѣжать и просить пощады.

Гяурсъ—крайній пунктъ населенія текинцевъ. Далѣе, верстахъ въ 50—60, начинаются поселенія курдовъ. Въ

Гяурсѣ текинцы содержатъ, въ родѣ караула, постоянно до 400 всадниковъ. Во всѣхъ поселеніяхъ текинцевъ можно считать до 40.000 кибитокъ.

Независимо подножія Кюрендага, текинцы еще живутъ въ Мервѣ, на р. Мургабѣ.

Всѣхъ текинцевъ считается до 100.000 кибитокъ.

Гокановъ считается до 8000 кибитокъ. Они живутъ по верхнимъ теченіямъ Гюргена и Атрека, гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ и шелководствомъ. Хлѣбопашество идетъ у нихъ гораздо лучше, чѣмъ у іомудовъ, но преимущественно садоводство и шелководство составляютъ ихъ богатство. Гокланы считаются въ подданствѣ Персіи. Они непримиримые враги іомудовъ.

Въ 1880 году все туркменское племя, состоящее изъ джафарбаевцевъ, атабаевцевъ и іомудовъ, переселилось за Атрекъ, понявъ, что вторая наша экспедиція, съ генераломъ Скобелевымъ во главѣ, положитъ имъ предѣлъ, закончитъ всѣ ихъ дикіе кочевые разбои и набѣги. Всѣ разбои и грабежи, совершаемые туркменами, всегда почти падали на текинцевъ, не повинныхъ въ дѣйствіяхъ за-атрекскихъ туркменъ и гокановъ. Неудача наша въ 1879 году подъ стѣнами Геоктепе вызвала у текинцевъ сильную месть туркменамъ за то, что они совершенно открыто помогали нашимъ войскамъ, чѣмъ могли. Напуганные такимъ преслѣдованіемъ текинцевъ, туркмены рѣшили поголовно не давать намъ ничего, не помогать намъ ни въ чемъ, парализовать наши дѣйствія на каждомъ шагу, не давать намъ ни одного верблюда подъ транспорты и вьюки ни за какія деньги.

Такое отношеніе туркменъ въ вы[illegible]й степени было неблагопріятно, на первыхъ порахъ, и [illegible]ы и разсчеты

генерала Скобелева могли быть задержаны, неимѣвшаго достаточно верблюдовъ, чтобъ быстро и неожиданно занять Бами и вторгнуться въ ахалтекинскій оазисъ. Для этого требовалось до 6000 верблюдовъ, мы же имѣли въ эту минуту въ своемъ распоряженіи только до 1200 головъ. Съ такими малыми перевозочными силами немыслимо было ни въ какомъ случаѣ двинуться въ оазисъ, гдѣ надо было имѣть запасъ продовольствія, по крайней мѣрѣ, на сорокъ дней или же на два мѣсяца.

Туркмены между тѣмъ стояли на своемъ—«нѣтъ верблюдовъ», и никакія, повидимому, мѣры не могли ихъ заставить измѣнить свое дикое упорство. Тогда генералъ Скобелевъ, вынужденный на крайній исходъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, рѣшился избрать способъ достиженія своей цѣли самый прямой и вѣрный. Онъ, не медля ни минуты, объявилъ почетнымъ туркменскимъ старшинамъ и казіямъ (священникамъ), что одаритъ ихъ большими подарками и наградами, если только они прикажутъ населенію дать намъ необходимое количество верблюдовъ. Старшины и казіи говорили то-же самое—«нѣтъ верблюдовъ.» Потомъ, когда имъ было объявлено, что за каждаго павшаго или отбитаго верблюда будетъ заплачено по ста рублей, казіи и старшины заявили, что самъ народъ не желаетъ давать намъ верблюдовъ изъ боязни текинцевъ, которые могутъ во всякое время сдѣлать на нихъ за то набѣгъ и разорить все ихъ имущество. Послѣ этого надо было рѣшить этотъ вопросъ нѣсколько иначе.

На дворѣ, около дома Скобелева, стояли пять вліятельнѣйшихъ старшинъ и два, самые почетные казія, и тутъ же находилось около 150 туркменъ, ожидавшихъ послѣдняго рѣшенія и приказанія своихъ старшинъ. Когда старшины и казіи отвѣтили послѣдній разъ, что народъ не желаетъ дать намъ верблюдовъ далѣе Дузулума, генералъ Скобелевъ приказалъ быстро явиться взводу солдатъ и арестовалъ всѣхъ

старшинъ и казіевъ. Этотъ неожиданный для нихъ пріемъ былъ до того поразителенъ и страшенъ, что остальные туркмены въ испугѣ и отчаяніи немедленно поскакали въ свои кочевья, а старшинъ и казіевъ Скобелевъ приказалъ отправить подъ конвоемъ на лодку *Тюлень*, и отвезти на морскую станцію *Ашураде*. Ускакавшіе туркмены заявили всѣмъ своимъ сосѣдямъ, что русскіе всѣхъ ихъ старшинъ и казіевъ отправили въ Сибирь. Хотя въ нашемъ распоряженіи находилось до пяти тысячъ туркменскихъ верблюдовъ и 450 вожаковъ при нихъ, но они не хотѣли идти далѣе Дузулума. Тогда Скобелевъ далъ понять туркменамъ, что ихъ старшины, казіи и верблюды останутся у него «залогомъ», до тѣхъ поръ, пока они не исполнятъ его требованій. Туркмены, видя неотступную настойчивость генерала Скобелева, должны были подчиниться его распоряженіямъ.

На другой день генералъ Скобелевъ сказалъ Арцишевскому—«я предвидѣлъ, что туркмены будутъ наши опасные враги,—но мы должны держать ихъ крѣпко въ своихъ рукахъ...»

Потомъ, не много спустя, генералъ добавилъ—«объявите имъ всѣмъ, что малѣйшее съ ихъ стороны возмущеніе или же нападеніе—они погибнутъ всѣ, вмѣстѣ съ своими кибитками.»

20-го мая мы весьма ясно поняли, что въ тылу у насъ находится 65-т. враждебныхъ намъ туркменъ, а впереди ждутъ насъ злобные текинцы, ободренные прошлыми нашими неудачами при предмѣстникахъ генерала Скобелева. Многіе сначала взглянули на такое крутое распоряженіе Скобелева относительно старшинъ и казіевъ, какъ на крайнюю мѣру, отчасти жесткую и не тактичную—но Михаилъ Дмитріевичъ отлично зналъ, что онъ дѣлалъ, онъ, какъ опытный психологъ востока, прекрасно понималъ тѣ результаты и то впечатлѣніе на массу народа, подъ давленіемъ которыхъ туркмены вполнѣ сдѣлаются и покорными, и послушными.

На самомъ дѣлѣ такъ и вышло. Туркмены съ этого момента стали исполнять всѣ наши требованія—хотя мы на каждомъ шагу и видѣли ихъ враждебную затаенность противъ насъ.

Отъѣзжая 23 мая изъ Чикишляра, Михаилъ Дмитріевичъ предложилъ Арцишевскому обо всемъ сообщать ему письмами, чтобъ скорѣе шло дѣло, безъ всякой формальной переписки, согласно составленныхъ имъ плановъ и соображеній военныхъ дѣйствій. «Личныхъ указаній давать вамъ я не намѣренъ—пояснилъ Скобелевъ, ибо на войнѣ всяко бываетъ... соображайтесь съ дѣломъ и минутой—въ этомъ почти всегда успѣхъ и есть.» Это были его послѣднія слова.

Въ концѣ мая мѣсяца мы должны были не только охранять весь нашъ путь и этапную линію, но и занять впереди болѣе ста верстъ, совершенно пустынной мѣстности, чтобъ завладѣть колодцами *Ташверды*, близъ древняго города Мездоврона, и тѣмъ отбросить текинцевъ далѣе, въ глубь оазиса, чтобы они не могли дѣлать набѣговъ на нашу линію. Но совершить на мѣстности эту военную операцію не такъ-то было легко, какъ можетъ казаться съ перваго раза. Прежде всего, чтобъ охватить такой раіонъ непокорнаго намъ края, надо было имѣть достаточное число войскъ, такое количество штыковъ, чтобъ, вслучаѣ встрѣчи непріятеля, мы могли увѣренно и надежно оріентироваться во всякую данную минуту; мы же, въ это время, имѣли только двѣ сотни кавалеріи и девять ротъ пѣхоты мирнаго состава, и занимали линію на протяженіи слишкомъ 200 верстъ. Между тѣмъ текинцы зорко слѣдили за нашими дѣйствіями и движеніями, что доказывали намъ секретныя записки князя Вачнадзе, бывшаго телеграфистомъ на астрабадской телеграфной станціи. Вотъ, напр., что сообщалъ Вачнадзе.

«Полковнику Арцишевскому. Сейчасъ получилъ свѣдѣнія отъ вѣрнаго человѣка. Вся туркменская *чарва* *) собралась около бугра Саміяни, куда явился отъ русскихъ джафарбаевецъ (туркменское племя) Шайдой съ просьбою, чтобы они дали русскимъ 700 верблюдовъ. На это чарва отвѣтила и предложила Шайдою быть ихъ предводителемъ, дабы быть самостоятельными, и что они тогда-же могутъ начать набѣги на русскихъ, какъ и текинцы. При этомъ они говорятъ, что если Шайдой согласится быть ихъ главою и если русскіе не прекратятъ экспедицію, то они будутъ дѣлать грабежи во время самаго боя съ текинцами и будутъ пользоваться временемъ. На это Шайдой отвѣтилъ, что онъ пока ѣдетъ къ русскимъ—устроить свои дѣла, дабы прикрыть свои цѣли, а вы, говоритъ, свое задуманное дѣло хорошенько обдумайте и дайте мнѣ отвѣтъ. Куджухецъ Клычкопалъ соглашается быть его помощникомъ и что Шайдой вполнѣ одобряетъ задуманною чарвою. Человѣкъ, который доставляетъ эти свѣдѣнія, вполнѣ преданъ русскимъ, и заслуживаетъ полнаго награжденія. Князь Вачнадзе.»

Туркменскіе старшины жили у насъ подъ арестомъ; іюнь и іюль мѣсяцы работало 4000 верблюдовъ подъ прикрытіемъ войскъ, доставляя наши транспорты отъ Дузулума до Бами. Въ началѣ іюля приказано было прибыть въ Чикишляръ лодкѣ *Тюлень* и привезти старшинъ.

Когда туркмены увидѣли потомъ, что ихъ казіи и старшины не въ Сибири, а возвращены имъ обратно, то они были въ высшей степени и удивлены, и обрадованы.

Только такими рѣшительными мѣрами Скобелевъ могъ совершить всю перевозку транспортовъ и запасныхъ гру-

*) Чарва—кочевой нар [illegible] мающійся хозяйствомъ и хлѣбопашествомъ.

зовъ отъ Дузулума до Бами, держа старшинъ и казіевъ подъ арестомъ — какъ заложниковъ, и пользуясь въ то-же время верблюдами отъ туркменъ, съ ихъ хозяевами и вожаками.

Но задумай Скобелевъ заводить свой транспортъ, своихъ верблюдовъ и лошадей — дѣло-бы погибло въ самомъ началѣ, какъ вышло и при генералѣ Лазаревѣ, и успѣхъ военныхъ дѣйствій въ Ахалтеке опять-бы вышелъ болѣе чѣмъ сомнительный, мы-бы снова могли подвергнуться, со стороны текинцевъ, большимъ неудачамъ... Только особая опытность Скобелева, какъ военнаго человѣка, только его знаніе востока и характера восточныхъ жителей давали намъ успѣхъ и перевѣсъ на каждомъ шагу; бывали часто такія минуты среди безвыходныхъ часовъ, среди общаго недоумѣнія — что предпринять, когда только одинъ Михаилъ Дмитріевичъ не терялся, только онъ одинъ зналъ, что дальше надо дѣлать...

Затѣмъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, изъ Бами Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ предпринялъ смѣлую, необыкновенную рекогносцировку къ Геоктепе съ 800 человѣкъ, гдѣ въ то время находилось текинцевъ болѣе 60,000. Скобелевъ подошелъ къ самымъ стѣнамъ Геоктепе, оставивъ вагенбургъ *за девять верстъ*, и здѣсь былъ на обратномъ пути атакованъ скопищемъ текинцевъ. Эта рекогносцировка Скобелева примѣрна и замѣчательна тѣмъ, что онъ на четвертые сутки былъ уже у стѣнъ Геоктепе и явился здѣсь такъ неожиданно и такъ смѣло, что текинцы, не смотря на свое шестидесяти-тысячное сборище, хоть-и атаковали Скобелева со всѣхъ сторонъ, но не рѣшились ринуться въ рукопашный бой, и были отбиты съ большимъ урономъ для себя.

Тѣмъ не менѣе, Скобелевъ зорко и внимательно обозрѣлъ всю эту мѣстность, нанесъ всѣ важные пункты на карту,

вблизи опредѣлилъ фасы стѣнъ крѣпости Геоктепе и ихъ профиля, а всю прилегающую мѣстность къ крѣпости отмѣтилъ ситуаціей.

Убѣдившись затѣмъ на всей чикишлярской линіи и въ окрестностяхъ Бами въ рыцарской стойкости нашихъ гарнизоновъ при нападеніи на нихъ большими массами текинцевъ—Михаилъ Дмитріевичъ уже въ августѣ мѣсяцѣ предполагалъ начать наступленіе въ глубь оазиса, дабы въ сентябрѣ занять Арчманъ, Дурунъ и двинуться къ Геоктепе. Но организація тогда всего нашего отряда не была еще реформирована въ той степени и полнотѣ, какая требовалась для движенія въ глубь оазиса, и не было еще положительно извѣстно—готовы-ли къ движенію тѣ войска, которыя въ это время находились на западномъ берегу моря.

VIII.

Взятіе штурмомъ крѣпости Геоктепе.

Былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ, знойныхъ дней августа мѣсяца, когда жара въ Бами доходила до 45 градусовъ. Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ и полковникъ Гродековъ (нынѣ генералъ-маіоръ) сидѣли вдвоемъ другъ противъ друга, и ровно восемь часовъ подрядъ спорили и доказывали одинъ другому — можно-ли перейдти въ наступленіе и двинуться ближе къ стѣнамъ Геоктепе. Скобелевъ желалъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ форсировать движеніе впередъ, полковникъ Гродековъ приводилъ данныя, что не все еще къ тому готово. Хозяйственная часть отряда была еще въ это время не въ полномъ порядкѣ, съ каждымъ днемъ въ Красноводскѣ выгружались наши транспорты, боевые снаряды, продукты продовольствія, количество верблюдовъ то-же не было еще полное, хотя изъ оренбургскаго края транспорты верблюдовъ и стали уже двигаться къ намъ — но надо было многое и многое подготовить къ тому, чтобъ двинуться впередъ и быть увѣренными въ полной своей боевой готовности и силѣ *).

*) Мы здѣсь еще обращаемъ вниманіе читателя на высокій тактъ и боевую опытность Н. И. Гродекова, служившаго для Скобелева въ этой экспедиціи самымъ разумнымъ регуляторомъ слишкомъ смѣлыхъ, подчасъ, военныхъ порывовъ Михаила Дмитріевича.

Убѣжденный наглядными данными и вычисленіями, Михаилъ Дмитріевичъ, въ концѣ своихъ споровъ съ Гродековымъ, вполнѣ согласился измѣнить свой планъ движенія впередъ, и приступилъ на другой же день къ скорѣйшему окончанію и заготовленію всего необходимаго для отряда. Это было въ Бами. Черезъ нѣсколько дней Скобелевъ уѣхалъ въ Красноводскъ и занялся тамъ чисто хозяйственными работами. Весь сентябрь и до половины октября мѣсяца Михаилъ Дмитріевичъ встрѣчалъ въ Красноводскѣ партіи верблюдовъ, осматривалъ ихъ и направлялъ съ грузами въ Бами; по ночамъ онъ приходилъ въ магазины, ѣздилъ въ Михайловскій заливъ и Малакары, чтобы видѣть какъ тамъ строится желѣзная дорога и какъ верблюды прошли съ грузами первыя сто верстъ, чтобъ руководиться потомъ такимъ наблюденіемъ при переходахъ верблюдовъ и дальше. Для выясненій многихъ сложныхъ вопросовъ и соображеній Михаилъ Дмитріевичъ вызвалъ меня, говоритъ Арцишевскій, изъ Чикишляра въ Красноводскъ, гдѣ я въ первый разъ потомъ видѣлъ его въ какомъ-то странномъ, напряженномъ нервномъ раздраженіи. Ему все тогда казалось не такъ, не хорошо, все было не по немъ, каждая мелочь, каждый вопросъ его сердилъ, тревожилъ. То ему казалось, что желѣзная дорога весьма медленно строится, то слишкомъ мало и копотно перевозятъ грузы, а главная причина его задраженія заключалась въ томъ, что войска съ западнаго берега не могли быть перевозимы, потому что желѣзная дорога работала сама для себя — перевозила свои тяжести, свои грузы, шпалы, рельсы и подвижной составъ вагоновъ; вообще Михаилъ Дмитріевичъ въ это время, подъ вліяніемъ, такъ сказать, *мертвой минуты*, болѣлъ, чего онъ страшно не любилъ; онъ не могъ стоять на одномъ мѣстѣ — ему всегда нужна была работа и работа, жизнь, движеніе мысли и тѣла; подъ вліяніемъ такихъ моментовъ Скобелевъ

не засыпалъ, а словно вновь пробуждался съ большей силой, для борьбы съ новыми своими врагами и друзьями. Другой организмъ, подъ давленіемъ такихъ минутъ застоя, сна и недвижности, засыпаетъ, какъ-бы самъ себя убаюкиваетъ бездѣльемъ и безработностію, а Скобелевъ въ такіе часы превращался въ самаго тяжелаго и энергичнаго человѣка; онъ, какъ-бы на зло медленности и обстоятельствамъ, всегда находилъ и себѣ и другимъ работу и занятіе. Онъ всегда думалъ и поступалъ такъ, чтобы его собственный глазъ, его присутствіе были на каждомъ мѣстѣ, чтобъ не оставалось нигдѣ такого пустого пространства среди трудовъ, работы, плановъ и соображеній, гдѣ Михаилъ Дмитріевичъ не былъ самъ, не видѣлъ самъ, не указалъ и не понялъ вопроса въ цѣломъ его объемѣ. Въ Красноводскѣ, однажды ночью, среди всевозможныхъ хлопотъ и суеты, онъ повелъ г. Арцишевскаго въ выстроенный погребъ для масла и на мѣстѣ все объяснялъ—почему внутренность погреба расположена такъ, а не иначе; потомъ онъ предложилъ ему остаться на нѣкоторое время при немъ, и когда тотъ заявилъ, что у него стоитъ очень спѣшная работа на пристани, на плацу стоятъ орудія, лафеты, фургоны, снаряды, что у него есть весьма срочная работа—Михаилъ Дмитріевичъ быстро перешелъ къ другому вопросу, посадилъ его за столъ и сталъ диктовать — что слѣдуетъ прежде всего дѣлать впередъ, какъ онъ думаетъ перевозить на верблюдахъ орудія, лафеты и ящики до Дузулума, и тутъ же чертилъ и рисовалъ образцы верблюжьихъ шлеекъ и сѣделъ.

Замѣчательная подвижность и энергія Скобелева заставляли его каждую минуту чѣмъ-нибудь заниматься. Его умъ и тѣло безъ работы не могли быть.

Въ половинѣ октября мѣсяца Михаилъ Дмитріевичъ совершенно успокоился, когда на обоихъ нашихъ линіяхъ все

было двинуто впередъ, въ Персіи сдѣлана закупка всего очень успѣшно и совершенно обезпечена перевозка всѣхъ этихъ грузовъ. Тогда онъ оставилъ подробныя инструкціи генералу Петрусевичу для окончанія его распоряженій, генералу Анненкову поручилъ весь тылъ, и выѣхалъ изъ Красноводска со всѣмъ своимъ штабомъ. А штабъ генерала Скобелева также былъ подвиженъ и укладистъ для быстрыхъ передвиженій, какъ и онъ самъ.

Впрочемъ, въ это время Михаилъ Дмитріевичъ былъ самъ и начальникъ штаба и интендантъ, такъ какъ полковникъ Гродековъ (начальникъ штаба) находился въ Персіи, а отрядного интенданта и его секретаря Скобелевъ отправилъ на западный берегъ моря—«за неясные доводы въ разсчетахъ по найму верблюдовъ...» Скобелевъ считалъ самымъ высшимъ наказаніемъ для всѣхъ и каждаго—быть отправленнымъ на западный берегъ моря—«чтобы не имѣть чести участвовать въ дѣлахъ съ непріятелемъ.» И надо было видѣть, какъ велико было затаенное чувство каждаго солдата и офицера, чтобъ не быть исключеннымъ изъ рядовъ тѣхъ бойцовъ, которые должны были идти подъ Геоктепе, какъ каждый себя берегъ, чтобы не подвергнуться такому ужасному, постыдному наказанію. Мы обходимъ здѣсь подробности заготовленія на зиму теплаго платья для всего отряда, новый наемъ 9,000 верблюдовъ *), новые запасы продовольствія — все это Ми-

*) Наемъ верблюдовъ былъ сопряженъ съ самыми крайними затрудненіями и усиліями. И вотъ тутъ-то М. Д. Скобелевъ вспомнилъ своего стараго «кунака» подрядчика, знакомаго ему своею ловкостію и энергіею по хивинской и ферганской еще экспедиціямъ. Это былъ то же чисто русскій типъ, знающій среднюю Азію вдоль и поперекъ, изучившій жизнь и бытъ этого народа впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ до самыхъ мельчайшихъ общественныхъ требованій и изворотовъ. Это былъ нѣкто г. Громовъ—купецъ первой гильдіи. Бойкій и смѣлый, рѣшительный, въ большинствѣ случаевъ, бравшій все съ бою и на рискъ, не жалѣющій подчасъ

хаилъ Дмитріевичъ успѣлъ во время сдѣлать, смогъ вынести на своихъ плечахъ, когда многіе окружавшіе его, совершенно терялись въ догадкахъ, соображеніяхъ, въ знаніи и разсчетахъ. А онъ двигался впередъ—и всѣ шли за нимъ, увѣренные въ своихъ цѣляхъ и падеждахъ.

Затѣмъ мы перешли въ наступленіе и двинулись въ глубь оазиса—къ Геоктепе. При этомъ предстояла новая забота о томъ, чтобы верблюдовожатые не разбѣжались съ дороги, а потому надо было всѣхъ верблюдовъ до 5,000 вести подъ карауломъ до Дузулума, а оттуда уже силою заставить вожаковъ идти далѣе, до Бами. Но и этотъ упорный вопросъ былъ улаженъ опытнымъ соображеніемъ Скобелева. Вотъ, между прочимъ, что Михаилъ Дмитріевичъ телеграфировалъ г. Арцишевскому изъ Чикишляра по этому вопросу.

своихъ денегъ для общаго дѣла, для благой цѣли—Громовъ, какъ истый джентльменъ, въ такія кипучія минуты умѣлъ проникаться глубокимъ сознаніемъ личнаго долга каждаго—жертвовать всѣмъ и вся. Громовъ нѣсколько разъ терялъ въ Туркестанѣ на подрядахъ все свое состояніе и также мужественно и энергично возвращалъ потомъ потерянное въ самое короткое время. Этотъ человѣкъ какъ практикъ-политикъ, какъ боецъ-подрядчикъ, какъ походный военный коммерсантъ—положительно незамѣнимый дѣлецъ, ни передъ чѣмъ не теряющій своего всегда холоднаго разума и разсчета. Онъ весь видитъ васъ насквозь—хотя и кажется иногда не стоющимъ вашей мѣдной пуговицы. Но вы троньте его глубже—тогда поймете его практическую силу и знаніе, которыхъ ваша отвлеченная терминологія ни въ какомъ случаѣ не разобьетъ и не опрокинетъ—и вы тысячу разъ обратитесь къ его «сметкѣ и политикѣ», когда настанетъ минута кризиса и нужды.

Вотъ къ нему-то Скобелевъ обратился, чтобы онъ, не медля ни минуты, собралъ девять тысячъ верблюдовъ и доставилъ ихъ въ Чикишляръ. И Громовъ въ двѣ недѣли составилъ транспортъ верблюдовъ въ девять тысячъ головъ, забралъ потомъ на нихъ всѣ наши тяжести съ атрекской линіи, и разомъ двинулъ въ Бами.

Такая военная услуга Громова всегда цѣнилась Скобелевымъ—какъ отечественная заслуга, какъ особый гражданскій подвигъ, выручившій весь отрядъ отъ неопредѣленныхъ ожиданій верблюдовъ, задерживавшихъ все наше движеніе впередъ. *Авт.*

25-го октября, 12 часовъ дня.

Полковнику Арцишевскому.

«Все готово; двинуто впередъ, кромѣ ушедшихъ съ вами, 3200; они всѣ уже въ пути. Распорядитесь — 1) задержаніемъ силою находящихся и прибывающихъ верблюжьихъ транспортовъ въ Дузулумъ и немедленно направляйте ихъ въ Бами, согласно полученныхъ вами отъ меня приказаній; 2) дайте знать по линіи къ Чикишляру, чтобы конвой до крайности былъ усиленъ, не объясняя причинъ; приказать конвоирующимъ усиленно наблюдать за верблюдовожатыми, не позволять имъ расходиться, вообще доставить транспорты по назначенію — даже прибѣгая къ насилію; 3) двинуть на встрѣчу, въ подкрѣпленіе конвоирующимъ, соотвѣтственную часть ввѣренной вамъ кавалеріи; 4) сообразите расходъ конвоирующихъ частей къ Бами и предупредите въ этапныхъ укрѣпленіяхъ, дабы дальнѣйшее отъ Дузулума движеніе было безпрепятственно; 5) порядокъ задержанія, пастбы и охраненія рекомендуется принятый въ маѣ мѣсяцѣ; 6) распорядитесь о принятіи боевыхъ предосторожностей на всѣхъ пунктахъ линіи, такъ какъ случайности отнынѣ возможны. Поступайте ласково и мягко — пока можно, но еслибъ обстоятельства грозили нарушить утвержденный мною планъ дѣйствій — поступайте съ крайнею рѣшительностію и *исполните даже силою оружія*...

Генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

Эта телеграмма, до послѣдняго слова проникнутая глубокимъ знаніемъ характера и привычекъ «восточнаго человѣка», самымъ наглядным образомъ доказываетъ желѣзную волю генерала Скобелева и совершенно ясно выражаетъ его военную систему, его боевую тактику. Тамъ, гдѣ ваша воля и ваше желаніе не исполняются по праву простого взаимнаго обмѣна обоюдныхъ обязательствъ—«исполните силою оружія», говоритъ Скобелевъ, и говоритъ съ полнымъ знаніемъ, что всякіе иные мѣры и результаты въ подобныхъ случаяхъ только усложнятъ, задержутъ всѣ ваши разсчеты, особенно тамъ, въ Ахалтеке, гдѣ на каждомъ шагу приходилось бороться съ восточнымъ окаменѣніемъ, дикою хитростію и уловками всякаго рода.

Мы выше сказали, что транспортъ верблюдовъ туркмены дали только до Дузулума, далѣе же они не сдѣлаютъ ни одного шага, еслибы даже пришлось погибнуть всѣмъ верблюдамъ и всѣмъ вожакамъ съ ними. Но всѣ транспорты и грузы наши должны быть доставлены непремѣнно въ Бами—иначе командующій войсками Скобелевъ прикажетъ уничтожить все и вся, а грузы все-таки дойдутъ до своего мѣста. На пути къ Дузулуму три верблюдовожатыхъ уже бросились съ обрыва въ десять саженъ въ рѣку Чандыръ, не желая далѣе идти, но были тутъ же пойманы конвойными солдатами. Это могло послужить безумнымъ сигналомъ и для другихъ вожаковъ, которые въ одну удобную минуту могли разомъ броситься въ разныя стороны—и никакой-бы конвой не удержалъ ихъ на мѣстѣ, а войска наши остались-бы безъ провіанта и провизіи.

Но вотъ транспортъ въ двѣ тысячи верблюдовъ расположился на площади Дузулума, вожаки-туркмены въ одно мгновеніе сѣли около верблюдовъ на корточки, засунувъ свои носы въ халаты и какъ-бы приросли и окаменѣли на мѣстѣ. Я иду впередъ,

говоритъ Арцишевскій, справляюсь у конвойныхъ о причинѣ, спрашиваю у каждаго—что случилось, солдаты отвѣчаютъ—«не магимъ знать», а вожаки-туркмены сидятъ молча, истуканами, опустивъ свои головы къ ногамъ верблюдовъ. Эту мертвую, но въ высшей степени трагическую картину слишкомъ трудно передать читателю, чтобъ хоть отчасти иллюзировать въ его представленіи тотъ ужасный, захватывающій всѣ ваши нервы кровавый моментъ. А кругомъ васъ только одна мертвая, оледенѣлая степь, кругомъ сыпучіе пески, необъятная сумрачность небосклона, кругомъ мертвенность, какой-то смрадъ какъ-бы теплой человѣческой крови. Караванъ мертво стоитъ на мѣстѣ, вездѣ безлюдно—только изрѣдка страшный бурливый ревъ верблюдовъ пронизываетъ васъ насквозь, добиваетъ ваши напряженные силы и нервы. Предлагаю туркменамъ двигаться впередъ, указываю на вооруженныхъ солдатъ и казаковъ — туркмены сидятъ недвижимо и показываютъ своими безсмысленными глазами на свои шеи, говоря—«что хоть рѣжь насъ, а мы дальше не пойдемъ.» Говорю имъ, что плеть заставитъ ихъ идти—они отвѣчаютъ—*іокъ*, махаютъ головами и говорятъ—«рѣжь насъ, а мы не пойдемъ.» Начинаю имъ говорить, что чрезъ ихъ упрямство и верблюды и они сидятъ голодные, туркмены отвѣчаютъ, что и мы, и наши верблюды здохнемъ вмѣстѣ, а впередъ не пойдемъ.» Положеніе было безвыходное. Въ это же время прибылъ въ Дузулумъ персидскій военный агентъ Зульфагаръ-ханъ; видя эту поразительную картину, онъ говоритъ мнѣ, что «пока вы не отрѣжете у нихъ нѣсколько носовъ и ушей, до тѣхъ поръ они, эти упрямыя животныя, не двинуться съ мѣста.» Но, думаю, какъ эта «персидская наука» ни хороша для данной минуты—за то же всѣ остальные туркмены потомъ въ одну минуту разбѣгутся и тогда мое положеніе сдѣлается еще ужаснѣе. Я прибѣгъ послѣ этого къ ласкамъ, просьбамъ

и уговорамъ, обѣщалъ въ Бами заплатить имъ гораздо больше противъ условія и увѣрилъ ихъ, что сзади идетъ караванъ прямо до Бами—и только тогда туркмены зашевелились на своихъ мѣстахъ, навалили на верблюдовъ тюки и двинулись въ путь. Эта минута была для меня новой жизнью послѣ долгой смерти. Кто близко зналъ Михаила Дмитріевича какъ распорядителя, какъ главнокомандующаго, тотъ долженъ былъ страшиться за подобныя минуты на войнѣ, тамъ, гдѣ вамъ даны всѣ средства и полномочія, и вы не съумѣли только на дѣлѣ исполнить, согласно данной минуты, тактичнѣе поступить... Такихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ Скобелевъ около себя не терпѣлъ, не переносилъ. Мое поразительное горе съ этими туркменами могло быть понятно всѣмъ тѣмъ, кто сознавалъ этотъ критическій моментъ, державшій на одномъ мѣстѣ продовольствіе цѣлаго отряда.

Потомъ, когда Скобелевъ окончилъ въ Чикишлярѣ всѣ работы и распоряженія, 4-го ноября онъ прибылъ въ Дузулумъ со всѣмъ своимъ штабомъ; затѣмъ сюда же прибылъ и генералъ Петрусевичъ, подходила кавалерія, работа закипѣла и здѣсь, всѣмъ стало ясно, что наши восьмимѣсячные труды видимо близки къ развязкѣ.

16-го ноября г. Арцишевскій былъ посланъ съ двумя сотнями его полка занять удобный пунктъ на рѣкѣ Чандырѣ, гдѣ-бы свободнѣе могла помѣститься кавалерія, которая, подъ личнымъ начальствомъ Скобелева, должна была двинуться по горнымъ тропамъ, чрезъ капетдахскій хребетъ, въ центръ оазиса къ *Келете*; 24-го числа Скобелевъ съ двумя эскадронами драгунъ, двумя орудіями и двумя сотнями полтавскаго казачьяго полка выступилъ вверхъ по рѣкѣ Чандыру; 28-го числа выступила колонна генерала Петрусевича и этого же числа генералъ Скобелевъ уже былъ въ 25-ти верстахъ отъ стѣнъ Геоктепе.

При этомъ движеніи случилось весьма характерное обстоятельство, которое могло имѣть неблагопріятныя послѣдствія. 27 ноября, перевалившись черезъ капетдахскій хребетъ и спуская орудія на вьюкахъ, Михаилъ Дмитріевичъ обогналъ всю колонну съ своимъ конвоемъ и приказалъ тутъ же, невдалекѣ, разбить маленькую свою палаточку, чтобъ написать распоряженія и отослать съ нарочными въ колонну охотниковъ и въ главную колонну Петрусевича. Но когда стали подходить сотни и эскадроны кавалеріи, отъ лазутчиковъ было получено свѣдѣніе, что текинцы застигнуты врасплохъ и угоняютъ въ горы свои стада барановъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Михаилъ Дмитріевичъ, не смотря на то, что стало уже смеркаться, приказалъ быстро двинуться впередъ всей кавалеріи и захватить стада текинцевъ. Спустя немного, когда вся кавалерія уже ускакала впередъ, настала сильная темнота и спустился такой мрачный и густой туманъ, за которымъ въ двухъ шагахъ нельзя было ничего видѣть — и ни Скобелевъ, ни кавалерія не могли отыскать одинъ другого. Михаилъ Дмитріевичъ былъ въ это время съ княземъ Эристовымъ—командиромъ полтавскаго казачьяго полка—и только съ тремя казаками, двумя проводниками и своимъ неизмѣннымъ человѣкомъ Петровымъ.

Между тѣмъ горы были наполнены текинцами. Михаилъ Дмитріевичъ, замѣтивъ свое небезопасное положеніе, увидалъ вблизи небольшую *кала* (круглая башня), сказалъ, что въ этой башнѣ онъ можетъ смѣло держаться противъ самой сильной партіи текинцевъ, и самымъ спокойнымъ и рѣшительнымъ тономъ приказалъ быть готовыми обоимъ проводникамъ, чтобъ отправиться по двумъ направленіямъ, между Нухуромъ и Дуруномъ, отыскивать команду охотниковъ и привести ихъ къ нему.

Скобелевъ написалъ записку Воропалову (начальникъ охотниковъ) о своемъ положеніи, и каждому изъ проводни-

ковъ далъ по запискѣ и отправилъ ихъ розыскивать охотниковъ. Одинъ изъ проводниковъ скоро наткнулся на бивуакъ охотниковъ, привелъ этихъ «горныхъ кавказскихъ волковъ» — такъ называли охотниковъ въ отрядѣ, и 28 ноября Михаилъ Дмитріевичъ прибылъ съ охотниками въ то время, когда шла перестрѣлка съ текинцами и казаки таманцы отбивали у непріятеля стадо барановъ, запертыхъ въ укрѣпленныхъ башняхъ.

Генералъ Петрусевичъ, получивъ записку Скобелева, ускорилъ свое движеніе впередъ, и 29 ноября отряды прибыли въ *Келете*, куда прибыла къ вечеру и первая колонна.

Михаилъ Дмитріевичъ всегда говорилъ и повторялъ это очень часто—«на войнѣ слишкомъ много случайностей, а потому ихъ надо предвидѣть. Только тогда будетъ дѣло дѣлаться.»

30 ноября, на разсвѣтѣ, былъ занятъ пунктъ *Егянъ-батыръ-кала* *), съ громадными башнями и колонами. Воды здѣсь было много, дрова и саманъ кавалерія захватила, на разсвѣтѣ, почти у самыхъ стѣнъ Геоктепе и отбила до 7000 барановъ, спустившихся съ горъ.

Перваго декабря, въ обѣдъ, генералъ Скобелевъ получилъ съ нарочнымъ экстренное донесеніе, что 25 ноября партія текинцевъ напала на транспортъ подрядчика Громова и отбила 3000 верблюдовъ, перебила прикрытіе и взяла въ плѣнъ вожаковъ.

Это грустное извѣстіе встревожило Скобелева ужасно— онъ разомъ сдѣлался суровъ, строго-молчаливъ, къ тому же въ это время у него была сильная лихорадка. Чтобъ

*) Егянъ-батыръ-кала въ 9 верстахъ отъ Геоктепе. Здѣсь 7 іюля 1880 года, во время рекогносцировки, былъ атакованъ генералъ Скобелевъ текинцами, но отбилъ непріятеля съ урономъ для нихъ. *Авт.*

хоть немного развлечь Михаила Дмитріевича, г. Арцишевскій посовѣтовалъ ему, поставить его юламейку (палатка) въ кибитку, гдѣ гораздо меньше будетъ и холода, и сырости. Онъ на этотъ разъ послушался. Въ большинствѣ случаевъ Михаилъ Дмитріевичъ дѣлалъ все на перекоръ. Бывало, ѣдемъ мы съ нимъ вдвоемъ, говоритъ Арцишевскій, впереди насъ виднѣется оврагъ или просто обрывъ, я и говорю ему: держите, Михаилъ Дмитріевичъ, лѣвѣе, тамъ не проѣдете, тамъ обрывъ... А онъ возьметъ да нарочно или прямо переѣдетъ этотъ оврагъ, или же просто перепрыгнетъ вмѣстѣ съ своею лошадью чуть не кубаремъ, а потомъ и говоритъ — «ненадо было меня пугать, я-бы и самъ объѣхалъ. Я ужасно не люблю большихъ заботъ обо мнѣ...» Какъ знаете, бывало, отвѣчу я,—это ваше дѣло... И Михаилъ Дмитріевичъ сію же минуту старается заговорить въ самомъ дружелюбномъ тонѣ. Потомъ, когда онъ нѣмного согрѣлся и ознобъ почти прошелъ, серіознымъ и озабоченнымъ тономъ сказалъ Арцишевскому, что онъ «за линію побаивается — какъ-бы текинцы не надѣлали тамъ глупостей...» И Михаилъ Дмитріевичъ предложилъ ему, чтобъ онъ приготовился съ кавалеріей двинуться въ тылъ, охвативъ всю линію отъ Егянъ-батыръ-кала до Кизилъ-арвата, что составляетъ почти 140 верстъ протяженія. Къ утру Скобелевъ пожелалъ, чтобъ Арцишевскій составилъ свои соображенія—какъ начальникъ всей этой линіи, а онъ вмѣстѣ съ этимъ заготовитъ необходимыя предписанія генералу Петрусевичу и Анненкову по тому же вопросу.

На другой день, въ девять часовъ утра, за завтракомъ, Михаилъ Дмитріевичъ сказалъ Арцишевскому — «поручаю вамъ всю линію; устройте всѣ опорные пункты — *Келете, Дурунъ, Арчманъ*. Всѣ слѣдуемые изъ Бами транспорты на полной вашей отвѣтственности.»

— Имѣя достаточное число войскъ, я вполнѣ увѣренъ, что вы съумѣете отстоять всякія нападенія текинцевъ—если-бы даже они атаковали васъ съ *шести сторонъ*... Я поблагодарилъ Михаила Дмитріевича за такое твердое, увѣренное убѣжденіе обо мнѣ, и хотѣлъ поскорѣе уходить, чтобъ приступить къ сборамъ.

— Позвольте, не спѣшите... произнесъ онъ,—я знаю, вы крайне заботливый человѣкъ, и управитесь все сдѣлать въ свое время... Въ этомъ я увѣренъ. Но передайте лично отъ меня генералу Петрусевичу и Анненкову, что я покорно прошу ихъ, ежели они позволятъ себѣ явиться сюда ранѣе того времени, пока не будетъ доставлено 60,000 пудовъ разнаго довольствія на двѣ недѣли, по разсчету на 8,000 человѣкъ, и обезпечить всѣ пункты на линіи на два мѣсяца — то я прикажу стрѣлять въ нихъ изъ орудій, а именно: въ Петрусевича—изъ митральезы, а въ Анненкова—изъ двухъ орудій Амстронга... Слышите!

— Слушаю, Михаилъ Дмитріевичъ, я передамъ...

— Да, да. Такъ и скажите. Точно также и вы раньше не можете вернуться, пока все не устроите—спокойнымъ и рѣшительнымъ голосомъ добавилъ онъ. Это мое послѣднее вамъ приказаніе. Я же останусь здѣсь съ шестью ротами, буду задерживать текинцевъ въ стѣнахъ Геоктепе, и, въ крайности, стану ѣсть конину, кормиться буду послѣднимъ сухаремъ—но не отступлю!

Я опять хотѣлъ было выходить, какъ Михаилъ Дмитріевичъ снова остановилъ меня.

— Позвольте, позвольте... подбѣгая ко мнѣ, предупредилъ онъ. Вамъ на линіи жизнь будетъ стоить очень дорого, а потому—прошу принять вотъ эти три тысячи рублей. Это не мои—царскіе, за вашу честную службу, чтобъ вы не нуждались. Примите—и дайте въ полученіи росписку поручику Ушакову.

— Я взялъ деньги, поблагодарилъ Михаила Дмитріевича за такую искреннюю заботливость и вышелъ.

2-го числа Арцишевскій отправился на линію, 5-го — устроилъ всѣ тракты, размѣстилъ кавалерію по всей линіи. Потомъ, 5-го же числа изъ Бами дали знать, что захваченные текинцами 3,000 верблюдовъ, казаками лабинскаго полка отбиты обратно, которые и слѣдуютъ уже съ грузомъ. Пользуясь такимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, генералъ Петрусевичъ сдѣлалъ примѣрный разсчетъ—и оказалось, что 18-го декабря прибудетъ въ Енгиръ-батыръ-кала послѣдняя колонна и груза будетъ доставлено не 60,000, какъ требовалъ Скобелевъ, а 75,000 пудовъ.

8-го декабря Арцишевскій объѣхалъ всю линію, по которой двигались войска и транспорты; потомъ опорные пункты — Арчманъ, Дурунъ и Келете—были кругомъ обрыты валами, укрѣплены и вооружены, съ полнымъ запасомъ довольствія и боевыхъ снарядовъ; 9-го онъ явился къ Скобелеву съ докладомъ — и когда тотъ выслушалъ его подробный докладъ и разсчетъ всего сдѣланнаго Петрусевичемъ, обнялъ Арцишевскаго, и затѣмъ, отойдя въ сторону, запѣлъ—«моя звѣзда не угасаетъ...» По прибытіи въ Егянъ-батыръ-кала я положительно не узналъ всей мѣстности — продолжаетъ Арцишевскій. Скобелевъ въ семь дней построилъ редуты, батареи, всю эту площадь цѣликомъ обратилъ въ такой укрѣпленный лагерь, что при атакѣ, пожалуй, потребовалась-бы совершенно правильная система взятія этихъ редутовъ и батарей. Потомъ я увидѣлъ, что въ дальней башнѣ выломана вся стѣна; спрашиваю Михаила Дмитріевича — зачѣмъ это сдѣлано, а онъ говоритъ—«я тоже даромъ здѣсь не сидѣлъ: строилъ укрѣпленія, дѣлалъ рекогносцировки и пріучалъ солдатъ дѣлать динамитомъ проломы и взрывы, показывалъ какъ идти потомъ на штурмъ бреши, какъ они должны подсажи-

вать другъ друга на стѣну и какъ взлѣзать по лѣстницамъ. И сводный закаспійскій баталіонъ до того былъ имъ подученъ и подготовленъ въ это время къ штурму и атакѣ, что съ нимъ можно было смѣло идти на приступъ болѣе лучшей и сильной крѣпости, чѣмъ Геоктепе.

18-го декабря прибыла въ Енгиръ-батыръ-кала послѣдняя колонна, 19-го пришла вся кавалерія — и 20-го числа всѣ войска двинулись къ Геоктепе.

Геоктепе было потомъ взято штурмомъ 12-го января 1881 года—ровно черезъ двадцать три дня *), а 16-го января того-же года вотъ что доносилъ Скобелевъ главнокомандующему кавказскою арміею:

«Великому князю главнокомандующему.

Въ дополненіе къ моей пространной телеграммѣ о подробностяхъ штурма, беру смѣлость почтительно еще разъ поименовать генералъ-маіора Гродекова, полковниковъ Корякова и Куропаткина и подполковника Рудковскаго. Имъ преимущественно мы, послѣ милости божіей и доблести войскъ, обязаны столь полною побѣдою. Въ начальникѣ штаба я сначала экспедиціи во всемъ находилъ добросовѣстнаго, знающаго совѣтника и столько же неутомимаго, сколько неустрашимаго исполнителя. По долгу совѣсти, почтительно доношу вашему императорскому высочеству о многосторонней, столь доблестной и полезной службѣ генералъ-маіора Гродекова.

Генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

*) При этомъ штурмѣ убито текинцевъ до двадцати тысячъ, нашихъ же войскъ всего было 7500 штыковъ.

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛІОТЕКА
М. А. [illegible]
Шебекино, Курской г.
Шкафъ
Отдѣлъ 2
№ по каталогу 303

IX.

Вѣсть о смерти матери Скобелева.

Ночь съ восьмого на девятое іюля 1880 года, въ укрѣпленіи Бами была тиха, была полна мирной, безкровной жизни и минуты. Наши богатыри-покорители давно не спали такъ крѣпко, такъ безпечно и самоувѣренно, какъ спали теперь, въ эту чудную ночь, тихую и безмолвную, какъ-бы примирявшую напряженныя страсти и желанія двухъ близкихъ непріятелей. Внутри укрѣпленія, разбитыя вдоль земляныхъ валовъ палатки нашихъ ротъ и баталіоновъ, длинными полосами бѣлѣли на сѣромъ фонѣ сумрачнаго неба, душнаго и жаркаго, дышавшаго еще дневнымъ знойнымъ пыломъ и духотою; съ другой стороны того-же земляного вала причудливыми темными точками мелькали туркменскія кибитки и юламейки, поставленныя нашими солдатами въ какомъ-то прихотливомъ безпорядкѣ. Кругомъ всего этого, кругомъ всего Бами, неоглядной мертвой рябью растилалась во всѣ стороны далекая, просторная сыпучая степь, среди которой на цѣлыя десятки верстъ вы не видите дыханія жизни ни въ чемъ, не находите дорогой капли воды, не встрѣчаете живой былинки зелени. Вѣчно мертвая эта гладь, сплошь залитая буранами песчаныхъ вьюгъ и урагановъ, врѣзывается въ ваши нервы невыразимо тяжкимъ объектомъ, становится подчасъ безотчет-

нымъ вашимъ врагомъ, такъ вотъ и кажется, что эта самая чудовищная мертвая пасть безпредѣльныхъ песковъ и голышей выжидаетъ только удобной, болѣе мучительной для васъ минуты, чтобъ потомъ разомъ поглотить всѣ ваши скорби и восторги, чтобъ однимъ мановеніемъ своихъ дикихъ, могучихъ, но уродливыхъ стихій показать все живое и мертвое ничтожество человѣка, показать ваше тлѣнное безсиліе среди этихъ пустырей, вашъ прахъ, вашу, наконецъ, смерть. Только. Но эта ночь—какъ канунъ рокового горя и ужаса—была полна той высокой, чарующей прелести, того беззавѣтнаго покоя и довольства, какими иногда бываетъ объятъ сильный побѣдитель среди величаваго стана своихъ не покорныхъ враговъ, сознавшихъ, наконецъ, свое безумное упорство, ясно увидѣвшихъ свой безсильный, свой грубый, свой дикій протестъ.

Такъ было и теперь. Темное небо этой роковой ночи, усыпанное изсиня-дымчатыми покровами, глядѣло привѣтливо и тихо на станъ русскаго войска, давно не спавшаго такимъ богатырскимъ сномъ. Было уже за полночь. Въ центрѣ кипучей бивуачной жизни, на самой окраинѣ Бами, словно чудомъ божіимъ росъ и зеленѣлъ тогда маленькій садикъ, съ дивомъ глядѣвшій на все близкое и далекое—мертвое и пустынное. Зеленая куща рѣдкихъ деревъ садика покрывала, на этотъ разъ, своими молодыми вѣтвями маленькую палатку Михаила Дмитріевича Скобелева, полюбившаго этотъ уголокъ, какъ лучшаго друга своихъ трудовъ, своего отдыха и покоя. Тутъ же, рядомъ съ нимъ, стояла палатка Николая Ивановича Гродекова—бывшаго его начальника штаба, а съ боку этого жилья, въ нѣсколькихъ шагахъ, цвѣлъ и зеленѣлъ русскій огородъ, на немъ рдѣлись правильно и заботливо окопанныя высокія грядки, на которыхъ росъ сочный и вкусный лукъ, горькая-прегорькая рѣдиска, отличные бураки и карто-

фель. Михаилъ Дмитріевичъ страстно любилъ хозяйство—онъ даже самъ работалъ въ свободныя минуты надъ этими грядками, самъ указывалъ своему неизмѣнному камердинеру Петрову—гдѣ что надо посадить, какъ поливать, въ какое время дня. Михаилъ Дмитріевичъ всегда возилъ съ собою даже своихъ собственныхъ курей и пѣтуховъ—это было его большое удовольствіе, и, отчасти, знакъ русскаго народнаго повѣрья—«гдѣ есть куры и пѣтухъ, тамъ есть первые, лучшіе задатки хорошаго хозяйства и прочной жизни.» Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ Михаилъ Дмитріевичъ, когда заходилъ разговоръ о его куряхъ съ пѣтухами. Куры самымъ усерднымъ образомъ несли яйца, камердинеръ Петровъ и метръ д'отель Лей всегда знали, гдѣ какая курица несется, и часто даже докладывали Михаилу Дмитріевичу—сколько вчера и сегодня было собрано яицъ. Когда укрѣпленіе Бами было занято, Михаилъ Дмитріевичъ приказалъ отслужить молебенъ, потомъ водрузилъ нашъ національный флагъ на земляномъ валу, затѣмъ былъ общій обѣдъ, на которомъ Скобелевъ, между прочимъ, сказалъ, что «Бами вторая наша родина—тутъ мы должны теперь-же основать свое полное хозяйство, чтобъ текинцы видѣли, что когда русскіе куда приходятъ—больше оттуда не уходятъ никогда.»

И дѣйствительно—спустя нѣсколько недѣль послѣ занятія Бами, вся прилегающая къ укрѣпленію мѣстность была изрыта солдатами подъ свои ротные и баталіонные огороды—капуста, картофель, бураки, всевозможная зелень и огурцы словно бирюзовымъ багетомъ охватывали земляной валъ Бами, казавшійся издали изумруднымъ кольцомъ русской жизни, труда и работы. Выдвинувшаяся изъ-за тучекъ свѣтлолицая луна ярко озаряла всю эту площадь Бами съ окрестностями, въ палаткѣ Скобелева былъ видѣнъ еще огонь, а чрезъ нѣсколько секундъ послышался и его звонкій, фальцетный голосъ.

— Петговъ! крикнулъ Скобелевъ изъ палатки. Узнай— легъ-ли спать Николай Ивановичъ (Гродековъ).

— Слушаю, ваше превосходительство, отвѣчаетъ Петровъ, и бѣжитъ въ палатку Гродекова.

Слово Петровъ Михаилъ Дмитріевичъ произносилъ, картавя на букву р., почему и выходило не Петровъ, а Петговъ.

— Легли спать — ваше превосходительство, докладываетъ Петровъ.

— Хорошо, ложись и ты, меня не жди.

— Слушаю.

Но полковникъ Гродековъ въ эту ночь легъ спать нѣсколько ранѣе обыкновеннаго — какъ-бы съ цѣлью; онъ имѣлъ весьма крупныя причины—не видѣть Михаила Дмитріевича до слѣдующаго утра. Самъ Гродековъ легъ въ постель въ эту ночь потрясенный и разбитый душевно въ самой ужасной степени, а потому онъ и рѣшилъ—не показываться на глаза Скобелеву, чтобъ не быть открытымъ ранѣе времени.

Почта въ Бами ежедневно получалась въ девять, а иногда и въ десять часовъ ночи. Николай Ивановичъ Гродековъ—какъ начальникъ штаба—вскрывалъ всѣ конверты, прочитывалъ бумаги и затѣмъ тутъ-же или на другое утро докладывалъ Скобелеву. Также и въ эту ночь—почта была получена около десяти часовъ, дежурный писарь передалъ Гродекову большую пачку конвертовъ, который быстро ушелъ въ свою палатку и приступилъ къ вскрытію пакетовъ. Скобелевъ въ это время сидѣлъ въ своей палаткѣ и что-то читалъ. Нервный и энергичный полковникъ Гродековъ вскрылъ одинъ конвертъ, вскрылъ другой, третій, за нимъ лежитъ въ своемъ порядкѣ какая-то телеграмма; онъ вскрываетъ и ее. Читаетъ разъ, читаетъ два, читаетъ три—и его доброе, умное, симпатичное лицо съ каждымъ разомъ мѣняетъ цвѣта красокъ, то

онъ блѣднѣетъ, какъ мертвецъ, то жизненный огонь сжигаетъ его щеки, то огневые, искристые лучи сыпятся изъ его глазъ, покрытыхъ на рѣсницахъ крупными, дрожащими слезами. «Боже мой! Что же это такое»! въ мучительномъ экстазѣ и смятеніи произноситъ, наконецъ, громко Гродековъ—и падаетъ обезсиленный на свою кровать въ слезахъ, мукахъ и горѣ, за горе, скорбь, ужасъ и страшное несчастіе своего ближняго, своего близкаго, своего товарища и соратника.

Въ палатку Гродекова никто не входилъ—и онъ долго лежалъ въ мучительномъ забытьи на кровати, охваченный болями думъ и ужаса, принесенныхъ этой смертной телеграммой. Телеграмма была на имя Скобелева, изъ главнаго штаба, за подписью генерала Мещеринова, въ которой сообщалось, что турки въ Филиппополѣ варварски убили старушку мать Михаила Дмитріевича; въ концѣ телеграммы выражались искреннія чувства горя и соболѣзнованія такому несчастію. Вѣсть была неожиданная, поражающая, этотъ смертельный откликъ до того былъ дикъ, демониченъ и ужасенъ, что Гродековъ вскочилъ потомъ съ постели, быстро закрылъ свою палатку, въ одну кучу собралъ со стола бумаги, и рѣшилъ доложить объ этомъ Михаилу Дмитріевичу только завтра утромъ. Всю эту, сначала чудную ночь, Н. И. Гродековъ провелъ въ какомъ-то бреду и агоніи, не дававшихъ ему заснуть крѣпко ни одной минуты. Ему чудилось и представлялось, что такая ужасная вѣсть можетъ отразиться и на самой экспедиціи, начатой такъ успѣшно и разумно; стояло передъ нимъ и другое поразительное видѣніе—какъ-бы Михаилъ Дмитріевичъ не заболѣлъ серіозно и самъ, такъ какъ его безконечная любовь и преданность матери до того были сильны и всѣмъ извѣстны, что онъ часто говорилъ, что лучшія, святыя его чувства, желанія и надежды въ жизни—это жизнь, любовь [illegible] старушки матери. Онъ ею жилъ,

онъ ее любилъ и чтилъ, какъ одного своего друга въ жизни. И вдругъ сказать ему—что этого друга не стало, что онъ убитъ его врагами, его злодѣями?..

«Ужасно, ужасно, ужасно»! повторялъ тысячу разъ Николай Ивановичъ Гродековъ, слыша, въ тоже время, какъ Скобелевъ справляется о немъ—легъ-ли онъ спать. На другое утро Гродековъ всталъ чуть-свѣтъ, на-скоро выпилъ стаканъ чая, отыскалъ между бумагами страшную телеграмму, повторяя въ умѣ—«нѣтъ, это неправда, это невѣроятно, это не можетъ быть!» Онъ раскрылъ телеграмму еще, въ сотый разъ, и она говорила все тоже самое, говорила тоже, что вчера, говоритъ тоже и сегодня.

«Нѣтъ, я не могу, не могу!.. У меня леденѣетъ языкъ, я чувствую какъ ужасно, какъ мучительно стынутъ мои жилы, какъ только я подумаю о томъ, чтобъ доложить Михаилу Дмитріевичу. Что я буду дѣлать—какъ сказать ему объ этомъ?» Глубоко и горестно поникшій въ эту тяжкую думу, онъ недвижимо стоялъ передъ своимъ письменнымъ столомъ, не находя ни исхода въ несчастіи, ни облегченія въ своихъ душевныхъ болѣхъ и скорбяхъ.

Въ палатку вошелъ метръ д'отель Лей, подалъ еще стаканъ чая, и какъ-то странно посмотрѣлъ на полковника Гродекова.

— Я больше не буду пить... произнесъ полковникъ Гродековъ, и вышелъ изъ палатки на огородъ.

Было уже около восьми часовъ утра. Раннее, полутомное свѣтлое солнце играло милліонами разныхъ огней въ прозрачныхъ капляхъ свѣжей утренней росы, дрожавшей на молодой листвѣ свекольника; кругомъ надъ полями поднимался вверхъ тонкимъ слоемъ нѣжный туманъ, казавшійся вдали живымъ маревомъ. Николай Ивановичъ Гродековъ ходилъ въ огородѣ между грядками—какъ-бы присматривался

къ огородной зелени. Издали несся говоръ солдатъ, стучали колеса, бряцали удилà и вскрикивали верблюды.

— Петровъ! послышался изъ палатки голосъ Михаила Дмитріевича.

— Сію минуту, ваше превосходительство, отвѣчаетъ набѣгу проворный Петровъ, и летитъ къ своему генералу.

Николай Ивановичъ невольно вздрогнулъ, услышавъ голосъ Скобелева. Вотъ, подумалъ Гродековъ, еще нѣсколько минутъ—и я долженъ буду сказать ему эту ужасную вѣсть...

— Петровъ! веселый и довольный яснымъ утромъ, зоветъ, между тѣмъ, Михаилъ Дмитріевичъ своего любимца, который каждую ночь заботливо прислушивается къ его ровному, здоровому дыханію своего генерала, когда онъ спитъ богатыремъ послѣ ста-верстнаго моціона верхомъ. Ванна готова?

— Готова, ваше превосходительство, пожалуйте.

Михаилъ Дмитріевичъ, прямо съ постели, перебѣгаетъ закрытымъ ходомъ въ другую смежную палатку, и привычно бросается въ большой, вырытый въ землѣ бассейнъ, наполненный свѣжею утреннею водою. Гродековъ стоитъ у той самой грядки, которую окапывалъ когда-то самъ Скобелевъ, слышитъ его сильные, пріятные всплески и восклицанія, и думаетъ—«вотъ какъ нежданно-негаданно слагается наше счастіе и несчастіе, какъ вдругъ совершается дурное и хорошее... а черезъ часъ, этотъ же самый Михаилъ Дмитріевичъ, радостный и веселый въ эту минуту, будетъ, станетъ... Нѣтъ, нѣтъ! Лучше не думать объ этомъ...» и онъ пошелъ въ свою палатку.

Ровно черезъ три четверти часа полковникъ Гродековъ вошелъ въ палатку Михаила Дмитріевича.

— Здравствуйте, Николай Ивановичъ, протягивая руку, заговорилъ Скобелевъ. Садитесь. Что новаго? Все-ли у васъ благополучно?

— Новостей особенныхъ нѣтъ—кажется, все благополучно...

— Почту вчерашнюю пересмотрѣли?

— Да...

— Ну, что наши склады въ Чикишлярѣ—живы? Я ужасно боюсь за нихъ! Тамъ такъ много всего навалено, что, не дай богъ, вспыхни пожаръ—и мы останемся безъ всего.

— Склады благополучны...

— А съ линіи особыхъ извѣстій нѣтъ?

— Нѣтъ. Повидимому, тихо и тамъ.

— Что вы, какъ-будто, Николай Ивановичъ, сегодня нездоровы?

— Я... я... немножко дурно ночь провелъ... у меня, кажется, лихорадка... Гродековъ всталъ со стула, прошелся по палаткѣ, и больнымъ, дрожащимъ голосомъ заговорилъ.

— А что, Михаилъ Дмитріевичъ, если-бы, если-бы вы услышали какое-нибудь непріятное извѣстіе, несчастіе... и голосъ Гродекова оборвался.

Михаилъ Дмитріевичъ поднялъ голову, откинулся слегка назадъ, и проницательный взоръ его впился въ Гродекова.

— Несчастіе? переспросилъ Скобелевъ. Какое-же можетъ быть у меня лично несчастіе?

— У васъ или у вашихъ близкихъ родныхъ...

Самое ужасное для меня несчастіе въ эту минуту можетъ быть то, если вдругъ наши склады сгорятъ въ Чикишлярѣ. Большаго несчастія для меня теперь не можетъ быть.

— Ну, а если-бы случилось совсѣмъ другое... если-бы ваши родные... Гродековъ отвернулся въ сторону, чтобъ скрыть душившее его волненіе и горе.

— Что-же родные? Сестры мои, слава богу, живутъ хорошо, богаты, матушка поѣхала въ Болгарію—я ей, впрочемъ, послалъ на-дняхъ телеграмму, чтобъ она вернулась.

Чего она тамъ лазаетъ по парламентамъ—только больше раздражаетъ моихъ враговъ, когда ей въ парламентѣ кричатъ ура—какъ матери извѣстнаго русскаго генерала *).

Да... Но... но...

Да что за вздоръ! вскочивъ съ мѣста, воскликнулъ Скобелевъ. Что случилось?

Съ вашей... матушкой... случилось несчастіе... и крупныя капли холоднаго пота выступили на побѣлѣвшемъ лицѣ Гродекова.

Скобелевъ остановился на одномъ мѣстѣ.

— Съ моей матерью—случилось несчастіе?! Какое несчастіе, гдѣ?

— Въ Болгаріи, вблизи Филиппополя...

— Что же съ нею сдѣлали—ограбили, обокрали?

— Нѣтъ... ее... ее... убили турки...

Скобелевъ шагнулъ къ столу и судорожно схватился за стулъ.

— Турки убили мою старуху мать?! Что вы говорите! Откуда вы знаете?

— Изъ главнаго штаба получена вчера телеграмма.

Скобелевъ опустился на стулъ, мертвая блѣдность покрыла его лицо и судорожная дрожь затрясла все его тѣло. Онъ разомъ сдѣлался страшенъ и ужасенъ.

— Турки убили мою старушку мать! Да это не можетъ быть? Дайте мнѣ телеграмму.

Гродековъ вышелъ въ свою палатку за телеграммой—и когда вернулся въ ту же минуту къ Михаилу Дмитріевичу то засталъ его лежащимъ головой на столѣ, въ потокахъ

---

*) Когда мать Михаила Дмитріевича явилась въ Филиппополѣ въ парламентъ, то все народное собраніе долго кричало ей ура—какъ матери русскаго [illegible] героя.

слезъ, рыданій, мукъ и конвульсій самыхъ ужасныхъ, терзающихъ и мучительныхъ. Гродековъ подалъ телеграмму— Михаилъ Дмитріевичъ, весь въ слезахъ, рыдая, прочиталъ телеграмму и вмѣстѣ съ нею снова упалъ на столъ, обливаясь горемъ, воплями и рыданіями. Николай Ивановичъ, стоя передъ нимъ, то же плакалъ, потрясающая картина была такъ ужасна, такъ сильна и велика, что трудно было всякому чужому человѣку не поразиться тѣмъ ужасомъ и терзаніемъ, какіе переживалъ въ эту минуту любящій сынъ, убиваясь по убитой своей матери.

— Ужасно, ужасно! рыдая, повторялъ Михаилъ Дмитріевичъ. Турки, турки, мои враги, убили мою любимую мать! и вопли плача и страданій потрясающими аккордами вылетали изъ его палатки. О, если такъ! Это они мнѣ мстятъ за то, что я около Чарпана сжегъ ихъ селенія и отбилъ ихъ транспортъ! грозно вдругъ воскликнулъ онъ, поднявшись отъ стола,—если такъ! Тогда и я же заплачу имъ тѣмъ же ужасомъ, тѣмъ же горемъ, какое они нанесли мнѣ. Это все мои враги, мои злодѣи! Я изъ вашей крови, варвары, убійцы, разолью моря по трупамъ вашихъ дѣтей и отцовъ! Подниму на ноги всѣ балканы, перерѣжу вашихъ женъ, огнемъ покрою ваши дома и поля! Ха-ха-ха! Слыханное-ли дѣло? Шестидесятилѣтнюю старушку убивать—какъ месть сыну! Нѣтъ, на землѣ нѣтъ Бога, на землѣ нѣтъ человѣка! Это все изверги, звѣри, злодѣи! И Михаилъ Дмитріевичъ опять поникъ головою на столъ въ нѣмомъ плачѣ и рыданіи. Полковникъ Гродековъ взялъ его за руки и сталъ утѣшать, сталъ просить—примириться съ постигшимъ несчастіемъ.

— Я вижу, Николай Ивановичъ, какъ сильно и вы поражены моимъ ужаснымъ горемъ, вижу, и тысячу разъ вѣрю вашей искренности. Но дайте мнѣ хоть въ волю наплакаться— иначе я съ ума сойду. Эти изверги, эти злодѣи украли у

меня послѣдняго моего друга на землѣ. Теперь мнѣ не съ кѣмъ жить! И онъ залился опять слезами.

Гродековъ на минуту вышелъ въ свою палатку и тотчасъ-же вернулся къ Михаилу Дмитріевичу. У палатки Скобелева онъ встрѣтилъ двухъ офицеровъ, ожидавшихъ какихъ-то личныхъ приказаній отъ Скобелева. Попросивъ ихъ придти черезъ часъ, Гродековъ вошелъ къ Скобелеву.

— Вотъ какіе мы вышли побѣдители! стоя среди палатки, произнесъ Скобелевъ.

Онъ былъ мертвенно блѣденъ, его глаза и лицо опухли отъ слезъ, самъ онъ казался какъ-будто сгорбленнымъ и осунулся.

— Насколько можно было—мы всетаки побѣдили... отвѣтилъ Гродековъ, понявъ о какой побѣдѣ говоритъ Скобелевъ.

— Побѣдили, истинно побѣдили! Турки теперь рѣжутъ нашихъ женъ и матерей—а мы всетаки побѣдили! Пусть будутъ прокляты всѣ тѣ, кто на берлинскомъ конгрессѣ такъ безчестно оскорбилъ, такъ недостойно унизилъ всю Россію! Я этого никогда не забуду—и никогда не прощу хищнымъ нѣмцамъ... Вотъ плоды ихъ варварскихъ рукъ — любуйтесь дѣти и отцы русскаго народа!..

Скобелевъ долго потомъ мотивировалъ въ этомъ же смыслѣ и свое несчастіе, и громадное политическое значеніе берлинскаго конгресса для Россіи.

Черезъ часъ былъ приглашенъ въ палатку Михаила Дмитріевича священникъ и отслужена панихида по усопшей матери Скобелева.

На другой день была прислана телеграмма на имя Скобелева отъ государя императора, масса потомъ получена телеграммъ отъ разныхъ высочайшихъ особъ и представителей административныхъ учрежденій, очень много частныхъ лицъ поспѣшили выразить Михаилу Дмитріевичу свое большое скорбное чувство и горе въ его великомъ несчастіи.

И это великое горе свершилось на глазахъ всѣхъ, свершилось такъ вдругъ, такъ неожиданно—но Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, какъ горько и ужасно ни обливался пламенными слезами среди текинскихъ песковъ и урагановъ, но ни на одну іоту не отступилъ отъ своей боевой системы въ Ахалтеке, ни на одинъ шагъ онъ своимъ горемъ не замедлилъ, не задержалъ хода военныхъ операцій въ этомъ краѣ. А кажется—горе большое постигло его могучую душу и сердце...

Такъ онъ умѣлъ честно, благородно служить и своему царю, и своему народу!.. *).

*) Впослѣдствіи оказалось, что мать Михаила Дмитріевича была убита поручикомъ Узатисомъ, тѣмъ самымъ Узатисомъ, котораго Скобелевъ, командуя корпусомъ на Дунаѣ въ прошлую войну съ Турціей, всѣмъ облагодѣтельствовалъ и наградилъ—принялъ его изъ отставки къ себѣ на службу, далъ георгіевскій крестъ, помогалъ ему своими деньгами какъ родному, какъ самому близкому человѣку. И этотъ любимецъ превратился потомъ въ такого ужаснаго злодѣя для Скобелева.

X.

Выводы и рѣчь Скобелева.

Теперь мы изложили почти всѣ выдающіеся факты, событія и распоряженія Михаила Дмитріевича Скобелева во время его дѣятельности въ Ахалтеке какъ командующаго войсками, какъ военнаго тактика въ широкомъ смыслѣ. Онъ былъ, дѣйствительно, созданъ для войны—время боевой жизни, время войны, походовъ и движеній было самыми лучшими, самыми жизненными и производительными минутами его энергичнаго, сангвиническаго характера и такта на каждомъ мѣстѣ, во всякомъ дѣлѣ. Въ промежуткахъ бездѣйствія, когда не было работы, труда и занятій его мысли, его знанію, его волѣ и рыцарской смѣлости, онъ болѣлъ, онъ чахъ, дѣлался скученъ, угрюмъ, какъ будто все чего-то искалъ, въ чемъ-то нуждался, окруженный со всѣхъ сторонъ книгами, планами, чертежами, моделями, картами и рисунками, какъ будто нылъ и таялъ подъ давленіемъ повседневной пустоты и апатіи современнаго общественнаго строя. Ему постоянно нужны были дѣло и работа, напряженіе мысли и энергіи—тогда онъ чувствовалъ себя здоровымъ, веселымъ, готовымъ на самыя смѣлыя и возвышенныя предпріятія.

Натура Скобелева — въ высшей степени загадочная единица, которую разлагать физіологически не такъ-то легко и

просто, какъ многіе могутъ представить; въ немъ такъ много было самыхъ противоположныхъ контрастовъ, такъ много самыхъ изящныхъ, художественно-поэтическихъ сочетаній, смѣлыхъ, рѣшительныхъ, безбоязненныхъ пріемовъ, подвиговъ и поступковъ, что почти каждую минуту приходилось задумываться надъ тѣмъ, что онъ создавалъ, что онъ дѣлалъ, какъ шелъ къ своей цѣли, какъ магически умѣлъ руководить всѣми другими—кто только его зналъ, видѣлъ, или же кто ему подчинялся.

Натура сильная и могучая, безпредѣльно храбрая и рѣшительная въ извѣстные моменты—Скобелевъ былъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ «идеальныхъ» типовъ чисто русской крови, которые дали русской землѣ теперешнюю мощь и силу политическаго и экономическаго ея разростанія. Петръ Великій, Ермакъ покоритель Сибири, Мининъ и Пожарскій—это все, если хотите, тѣ же наши Скобелевы, тѣ же тождественные типы, тѣ же наши народные герои и дѣятели, которые исторически стали выше своихъ современниковъ потому, что органически были созданы сильнѣе, могучѣе, идеальнѣе своихъ сверстниковъ. Физіологія этихъ замѣчательныхъ людей, несомнѣнно, гораздо больше имѣетъ тѣхъ жизненныхъ функцій, того умственнаго экстракта, который выдѣляетъ человѣка изъ среды другихъ, какъ только настаютъ роковыя минуты историческаго роста и затрудненія въ цѣлой странѣ, или же въ отдѣльномъ народѣ. Эти Скобелевы, эти Наполеоны, эти Петры Великіе—все были богатыри роковыхъ культурныхъ минутъ мірового роста и развитія народовъ нашей эпохи; ихъ создавала и создаетъ сама исторія для исторіи, ихъ воспитываетъ свое же время, чтобъ формировать, поднимать строй, вкусы и знаніе народовъ, чтобъ охватывать современный прогрессъ силой новаго прогресса, мыслію новаго ученія философскихъ истинъ, фактами новаго открытія естественныхъ

законовъ міросданія. Не умри Скобелевъ такъ рано — онъ далъ-бы, вѣроятно, намъ такую сумму своихъ полезныхъ дѣяній, которыя всецѣло принадлежали-бы своему народу, своей исторіи; онъ еще и еще показалъ-бы намъ, что истинная, историческая жизненность русской народности таится именно въ нихъ, Скобелевыхъ, въ ихъ могучемъ, обаятельномъ духѣ и умѣ. Только они—эти Скобелевы, Минины и Пожарскіе—могутъ являться въ бѣдственныя минуты отечества спасителями передъ народомъ, могутъ становиться оплотомъ всѣхъ надеждъ цѣлой страны, только они способны понимать и угадывать органически близость опасныхъ минутъ въ жизни, политикѣ и войнѣ, близость моментовъ экономическихъ кризисовъ цѣлаго народа. Только. Намъ «рамки» печатнаго слова данной минуты не позволяютъ сказать здѣсь то прямое, то откровенное слово Скобелева—какъ онъ смотрѣлъ, какъ понималъ и видѣлъ все внутри и извнѣ, какъ онъ діагностировалъ всѣ наши настоящія боли, нужды и страданія... Онъ, совершенно вѣрно, былъ созданъ для борьбы мирной и военной, чтобъ реставрировать на каждомъ шагу все ветхое, потерявшее токъ современной жизни среди ежеминутной потребности новыхъ знаній, новыхъ культурныхъ системъ. Но—пусть историкъ нашего времени шире и полнѣй доскажетъ то серіозное значеніе Скобелева—какъ народнаго дѣятеля, какъ полководца, чего мы теперь не можемъ сказать... Мы только знаемъ и видимъ, что въ Скобелевѣ, въ одно и то-же время, жилъ человѣкъ—замѣчательный какъ полководецъ, кровью и желѣзомъ побѣждающій непріятеля, жилъ высокій гуманистъ-миротворецъ, спѣшащій залечить тяжкія раны своихъ вчерашнихъ враговъ!

Вотъ, между прочимъ, что пишетъ Михаилъ Дмитріевичъ ровно черезъ десять дней послѣ взятія нами Геоктепе.

«Начальнику войскъ, расположенныхъ въ Геоктепе, полковнику Арцишевскому.

Предлагаю вамъ отпустить изъ Геоктепе семейства, которыя изберутъ препровождаемые мною старшины—Абасъ-кули-сердарь и другіе, по прилагаемому списку, изъ селенія Бизмеина, куда имъ разрѣшено возвратиться.

Прошу васъ, по возможности, обезпечить оставшіяся еще въ нашей власти семейства, не допуская никакихъ обидъ.

Разрѣшаю, въ случаѣ надобности, расходовать на нихъ изъ магазина часть собраннаго нами запаса въ Геоктепе.

Считаю полезнымъ, для умиротворенія края, пока еще задержать плѣнныя семейства въ Геоктепе, но непремѣнно, *чтобы участь ихъ была-бы*, по возможности, обезпечена, и чтобы на нихъ расходовать соотвѣтственное, хотя и не роскошное, количество у нихъ же отбитаго довольствія.

Признаю необходимымъ, кромѣ того, оказывать имъ медицинскую помощь, по возможности, въ широкихъ размѣрахъ, для чего вы должны войдти въ соглашеніе съ отряднымъ врачемъ, докторомъ Гейфельдеромъ.

Объявите по войскамъ, что ко мнѣ стали приходить почетныя лица съ изъявленіемъ покорности государю, а потому всѣмъ начальникамъ не только самимъ обращаться ласково, но внушать и подчиненнымъ. Помните, что въ Азіи самые вліятельные люди часто ходятъ въ рваныхъ халатахъ. При изъявленіи покорности—таковой у нихъ вѣковой обычай.

Подтвердите это войскамъ, дабы неумѣстною грубостію кого-либо не обидѣть.

Генералъ-адъютантъ Скобелевъ.»

22-го января, 1881 года.
Асхабадъ.

Изъ этого весьма легко понять, что генералъ Скобелевъ, какъ умѣлъ смѣло, внезапно и рѣшительно побѣждать непріятеля, такъ умѣлъ быстро помогать, внимательно заботиться и покровительствовать своимъ недавнимъ врагамъ. И эта черта въ немъ высокаго гуманизма и искренняго участія — черта чисто русской мощи, русскаго добраго сердца, русской незлобивости.

Михаилу Дмитріевичу пришлось пережить въ Ахалтеке чрезъ мѣру много тягостныхъ, тревожныхъ минутъ, пришлось отъ боченка для воды до верблюжьихъ шлей и сѣделъ заводить самому на мѣстѣ, заводить тогда, когда текинцы со всѣхъ сторонъ дѣлали набѣги, старались пользоваться нашею оплошностію на каждомъ шагу. Но Скобелевъ, какъ сильный духомъ и мыслію, все выдержалъ, все поборолъ, все побѣдилъ—и никто на его благородномъ челѣ никогда не видѣлъ больныхъ сомнѣній въ побѣдѣ, никто не замѣчалъ нравственныхъ потрясеній, но лишь всегда и всѣ почерпали въ немъ одномъ свою вѣру въ успѣхъ, свои надежды на скорый, побѣдоносный исходъ въ ахалтекинской экспедиціи.

Мы еще разъ позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателя на то главное обстоятельство борьбы Скобелева съ текинцами, которое, по истинѣ, должно быть какъ-бы сказочнымъ сравненіемъ. Скобелевъ, имѣя въ своемъ распоряженіи *только до восьми тысячъ войска,* въ знойной пустынѣ песковъ, жары, безводья и безкормицы, идетъ самымъ быстрымъ и рѣшительнымъ шагомъ впередъ, встрѣчаетъ скопища текинцевъ въ 60 и 70 тысячъ, превращаетъ ихъ въ разгромъ и бѣгство, не смотря на то, что текинцы—эти тигры храбрости, быстроты и безпримѣрной стойкости — умираютъ одинъ на другомъ, отстаивая шагъ за шагомъ свои родныя, вѣковыя пепелища. Скобелевъ минуетъ все и вся, минуетъ интриги англійскихъ тайныхъ агентовъ и проповѣдниковъ среди те-

кинскаго народа, минуетъ собственные невзгоды и недостатки въ транспортахъ, провіантѣ, одолѣваетъ преграды климата, топографію всего оазиса вообще и заканчиваетъ покореніе Ахалтеке ровно въ *девять мѣсяцевъ*, когда предполагалось военнымъ совѣтомъ въ Тифлисѣ «не менѣе двухъ лѣтъ» на эту боевую операцію.

И какъ не много у насъ такихъ благородныхъ Скобелевыхъ, которые-бы такъ честно, такъ искренно, такъ беззавѣтно-преданно блюли и хранили честь своего народа, своего государства, хранили общее достояніе своей земли, общее благо народа. Идеальная личность Скобелева на каждомъ мѣстѣ была примѣромъ добра, ума и необыкновенной чуткости. Въ прошлую нашу войну съ Турціей Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ глазахъ цѣлой Европы быстро выдѣлился изъ ряда другихъ дѣятелей дунайской арміи — и это весьма естественно, само-собою должно было выразиться, такъ какъ Скобелевъ во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ серіозномъ вопросѣ сразу видѣлъ всегда двѣ стороны данной задачи, сразу обнималъ положеніе съ двухъ противоположныхъ точекъ. Онъ всегда говорилъ—«во всякомъ дѣлѣ надо видѣть и хорошее, и дурное вмѣстѣ. Тогда только вы можете быть всегда готовы—принять одно и отбросить другое.»

Рядъ приведенныхъ нами собственноручныхъ его писемъ, писанныхъ на лету—на сѣдлѣ, на песчаныхъ буграхъ и заносахъ ахалтекинскаго оазиса, или же въ туркменской юламейкѣ, охваченной зноемъ въ 45 градусовъ, вѣрнѣе всего доказываетъ ту высокую историческую личность въ Скобелевѣ, въ которую—мы крѣпко въ томъ увѣрены—никто изъ русскихъ честныхъ людей не посмѣетъ бросить «дурнымъ, предвзятымъ словомъ.» Да и нельзя. Надо быть не человѣкомъ—чтобъ желать безпричинно нападать на «лучшаго человѣка!»

Впрочемъ — у кого же и когда не было своихъ враговъ, своихъ друзей? Но здѣсь, въ словѣ о Скобелевѣ, каждаго изъ насъ должна навсегда примирить правдивая, непогрѣшимая исторія, гдѣ жизнь, дѣла и самая личность Скобелева всегда останутся великимъ залогомъ прочнаго, широкаго развитія русской народности въ семьѣ западныхъ культурныхъ племенъ.

Потомокъ предковъ изъ народа — Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ всегда будетъ укрѣплять наши частыя сомнѣнія, наши лучшія надежды на то, что въ средѣ русскаго народа еще не изсякли тѣ мощныя силы, тѣ обильные задатки, которые воспитали его—какъ знаменитаго внука славныхъ дѣдовъ!..

Въ годовщину взятія Геоктепе Скобелевъ произнесъ слѣдующее: *)

«Поколѣніе наше переживаетъ многознаменательное, небывалое въ исторіи время. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ царило кулачное право въ международныхъ отношеніяхъ. За симъ настала эпоха трактатовъ, соблюдать которые по формѣ и нарушать по духу являлось выраженіемъ наибольшей государственной мудрости (впечатлѣніе, произведенное вторженіемъ въ Силезію).

Нашему вѣку суждено было во-очію испытать, что сильнѣйшій относительно яко-бы слабѣйшаго основываетъ свои отношенія на крови и желѣзѣ, и что правомъ повелѣваетъ сила. Многознаменательно, господа, что подобнаго оффиціальнаго признанія безправія, подтвержденнаго фактами, еще никогда не было сдѣлано въ исторіи.

---

*) Рѣчь эта сказана была въ Петербургѣ, въ присутствіи офицеровъ, праздновавшихъ годовщину взятія 9 января, 1882 г.

Великія патріотическія обязанности наше желѣзное время налагаетъ на нынѣшнее поколѣніе. Скажу кстати, господа: тѣмъ больнѣе видѣть въ средѣ нашей молодежи такъ много болѣзненныхъ утопистовъ, забывающихъ, что въ такое время, какъ наше, первенствующій долгъ каждаго—жертвовать всѣмъ, въ томъ числѣ и своимъ духовнымъ *я*, на развитіе силъ отечества.

Если, господа, въ дѣлахъ частныхъ чувство недовѣрія другъ къ другу не можетъ быть никому симпатично, то, напротивъ того, крайнее недовѣріе ко всему иноплеменному, могущему нарушить законные историческіе идеалы отечества—есть патріотическая обязанность, ибо немыслимо допустить, чтобы провозглашенная нынѣ теорія торжества сильнаго безправія надъ слабѣйшимъ правомъ могла-бы быть собственностію одного лишь племени. Изъ только-что сказаннаго, мнѣ кажется, явствуетъ, какъ радостно должно отзываться въ патріотическихъ сердцахъ, когда событія слагаются такъ, что вводятъ въ ошибку прозорливаго и талантливаго отечественнаго недруга. Чувство это принимаетъ оттѣнокъ особенный, когда находишься въ средѣ людей, своими трудами, доблестью, кровью, способствовавшихъ введенію въ ошибку этого недруга.

Извѣстно вамъ всѣмъ, что высокоталантливый недругъ нашъ, сэръ Генри Роулинсонъ, въ своемъ сочиненіи (Россія и Англія на Востокѣ), еще въ 1875 г. заявлялъ, что вражда ахалъ-текинцевъ заведетъ Россію къ многолѣтнимъ и непомѣрнымъ расходамъ людьми и деньгами, вовлечетъ въ вражду съ Персіею, заставитъ занимать кордонную линію фортовъ отъ устьевъ Атрека по всему оазису и отъ Атрека до Мерва включительно, и, наконецъ, главное, въ концѣ концовъ нарушитъ политическое могущество Россіи въ средней Азіи.

Отрадно, господа, въ сегодняшній многознаменательный день, озираясь на далекую дорогую намъ окраину, имѣть возможность фактически убѣдиться, что, слава Богу, тяжкія предсказанія Роулинсона ни въ чемъ не оправдались. Намъ слишкомъ всѣмъ извѣстно положеніе дѣлъ, чтобы мнѣ входить въ подробное разсмотрѣніе его; но очень уже давно наша средне-азіятская, столь буйная окраина не пользовалась такимъ безусловнымъ спокойствіемъ, какъ теперь. Никогда, быть можетъ со временъ похода Магометъ-шаха на Гератъ и тѣсно связанной съ этимъ событіемъ незабвенной дѣятельности графа Симонича, значеніе русскаго посланника въ Тегеранѣ не было столь первенствующимъ. Словомъ, обаяніе русскаго знамени стоитъ очень высоко, далеко къ востоку, за предѣлы покоренной области; это, конечно, не откажутся подтвердить только что вернувшіеся изъ Серахса инженеры.

Господа, чему обязано отечество столь благопріятнымъ исходомъ великаго дѣла? Во-первыхъ и, главнымъ образомъ, благоговѣйно вспомнимъ участіе къ экспедиціи въ Бозѣ почившаго нашего Государя-Мученика. Твердо взявъ въ свои державныя руки ахалъ-текинское дѣло, покойный государь предугадалъ громадное, въ данную историческую минуту, значеніе ахалъ-текинскаго плацдарма, у преддверія Хорасана и Афганистана. Во-вторыхъ, успѣхъ въ принципѣ съ самаго начала обезпечивался участіемъ нашего бывшаго августѣйшаго главнокомандующаго, ни на минуту не отрывавшаго своего сердца отъ ввѣренныхъ ему тогда славныхъ войскъ. Съ почтительною признательностію считаю себя счастливымъ здѣсь напомнить о той всесторонней помощи, которую оказывали мнѣ всѣ ближайшіе помощники главнокомандовавшаго кавказскою арміею, наши центральныя военныя управленія, наконецъ, министерство иностранныхъ дѣлъ.

Нашъ посланникъ въ Тегеранѣ, г. Зиновьевъ, не только облегчилъ исполненіе задачи—но, что еще важнѣе, обезпечилъ прочность результатовъ.

Говорить ли мнѣ о доблести несравненныхъ нашихъ кавказскихъ войскъ, съ которыми связались узами боевого братства славные туркестанскіе и оренбургскіе ихъ товарищи. Кавказскія знамена въ ахалъ-текинскую экспедицію явились тотчасъ послѣ блистательно выдержаннаго кроваваго боевого испытанія въ азіятской Турціи и въ Дагестанѣ. Большинство этихъ войскъ только что участвовало въ несравненномъ въ лѣтописяхъ нашихъ штурмѣ Карса.

Слишкомъ велико было наслѣдство славы, врученное начальнику экспедиціи, чтобы ему сердцемъ не дорости до духа войскъ, а когда сердце на мѣстѣ, то и побѣда на три четверти обезпечена. Въ самомъ дѣлѣ, не могу безъ глубокаго чувства вспомнить про эти войска, про доблестный корпусъ офицеровъ; вспомнимъ, господа, о павшихъ товарищахъ нашихъ, вспомнимъ о томъ, какъ они служили, дрались, умирали; вспомнимъ о незабвенномъ генералѣ Петрусевичѣ—представителѣ чувства долга, скромности и научной подготовки; вспомнимъ, какими героями легли за вѣру, царя и отечество князь Магаловъ, графъ Орловъ, Мамацевъ, Булыгинъ, Зубовъ, Студитскій, Яблочковъ, Мерхилевъ, Грекъ, Ивановъ, Кунаковскій, Морицъ, Нелѣповъ, Юреневъ...

Да, господа, пока въ рядахъ русскихъ будутъ такіе офицеры, будемъ смѣло смотрѣть въ лицо какому-бы то ни было высокообученному непріятельскому строю, не забывая нашихъ товарищей, павшихъ подъ Геоктепе; а когда настанетъ часъ боевого испытанія, и мы постараемся быть такими же, какими были они.

Мнѣ остается еще сказать вамъ нѣсколько словъ—но здѣсь позвольте мнѣ замѣнить бокалъ съ виномъ стаканомъ

съ водою и попросить васъ быть свидѣтелями, что ни я, да и никто изъ насъ не говорилъ и не можетъ говорить подъ вліяніемъ ненормальнаго возбужденія.

Мы живемъ въ такое время, когда даже кабинетныя тайны плохо сохраняются, а сказанное въ такомъ собраніи, какъ нынѣшнее, такъ или иначе, будетъ обнаружено, а потому предосторожность—дѣло не лишнее.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ убѣдилъ насъ, что если русскій человѣкъ случайно вспомнитъ, что онъ, благодаря своей исторіи, все-таки принадлежитъ къ народу великому и сильному, если, Боже сохрани, тотъ же русскій человѣкъ случайно вспомнитъ, что русскій народъ составляетъ одну семью съ племенемъ славянскимъ, нынѣ терзаемымъ и попираемымъ, тогда въ средѣ извѣстныхъ *доморощенныхъ* и заграничныхъ иноплеменниковъ поднимаются вопли негодованія, и этотъ русскій человѣкъ, по мнѣнію этихъ господъ, находится лишь подъ вліяніемъ причинъ ненормальныхъ, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь вакханалій. Вотъ почему, повторяю, прошу позволенія опустить бокалъ съ виномъ и поднять стаканъ съ водою.

И въ самомъ дѣлѣ, гг., престранное это дѣло, почему нашимъ обществомъ и отдѣльными людьми овладѣваетъ какая-то странная робость, когда мы коснемся вопроса, для русскаго сердца вполнѣ законнаго, являющагося естественнымъ результатомъ всей нашей 1000-лѣтней исторіи. Причинъ къ этому очень много, и здѣсь не время и не мѣсто ихъ подробно касаться; но одна изъ главныхъ—та прискорбная рознь, которая существуетъ между извѣстною частью общества, такъ называемой нашей интеллигенціей, и русскимъ народомъ. Гг., всякій разъ, когда Державный Хозяинъ русской земли обращался къ своему народу, народъ оказывался на высотѣ своего призванія и историческихъ потреб-

ностей минуты; съ интеллигенціей же не всегда бывало то же — и если въ трудныя минуты кто-либо банкрутился предъ царемъ, то, конечно, та же интеллигенція. Полагаю, что это явленіе вполнѣ объяснимое: космополитическій европеизмъ не есть источникъ силы и можетъ быть лишь признакомъ слабости. Силы не можетъ быть внѣ народа и сама интеллигенція есть сила только въ неразрывной связи съ народомъ. Гг., сегодня, въ день паденія Геоктепе, вспоминая о павшихъ товарищахъ, о доблести войскъ, невольно просится наружу чувство доброе, святое. Одинъ изъ славнѣйшихъ ветерановъ великой эпохи наполеоновскихъ войскъ, маршалъ Бюжо, имѣлъ обыкновеніе говорить, что на войнѣ убиваютъ однихъ и тѣхъ же. Мое солдатское сердце и недавній опытъ подсказываютъ мнѣ, что здѣсь собрались именно такіе, о которыхъ говоритъ маститый маршалъ. Вотъ почему въ солдатской средѣ мои слова будутъ приняты только посолдатски, какъ неимѣющія ничего общаго съ политикою въ данную минуту.

Господа, въ то самое время, когда мы здѣсь радостно собрались, тамъ, на берегахъ Адріатическаго моря, нашихъ единоплеменниковъ, отстаивающихъ свою вѣру и народность — именуютъ разбойниками и поступаютъ съ ними, какъ съ таковыми!.. Тамъ, въ родной намъ славянской землѣ, нѣмецко-мадьярскія винтовки направлены въ единовѣрныя намъ груди...

Я не договариваю, господа... Сердце болѣзненно щемитъ. Но великимъ утѣшеніемъ для насъ—вѣра и сила историческаго призванія Россіи.

Провозглашаю, господа, отъ полноты сердца тостъ за здоровье государя императора!»

XI.

Общее слово.

Ужасный фактъ... печальный день... страшное дѣло дѣлается — русскую славу хоронятъ въ могилу! слышалось въ толпѣ, окружавшей гостинницу «Дюссо», гдѣ покоилось тѣло Скобелева. По истинѣ совершился ужасный фактъ въ тотъ день, когда Скобелева не стало между живыми. Въ этотъ день общаго горя Россіи—отъ простого селянина до Государя все было разомъ объято невыразимымъ чувствомъ скорби и сожалѣній, когда вѣсть о смерти Скобелева облетѣла всю Россію.

Государь императоръ въ день смерти Скобелева телеграфировалъ княгинѣ Н. Д. Бѣлосельской-Бѣлозерской, сестрѣ почившаго героя, слѣдующее:

«Страшно пораженъ и огорченъ внезапною смертію вашего брата. Потеря для русской арміи трудно замѣнимая и, конечно, всѣми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезныхъ и преданныхъ своему дѣлу дѣятелей.

«Александръ.»

Вся русская пресса, газеты всѣхъ фракцій и оттѣнковъ сочли своимъ долгомъ выразить народному герою и любимцу Скобелеву свое послѣднее слово.

Мы приводимъ здѣсь эти глубоко-правдивые отзывы русской прессы, отзывы потрясающіе читателя своими печальными воплями русской души, русскаго сердца. Историку нельзя ихъ обойдти—какъ нельзя никогда забыть и миновать дней жизни, минутъ отечественнаго труда и заслугъ самого Скобелева.

Вотъ въ какихъ грандіозныхъ деталяхъ представляетъ намъ типъ Скобелева русская и иностранная печать.

«По истинѣ великое горе разразилось надъ русской землей—Скобелевъ скончался.

Нѣтъ великаго Патрокла!

Дѣятельное, гордое, любящее сердце русскаго героя перестало биться. Онъ умеръ внезапно. Какъ блестящій лучезарный метеоръ пронесся онъ надъ міромъ и исчезъ. Онъ волновался постоянно, жаждалъ дѣятельности, голова его наполнена была высокими планами, благородными мечтами, сердце билось горячей любовью къ Россіи—и остановилось, и человѣка не стало, не стало вѣрнаго, честнаго и даровитаго слуги царя и родины, не стало народнаго любимца, героя-вождя, олицетворенія русской доблести и силы...

Ужасная, невознаградимая потеря.

Въ настоящую минуту невозможно оцѣнить этой потери во всемъ ея объемѣ, невозможно оцѣнить потому, что такія личности—личности исключительныя: высоко-одаренныя, сразу становящіяся популярными, сразу поражающія своимъ свѣтомъ, онѣ дѣлаются средоточіемъ событій, надеждою своей родины, носителями доблести и славы и стражами отъ враговъ.

Умереть такъ рано, въ цвѣтѣ мужества и силы, умереть въ началѣ жизни! Боже мой, какая это страшная и великая

потеря для русской земли! Не даромъ она отличала его между всѣми, страстно полюбила, какъ любятъ даровитѣйшаго сына, окружила легендами и славой, и не даромъ имя его пронеслось громко по вселенной, возбуждая любовь и вражду, надежды и ненависть, горячую защиту и мелкую, презрѣнную зависть презрѣнныхъ душъ. Но нѣтъ славы безъ шиповъ и нѣтъ великаго чела, не украшеннаго терніями и оскорбленіями.

Въ этотъ день печали можно обращаться только къ благороднымъ чувствамъ друзей и враговъ, кто-бы они ни были— русскіе или иностранцы. Не клевета и мелкіе уколы пошлыхъ и злобныхъ людей вспоминаются намъ теперь, а чувство уваженія къ русскому великому таланту, популярность котораго росла даже въ Европѣ и обращала на себя всеобщее вниманіе. Европейски образованный, начитанный, съ проницательнымъ взглядомъ на вещи, съ даромъ вѣрно оцѣнивать людей и событія, изящный, съ благородно-красивыми чертами лица, освѣщенными голубыми глазами—Скобелевъ всюду производилъ впечатлѣніе. Это будущая сила, это человѣкъ геніальныхъ способностей, великій полководецъ! Когда парижская его рѣчь сдѣлалась предметомъ горячей полемики и явнаго, худо скрываемаго страха нашихъ сосѣдей, всѣ порядочные органы нѣмецкой печати посвятили Скобелеву рядъ серіозныхъ статей, обсуждая его военныя и административныя заслуги. Видѣли ли они въ немъ будущаго врага, или просто соперника на страницахъ военной исторіи— это все равно. Главное—они видѣли въ немъ человѣка, одареннаго сильнымъ талантомъ, обладающаго обаяніемъ среди солдатъ, человѣка русскаго съ головы до ногъ, который, не смотря на свою молодость, образовалъ ужь вокругъ себя школу людей одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ на военное искусство и одинаково закаленныхъ любовью къ своей родинѣ.

Да, погибла великая русская сила, погибла въ полномъ разцвѣтѣ! Что-то роковое виситъ надъ русскимъ геніемъ и, мелькнувъ всеозаряющимъ свѣтомъ, онъ уходитъ отъ насъ. Сколько искреннихъ слезъ пролито, сколько искренней печали слышалось въ разговорахъ, видѣлось на лицахъ. Мы видѣли многихъ военныхъ и статскихъ, которые плакали горькими слезами. Какая потеря, какая страшная потеря!

Словно выбираетъ у насъ смерть лучшее и драгоцѣннѣйшее, и одно несчастіе смѣняется другимъ, и рѣдѣютъ ряды даровитыхъ людей. Какая-то бурная волна, никѣмъ нежданная и таинственная, уноситъ ихъ съ пустѣющаго берега жизни. Что-то ужасное и проклятое въ этихъ ужасахъ смерти, въ этихъ воровскихъ ея подступахъ, что-то ненавистное и рвущее сердце русскаго человѣка, печаль котораго тѣмъ глубже, чѣмъ безсильнѣе онъ чувствуетъ себя въ виду этой грозной и безпощадной судьбы. И нѣтъ утѣшенія, не закрываются наши раны, и грозно надвигается невѣдомое будущее...

А онъ, почившій герой, столько совершившій и такъ много одаренный Богомъ, онъ спитъ непробуднымъ сномъ и счастливъ счастіемъ покоя, если только когда-нибудь искала покоя его молодая и крѣпкая душа, если когда-нибудь переставало усиленно и страстно биться отзывчивое сердце его...

Миръ праху твоему, доблестный вождь великаго русскаго воинства! Миръ твоему праху, но да живетъ русская душа благороднаго вождя во всѣхъ тѣхъ, кто любитъ свою родину, кто желаетъ ей счастія и величія, кто сохранилъ драгоцѣнный даръ жизни—отзываться словомъ и дѣломъ на призывы родины за ея честь, славу и достоинство.» («Новое Время.»)

«Скобелевъ скончался—наша народная слава, наша надежда, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи своихъ замѣчательныхъ дарованій, когда, казалось, онъ стоялъ на порогѣ еще болѣе блестящаго поприща, какъ будущій доблестный защитникъ Россіи противъ всѣхъ ея внѣшнихъ, замышляющихъ нашу гибель враговъ. Одно его имя стоило цѣлыхъ армій! Какъ содрогнется отъ этой ужасной вѣсти вся Россія, весь русскій народъ и весь славянскій міръ, и какъ возликуетъ все, что точитъ ковы на Русь и на славянство. Не живется на нашей русской землѣ талантамъ—только посредственности раздолье. Скорбно! Скорбно!

Схоронили!.. Не промчится ужь онъ вихремъ въ бѣломъ кителѣ, на бѣломъ конѣ вдоль страстно-трепещущихъ, замирающихъ отъ восторга при видѣ его войскъ, одушевляя ихъ не только словомъ, но и, по любимому его выраженію—«показомъ», къ неравному, лютому, и все-таки побѣдному бою! «Бѣлый генералъ»—имя, прогремѣвшее во всѣхъ углахъ вселенной—сталъ отнынѣ преданіемъ... Словно утихшая буря, лежалъ онъ въ гробу, словно громада славы, громада силы отвалилась отъ Россіи и зарылась въ землю...

Это былъ не только военный геній вообще, но «русскій» военный геній—съ русскимъ сердцемъ, съ тою широкою русскою душою, какую создаетъ подчасъ безпредѣльно широкая Русь... Да, онъ былъ «отъ народа», былъ порожденіемъ его мощнаго историческаго духа, который создалъ русское государство. Въ немъ, по прекрасному выраженію преосвященнаго Амвросія, «бился пульсъ народной жизни.» Вотъ почему онъ понималъ, и больше чѣмъ понималъ—слышалъ, чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что вся сила, залогъ всей будущности Россіи—ни въ чемъ, какъ въ ростѣ и въ развитіи русской народности, что этотъ сѣрый русскій солдатъ-мужикъ творилъ тамъ, за Дунаемъ, великое истори-

ческое призваніе Россіи. Вотъ почему Скобелевъ и сливался съ нимъ такъ нераздѣльно трудомъ и любовью, вотъ почему этотъ человѣкъ, этотъ закаленный въ бою вождь, обставленный всѣми утѣхами почестей и славы, способенъ былъ рыдать, рыдать какъ малое дитя, когда послѣ восьмимѣсячнаго стоянія въ виду св. Софіи пришлось русскимъ войскамъ отвернуться отъ Царьграда и отступать, отступать назадъ!.. Это святыя слезы, это слезы народныя — это болѣло въ немъ само народное сердце!.. Вотъ «гдѣ» она истинная тайна обаятельности Скобелева, его значенія для русскаго народа и этой безпредѣльной любви къ нему русской земли!» («Русь»).

«Совершенно неожиданная тяжкая утрата! Русская армія, а съ ней и Россія, лишилась великой силы въ лицѣ Скобелева! Смерть постигла его въ цвѣтущемъ возрастѣ уже на верху славы, но еще не проявившаго всѣхъ своихъ силъ. Быстро и высоко поднялся онъ въ своемъ орлиномъ полетѣ, но, казалось, только начиналъ его, только пробовалъ свои силы, и сдѣланное далеко ие исчерпывало того, что еще онъ могъ сдѣлать, чего Россія могла ожидать отъ него. Богъ создалъ его полководцемъ, въ немъ были всѣ качества военнаго генія, но и сдѣланнаго имъ на пользу Россіи и во славу русскаго оружія достаточно для чести его имени, которое останется блистательнымъ воспоминаніемъ въ нашей военной исторіи. Лишившись полководца, мы лишились въ Скобелевѣ человѣка глубоко патріотическаго образа мыслей, просвѣщеннаго и дальновиднаго политика, горячо принимавшаго къ сердцу наши задачи на востокѣ. Не задолго до смерти, Михаилъ Дмитріевичъ довѣрилъ намъ свои соображенія и замѣтки, а также планы, которыми онъ руководился въ своей блистательной ахалъ-текинской экспедиціи;

мы не приминемъ сообщить изъ нихъ публикѣ все, что окажется удобнымъ.

Военная исторія, особенно русская, суворовскіе походы, наполеоновскія войны, все, что появлялось въ печати о войнѣ американской, было прочитано и прочно усвоено молодымъ офицеромъ. Уже тогда обнаруживались въ немъ признаки военнаго генія и задатки будущихъ побѣдъ. Блестящая знаніемъ, энергіей, оригинальностію, бесѣда его увлекала товарищей, и, когда случалось, что Михаилъ Дмитріевичъ начиналъ читать какую-нибудь свою замѣтку, около него всегда составлялся кружокъ внимательныхъ слушателей и послѣ чтенія возникали горячіе толки. «Не формы, говаривалъ онъ еще тогда, а духъ войска, не книжный разсчетъ, а геній, не поспѣшное мирное обученіе, а война—вотъ что формируетъ и армію, и вождей.» Такимъ онъ и показалъ себя потомъ на дѣлѣ. Онъ остался вѣренъ этому взгляду до конца, стараясь всегда развить въ солдатѣ отвагу, преданность дѣлу, находчивость, самоотверженіе. Онъ понималъ, что для этого нужно, и былъ «солдатскимъ» генераломъ. Онъ умѣлъ говорить и дѣйствовать понятно солдату, умѣлъ позаботиться о солдатѣ больше, чѣмъ о себѣ, и того же требовалъ и добивался отъ своихъ подчиненныхъ.

Какъ военный геній, Михаилъ Дмитріевичъ никогда не шелъ избитыми путями, никогда не прибѣгалъ къ рутиннымъ пріемамъ—и оттого-то онъ достигалъ успѣха тамъ, гдѣ по обыкновеннымъ соображеніямъ казалось, что успѣхъ невозможенъ.

Въ первую ахалъ-текинскую экспедицію войска были ведены на рискъ, дѣйствовали по современнымъ европейскимъ пріемамъ, разсыпнымъ строемъ, что въ степяхъ средней Азіи совсѣмъ не годилось. «Ни шагу на рискъ, ничего въ разсыпномъ строю»—рѣшилъ Скобелевъ. Грозныя колонны, огонь

залпами, многочисленная артиллерія и инженерное искусство— вотъ его тактика въ эту экспедицію. Масса пуль и снарядовъ осыпали текинцевъ—сомкнутыя и плотныя, какъ фаланга древнихъ, шли неотразимо впередъ колонны воодушевленныхъ имъ людей и ломали вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля.

Скобелевъ отличался горячимъ, увлекающимся характеромъ и беззавѣтною, ставшею теперь историческою отвагой. Но гдѣ же признаки горячности, военной запальчивости въ ахалъ-текинской экспедиціи? Ихъ нѣтъ. Молодой генералъ все дѣлаетъ въ свое время—какъ разъ въ мѣру, всегда у мѣста. Въ войнѣ, въ бою, онъ преображается, и предъ нами выступаетъ генералъ, обладающій тѣмъ «равновѣсіемъ ума и характера», которое Наполеонъ I признавалъ главнымъ признакомъ геніальнаго полководца.

Вотъ причина, почему послѣ хивинской экспедиціи 1873 года, въ которой Скобелевъ участвовалъ еще въ чинахъ младшаго офицера генеральнаго штаба, въ Коканѣ, въ 1875 г., онъ является уже блестящимъ полководцемъ, дѣйствіямъ котораго отдаютъ справедливую дань англійскіе генералы, близко знакомые съ азіятскимъ театромъ войны. Вотъ почему, явясь на Дунай въ должности начальника штаба сводной казачьей дизизіи, онъ выходитъ изъ кампаніи съ громкимъ именемъ въ тридцать пять лѣтъ, и получаетъ въ командованіе уже не дивизію, какъ подъ Плевной, а корпусъ. На Дунай Михаилъ Дмитріевичъ принесъ богатую военную опытность. Онъ уже собственнымъ опытомъ подмѣтилъ секретъ побѣды—онъ уже умѣлъ читать залогъ ея на лицахъ солдатъ.

Въ боевомъ дѣлѣ онъ не разбиралъ—по чину или не по чину то, что онъ дѣлалъ. Но онъ умѣлъ, казалось-бы «невмѣстное» дѣло дѣлать такъ, какъ никто его сдѣлать былъ не въ состояніи. Передавая приказанія вдоль цѣпи, онъ под-

нималъ на высоту духъ солдата, внушалъ ему увѣренность въ себѣ, увѣренность въ побѣдѣ, спокойствіе въ опасности.

Михаилъ Дмитріевичъ никогда не популярничалъ, но всегда былъ популяренъ. Это выходило само собою, потому что онъ дѣлалъ только то, что нужно, когда нужно и какъ нужно. За его столомъ, въ его ставкѣ исчезало, казалось, различіе чиновъ. Но никто ни на минуту не переставалъ видѣть въ немъ «необыкновеннаго» командира, и близкое, простое обхожденіе, то вниманіе, которое встрѣчалъ съ его стороны каждый пришедшій къ нему офицеръ, только вызывали въ томъ чувство преданности и готовность на безпрекословное повиновеніе.

Если Михаилъ Дмитріевичъ умѣлъ увлечь, наэлектризовать солдата, то именно всего больше тѣмъ, что умѣлъ вызвать въ немъ безграничное довѣріе къ вождю. Это довѣріе къ себѣ, къ своему слову, Михаилъ Дмитріевичъ умѣлъ внушить даже непріятелю. Ахалъ-текинцы во время извѣстнаго перемирія подъ стѣнами Геоктепе и послѣ паденія своей твердыни это высказали и доказали дѣломъ.

Никогда Скобелевъ не позволялъ себѣ опочить на лаврахъ съ тѣмъ, чтобы жить процентами съ своей славы. Нѣтъ, онъ всегда шелъ впередъ, всегда готовился къ будущему. Онъ никогда не переставалъ изучать военное дѣло, и потому всегда являлся на высотѣ призванія, всегда способнымъ понять тѣ обширныя и сложныя задачи, и военныя, и политическія, которыя представлялись ему. И теперь смерть постигла его среди такого же изученія, полнаго надеждъ, полнаго блестящихъ военныхъ плановъ». («Моск. Вѣдомости».)

«Не можетъ быть! Не онъ! Это однофамилецъ! Вотъ о чемъ говорила толпа, заливавшая Неглинный проѣздъ. Однако совершилось невозможное—отнята отъ насъ надежда и слава Россіи, отнята въ цвѣтѣ лѣтъ! И какая иронія! Смерть берегла его, когда онъ ея искалъ на поляхъ битвъ, подкралась потихоньку въ мирное время, когда всего меньше можно было ожидать Потеря необъятна. Со времени Суворова никто не пользовался такою любовью солдатъ и народа. Имя его стало легендарнымъ—оно одно стоило сотенъ тысячъ штыковъ. „Съ Скобелевымъ не можетъ не быть побѣда“—таково убѣжденіе солдата, которому подобное внушали только Наполеонъ, Суворовъ. Бѣлый генералъ былъ не просто храбрый рубака, какъ отзывались завистники. Текинскій походъ показалъ, что онъ образцовый полководецъ, превосходный администраторъ, въ чемъ ему отдали справедливость его соперники. Всего дороже было его русское сердце—патріотомъ былъ въ широко и глубоко объемлющемъ смыслѣ слова. Кто его зналъ, кто читывалъ его письма, тотъ не могъ не подивиться проницательности его историческихъ и политическихъ воззрѣній! Русскій народъ долго не придетъ въ себя послѣ этой ужасной, невознаградимой потери.

Теперешнее народное чувство сравниваютъ съ чувствомъ, объявшимъ Россію при утратѣ Скопина-Шуйскаго, тоже Михаила, тоже похищеннаго въ молодыхъ лѣтахъ (даже въ болѣе молодыхъ) и тоже унесшаго съ собою въ гробъ лучшую надежду отечества въ смутную годину. Тотъ же образъ, то же воспоминаніе, воскресшее у разныхъ лицъ по поводу того же событія—это удивительное повтореніе у лицъ, не сговаривавшихся между собою, знаменательно: оно указываетъ, что въ существѣ оцѣнка вѣрна. Сила въ томъ, что мы дѣйствительно переживаемъ второе смутное время, въ своемъ новомъ, особомъ характерномъ видѣ, съ своими особыми самозванщи-

нами всѣхъ сортовъ, съ своими милліонами «воровъ» и «воришекъ», съ своимъ новымъ, но столь же полнымъ «шатаніемъ» всего, во всѣхъ сферахъ—и въ сферахъ власти, и въ сферахъ общества. Мы переживаемъ соціальный тифъ, со всѣми его, знакомыми патологу признаками. Ни одно нравственное начало не твердо—всякій авторитетъ пошатнутъ; повидимому (такъ казалось въ первую смутную годину), общество уже разложилось и государство должно рухнуть. Тяжело живется въ такое тифозное время тому, кто сохранилъ и здравый смыслъ, и почтеніе къ правдѣ, любовь къ своей родинѣ и вѣру въ нее. Этой любви, этой вѣры выраженіемъ, самымъ полнымъ, самымъ свѣжимъ, самымъ несокрушимымъ, мало того—выраженіемъ побѣдоносящимъ былъ Скобелевъ. При взглядѣ на него, при воспоминаніи о немъ, объ этомъ необычайномъ сочетаніи и военнаго генія, и орлинаго взора на политическія событія, и преданности патріотическому долгу, и необычайной популярности въ массахъ, становилось легко: этотъ тифъ не къ смерти, когда выростаютъ и назрѣваютъ такія воплощенія народныхъ идеаловъ. И тѣмъ тяжелѣе его потеря. Помимо почтенія къ его личнымъ достоинствамъ—томитъ еще печаль о родинѣ, въ родѣ печали современниковъ Скопина-Шуйскаго.

Скобелевъ есть весь порожденіе новой великой годины. Къ 19-му февраля 1861 года ему было едва 17 лѣтъ—онъ дитя, вполнѣ дитя новой Россіи! И вотъ это-то представленіе уже способно вселить бодрость. Не одно размноженіе бактерій въ крови общественнаго тѣла, не одно «шатаніе» и отрицательный духъ съ естественнымъ концомъ, нравственнымъ разложеніемъ—новая Россія способна выработать такія цѣльныя натуры, такіе энергическіе характеры, такіе многообъемлющіе умы и при томъ съ такою патріотической душой, созвучной всему стомилліонному населенію: это есть

утѣшеніе, если только можно чѣмъ нибудь утѣшиться въ невознаградимой, ужасной потерѣ. Скобелевы еще будутъ—они воскреснутъ». («Совр. Извѣстія»)

«Извѣстіе громомъ поразило населеніе столицы. Москва не успѣла узнать о прибытіи дорогого гостя, когда разнеслась печальная вѣсть о его смерти. Завидный жребій выпалъ на долю покойнаго—имя его извѣстно всему русскому народу, нѣтъ самой бѣдной крестьянской избы въ самомъ глухомъ уголкѣ нашего обширнаго отечества, гдѣ-бы не знали этого имени. М. Д. Скобелеву суждено было при жизни стать исторической личностію. Неимовѣрная быстрая служебная карьера, сдѣланная покойнымъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала быстротѣ, съ какой росла его популярность въ арміи и народѣ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ ему равнаго въ новѣйшей исторіи нашего отечества». («Русскія Вѣдомости»)

Профессоръ военной академіи, генералъ Лееръ, у котораго Скобелевъ учился, такъ говоритъ о немъ.

«Мало онъ жилъ, но много сдѣлалъ. Что сдѣлалъ — у всѣхъ на глазахъ, и потому не буду останавливаться на фактахъ. Природа щедро наградила его своими дарами — она одарила его многими рѣдкими качествами и способностями, изъ которыхъ каждая, въ отдѣльности, способна уже выдвинуть человѣка изъ толпы. Умъ чисто военнаго человѣка — способность разсчитывать въ такой сферѣ дѣятельность, которая не подлежитъ разсчету; умъ государственнаго человѣка — способность обнимать вопросъ со всѣхъ сторонъ и рѣшать его въ пользу общихъ интересовъ. Что это такъ— доказываетъ ахалтекинская операція, опредѣлившая Скобе-

лева какъ полководца. Характеръ настойчивый и энергичный въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли; способность внутренно уравновѣсить себя въ наиболѣе критическія минуты; способность увлекать за собою массы на самыя трудныя предпріятія — вотъ тотъ рядъ способностей, которыми обладалъ Скобелевъ. Благодаря имъ, онъ представляетъ собою великую силу и является богачомъ. Но этотъ «богачъ» не подчиняется почти неизбѣжно вредной сторонѣ всякаго богатства, выражающейся въ самодовольствѣ и въ отсутствіи дѣятельности. Напротивъ, Скобелевъ неустанно работалъ надъ собою, надъ самоусовершенствованіемъ. Не смотря на столь щедрые дары природы и на академическій дипломъ, онъ съ жадностію изучалъ военную науку, хорошо понимая, что только она одна можетъ дать таланту содержаніе, мѣру и разумное направленіе, безъ чего талантъ, сплошь и рядомъ, можетъ принести только вредъ. Это изученіе военной науки Скобелевъ продолжаетъ нетолько по выходѣ изъ академіи, но и послѣ боевыхъ успѣховъ въ Азіи. Мало того, уже признанный талантъ, уже славный на всю Россію и Европу вождь, послѣ Ловчи и Плевны, Скобелевъ остается вѣренъ этому изученію. Съ поля сраженія онъ прислалъ ко мнѣ своего ординарца, поручика Эйхгольца, съ просьбою дать списокъ новѣйшихъ военныхъ сочиненій, которыя и были доставлены ему за Балканы...

Сила рѣдкихъ природныхъ дарованій, въ связи съ настойчивою работою мысли въ одномъ направленіи, въ совокупности, сила почтенная и громадная, могла-бы поселить въ Скобелевѣ высокое мнѣніе о себѣ и выразиться въ высокомѣрномъ обращеніи съ окружающими. И этого удалось избѣгнуть Скобелеву: кто не знаетъ его обаятельнаго обращенія, его умѣнья, его способности всегда стать въ уровень съ тѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло?

Итакъ, помимо его блистательныхъ боевыхъ успѣховъ, которые у всѣхъ на глазахъ, если остановиться только на внутренней сторонѣ Скобелева—какъ человѣка, какъ полководца, легко увидѣть въ немъ громадную силу, необыкновенный военный талантъ, глубокаго знатока тайнъ военнаго искусства, постоянный трудъ надъ дальнѣйшимъ самоусовершенствованіемъ человѣка, далекаго отъ всякаго высокомѣрія и самообольщенія. Словомъ, въ немъ, особенно послѣ ахалтекинской операціи, Россія видѣла и въ правѣ была видѣть *готоваго вождя для крупныхъ самостоятельныхъ армій*.

И эту-то всеобщую надежду неумолимая смерть унесла столь внезапно, повергая въ глубокое горе его семью, армію, все отечество!

Да, не стало талантливаго человѣка, не стало замѣчательнаго генерала. Силу всѣхъ талантовъ какъ прирожденныхъ, такъ и имъ же самимъ воспитанныхъ, унесла могила. Но остается что-то, чего и смерть не можетъ отнять у насъ—*это его примѣръ* постояннаго, настойчиваго труда на пользу и славу столь дорогого и столь любимаго намъ отечества. Да послужитъ же его примѣръ источникомъ вдохновенія, постояннаго подражанія для насъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ его сотоварищей по военному дѣлу.»

«Мы не вѣрили глазамъ своимъ, восклицаетъ чешская газета «Narodni Listy», и съ нами тысячи нашихъ соплеменниковъ, читая телеграмму изъ Москвы о смерти генерала М. Д. Скобелева. Какъ этотъ славный русскій богатырь, этотъ цвѣтущій, дышавшій здоровьемъ 38-ми-лѣтній молодой человѣкъ, мужественная душа и геніальный духъ котораго возбуждали удивленіе и въ другѣ и въ недругѣ и которому улыбалась столь великая и блестящая будущность, этотъ па-

рившій подъ небесами орелъ, который перелеталъ изъ степей азіятскихъ на Балканы, чтобы прославить имя славянское, чтобы защитить и устроить будущность славянскаго міра, творя чудеса героизма, смышлености и стойкости, такъ что молва о нихъ разносилась подобно сказкамъ о старыхъ богатыряхъ славянскихъ былинъ — чтобы онъ былъ такъ внезапно пораженъ рукою смерти, исторгнутъ изъ міра, чтобы съ нимъ надо было на вѣки разстаться славянскому сердцу?! Это невозможно, невозможно почти помириться съ этою мыслью—и все же *правдой!*

«*Мое сердце судорожно и болѣзненно сжимается...*» говорилъ Скобелевъ 12-го января въ своей знаменитой рѣчи «за стаканомъ воды», оцѣнивая современное положеніе великой славянской семьи...

Кто могъ думать тогда, что это его слово не было одной только риторической гиперболой, что оно дѣйствительно выходило изъ сердца, болѣзненно потрясеннаго и судорожно подавленнаго горемъ! Кто могъ хотя-бы во снѣ представить себѣ, что прежде, чѣмъ дозрѣетъ колосъ этого лѣта—въ послѣдній разъ судорожно сожмется и перестанетъ биться въ Москвѣ это храброе, такою любовью къ славянскому дѣлу одушевленное сердце?..

Да, отошелъ отъ насъ, на вѣки отошелъ этотъ свѣтлый богатырь славянства. Какая трагическая судьба! Онъ, который тысячу разъ съ сказочной отвагой вызывалъ смерть въ битвахъ, для котораго было наслажденіемъ подвергаться опасностямъ, вокругъ котораго неистово свистали пули и подъ которымъ пало семь коней въ сраженіяхъ за Дунаемъ!

Глубокая скорбь и печаль посѣтила этотъ славянскій народъ—отъ царскаго дворца до бѣднѣйшей хижины русскаго мужика заблистали алмазы горячихъ слезъ, ибо чувствуетъ и хорошо знаетъ каждый русскій, что потерялъ въ Скобе-

левѣ богатыря, какихъ не рождаетъ каждое поколѣніе, что лишился нынѣ не только одного изъ своихъ лучшихъ народолюбцевъ, но и одного изъ величайшихъ своихъ героевъ и прирожденныхъ полководцевъ, человѣка, столь необыкновенно одареннаго сокровищами сердца и духа, что завистливые чужеземцы не имѣютъ рѣшительно никого, кого-бы могли поставить съ нимъ рядомъ.»

Въ той же газетѣ помѣщена корреспонденція изъ Пловдива, которая говоритъ:

«Быть можетъ, нигдѣ вѣсть о смерти Скобелева не произвела такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ здѣсь, въ Пловдивѣ, и вообще во всей Болгаріи. Это легко понять, потому что болгарскій народъ былъ свидѣтелемъ не только геройскихъ подвиговъ Скобелева въ послѣднюю войну, но и лично убѣдился въ его горячемъ сочувствіи славянскому дѣлу; кромѣ того, находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ нимъ, онъ имѣлъ случай узнать отважный, въ истинномъ значеніи этого слова, славянскій характеръ покойнаго полководца, выказанный имъ не только предъ своими воинами, но и предъ цѣлымъ народомъ.

Въ будущемъ всѣ славянскіе народы еще очень многаго ожидали отъ дѣятельности оплакиваемаго славянскаго героя—въ особенности народы юго-славянскіе. Болгарскій народъ въ восточной Румеліи жилъ убѣжденіемъ, что своего полнаго освобожденія отъ турецкаго ига и отъ враждебнаго славянству вліянія чужеземщины онъ достигнетъ единственно подъ побѣдоноснымъ водительствомъ любимаго генерала, котораго одно слово могло-бы воодушевить весь болгарскій народъ и созвать всѣхъ его сыновъ подъ побѣдныя славянскія знамена. Поэтому неудивительно, что это горестное извѣстіе изъ Москвы произвело здѣсь чрезвычайное и поразительное впечатлѣніе.»

Французскія газеты выразили глубокое соболѣзнованіе по поводу никѣмъ неожиданной кончины М. Д. Скобелева. Вѣсть объ этомъ показалась нѣкоторымъ изъ газетъ до такой степени неожиданной, что онѣ отказываются признать ее возможной. Одна изъ нихъ говоритъ: «горячее слово и краснорѣчивое негодованіе героя Плевны успѣли уже сгруппировать около него послѣдователей, не менѣе убѣжденныхъ и непреклонныхъ. Если и никто изъ нихъ не пользуется такимъ авторитетомъ въ народѣ, какъ онъ, Скобелевъ, а равно и такимъ же обаяніемъ за-границей, то все-таки позволительно думать, что дѣло освобожденія (славянства), которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, не погибнетъ съ его кончиной.» Скобелевъ, по общему отзыву парижскихъ газетъ, успѣвшихъ помѣстить его некрологъ, имѣлъ вѣру въ величіе, въ будущность своего отечества, и для русскихъ патріотовъ это невознаградимая потеря.

Главнѣйшіе органы англійской печати всѣ единодушно соболѣзнуютъ о потерѣ, понесенной Россіей. «Times» такъ характеризуетъ Скобелева: «Отвага выше мѣры, самоувѣренность, основанная на самосознаніи, готовность на самопожертвованіе, умѣнье вдохнуть мужество и увѣренность въ другихъ—таковы черты геніальнаго героя и всѣ онѣ были соединены въ Скобелевѣ въ высшей степени». Консервативный органъ «Standard» говоритъ, что «смерть такого человѣка въ настоящій критическій періодъ въ европейской исторіи—непоправимая потеря для Россіи.» Сочувственно относится и «Daily News», не смотря на то, что этой газетой особенно рѣзко подчеркнута враждебность, какую проявлялъ Скобелевъ къ Англіи.

Когда сербскіе студенты въ Парижѣ явились къ Скобелеву и поднесли ему адресъ съ выраженіями искренней бла-

годарности за сказанную имъ рѣчь въ Петербургѣ въ день годовщины взятія Геоктепе, то Скобелевъ отвѣтилъ:

«Считаю лишнимъ, друзья мои, говорить вамъ, какъ меня взволновали, какъ меня глубоко тронули ваши сердечныя заявленія. Клянусь вамъ, что я дѣйствительно счастливъ, видя вокругъ себя юныхъ представителей сербскаго народа, который первый поднялъ на славянскомъ востокѣ знамя освобожденія славянъ... Я обязанъ объясниться съ вами чистосердечно, что я и сдѣлаю.

Я долженъ сказать вамъ, признаться передъ вами, почему Россія не всегда стоитъ на высотѣ своихъ патріотическихъ обязанностей вообще и своей славянской роли въ частности. Это потому, что какъ внутри, такъ и извнѣ ей приходится вести борьбу съ чужеземнымъ вліяніемъ.

Мы не хозяева въ своемъ собственномъ домѣ.

Да! чужеземецъ у насъ вездѣ. Рука его проглядываетъ во всемъ. Мы игрушки его политики, жертвы его интригъ, рабы его силы... Его безчисленныя и роковыя вліянія до такой степени господствуютъ надъ нами и парализуютъ насъ, что если, какъ я надѣюсь, намъ удастся когда нибудь отъ нихъ избавиться, то не иначе, какъ съ мечомъ въ рукахъ!

И если вы пожелаете узнать отъ меня, кто этотъ чужеземецъ, этотъ пролазъ, этотъ интриганъ, этотъ столь опасный врагъ русскихъ и славянъ, то я вамъ его назову.

Это виновникъ «Drang nach Osten», вы всѣ его знаете— это нѣмецъ!

Повторяю вамъ и прошу не забывать—нашъ врагъ нѣмецъ!

Борьба между славянами и тевтонами неизбѣжна...

Она даже близка...

Это будетъ продолжительная, кровопролитная, страшная борьба, но, что касается меня, то я убѣжденъ, что въ концѣ концовъ побѣдятъ славяне.

Что касается васъ, то съ вашей стороны весьма естественно желаніе узнать, какъ слѣдуетъ держать себя, ибо у васъ кровь уже льется. Объ этомъ я не стану много распространяться, но могу васъ увѣрить, что если попробуютъ тронуть государства, признанныя европейскими договорами, хотя-бы Сербію или Черногорію... О! тогда не вы одни будете драться. Еще разъ благодарю и, если будетъ угодно судьбѣ, до свиданія на полѣ сраженія, бокъ о бокъ противъ общаго врага!»

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛІОТЕКА
М. А. МАНСУРОВОЙ
Щебекино, Курской г.
Шкафъ
Полка

XII.

Кто онъ былъ*).

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ родился въ Петербургѣ, 17 сентября 1843 г. Онъ внукъ извѣстнаго безрукаго генерала И. Н. Скобелева, за отличіе въ отечественную войну награжденнаго Георгіемъ 3-й степени и записаннаго шефомъ рязанскаго полка. Отецъ Скобелева за послѣднюю войну тоже получилъ Георгія 3-й степени. Такимъ образомъ, этотъ родъ въ трехъ колѣнахъ давалъ Россіи храбрыхъ воиновъ и внезапно прервался въ лучшемъ и блестящемъ своемъ представителѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ о его воспитаніи и нѣкоторыхъ случаяхъ изъ его ранней молодости, имѣвшихъ вліяніе на все дальнѣйшее направленіе его ума и сердца. По разсказамъ самого Скобелева, отецъ его былъ человѣкъ довольно суровый и старыхъ порядковъ. Воспитывать сына онъ хотѣлъ тоже сурово. Онъ нанялъ сыну гувернера нѣмца, который оказался человѣкомъ жестокимъ и билъ мальчика прутомъ за дурно выученный урокъ и за всякій пустякъ. Скобелевъ, обладая съ дѣтства независимой натурой, вспыльчивостію, необыкновенной подвижностію, которую можно было назвать буйствомъ, сердился и негодовалъ. Между гу-

*) Краткая біографія.

вернеромъ и ученикомъ установилась вражда. Гувернеръ ухаживалъ за кѣмъ-то и, отправляясь къ ней, надѣвалъ цилиндръ и новыя перчатки. Въ этихъ случаяхъ, желая чѣмъ нибудь досадить за его обращеніе, Скобелевъ мазалъ ручку двери, которую долженъ былъ отворить гувернеръ, ваксой. 12-ти лѣтъ Скобелевъ былъ влюбленъ въ дѣвочку такихъ же лѣтъ и въ деревнѣ катался съ ней верхомъ. Однажды, въ присутствіи ея, гувернеръ ударилъ его по лицу. Скобелевъ вспылилъ, плюнулъ ему въ лицо и ударилъ по щекѣ. Этотъ случай рѣшилъ дальнѣйшую судьбу мальчика. Отецъ видѣлъ, что нѣмцу съ его жестокостію не справиться съ Скобелевымъ и отдалъ сына Дезидерію Жирардэ, державшему пансіонъ въ Парижѣ. На этотъ разъ онъ попалъ въ прекрасныя руки. Жирардэ—образованнѣйшій, благородный и честный человѣкъ, имѣлъ громадное вліяніе на нравственное воспитаніе Скобелева. Главнымъ образомъ онъ воспиталъ въ немъ *религію долга*. Жирардэ пріѣхалъ съ нимъ потомъ въ Россію и болѣе не разлучался. Впослѣдствіи воспитатель пріѣзжалъ къ своему воспитаннику на войну. Это была самая искренняя привязанность Скобелева; онъ съ нимъ часто совѣтывался и обезпечилъ его.

Родители М. Д. Скобелева желали, чтобы онъ закончилъ свое образованіе въ Россіи. Онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, но возникшіе въ 1862 г. въ университетѣ безпорядки, повлекшіе за собой его временное закрытіе, закрыли М. Д. путь университетскаго образованія. Впрочемъ, онъ неохотно занимался въ математическомъ факультетѣ, читалъ и продолжалъ интересоваться болѣе военными науками и съ завистію смотрѣлъ на своихъ сверстниковъ, уже носившихъ офицерскія эполеты. Выйдя изъ университета, онъ поступилъ юнкеромъ въ кавалергардскій полкъ, въ 1863 г. произведенъ въ корнеты. Польское возстаніе

только что разгоралось—но этого уже было достаточно, чтобъ заставить М. Д. хлопотать о переводѣ въ лейбъ-гвардіи гродненскій гусарскій полкъ. Первое дѣло, въ которомъ онъ участвовалъ, было подъ Мѣховымъ. И тутъ, и вообще въ теченіе всей кампаніи, молодой корнетъ Скобелевъ доказалъ, что его не даромъ тянуло къ военному дѣлу: на самыхъ первыхъ порахъ своей боевой дѣятельности онъ выказалъ личную храбрость и военныя способности, которыя высоко цѣнили въ то время его товарищи и начальники. Когда съ окончаніемъ мятежа «дѣла» не стало, Скобелевъ вернулся въ Петербургъ и поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Онъ работалъ тутъ такъ, какъ всегда, т. е съ виду какъ будто и не занимался, что, конечно, не могло нравиться академическому начальству. М. Д. Скобелевъ вышелъ изъ академіи генеральнаго штаба по второму разряду и разсказываютъ даже, что только слѣдующій случай рѣшилъ зачисленіе его въ генеральный штабъ: послѣ научныхъ экзаменовъ заданы были практическія испытанія; на этотъ разъ съемки и рекогносцировки происходили въ сѣверо-западномъ краѣ. Скобелеву, между прочимъ, было задано отыскать наиболѣе удобный путь для переправы кавалерійскаго отряда черезъ Нѣманъ, на извѣстномъ протяженіи его теченія. Скобелевъ провелъ назначенное время на одномъ и томъ же пунктѣ, не разъѣзжая по берегамъ Нѣмана; когда же явилась повѣрочная комиссія, въ числѣ членовъ которой состоялъ профессоръ академіи, нынѣ генералъ-лейтенантъ Лееръ, то Скобелевъ, не долго думая, вскочилъ на коня, ободрилъ его плетью, прямо съ мѣста бросился въ Нѣманъ и благополучно переплылъ его въ оба конца. Генералъ Лееръ пришелъ въ восторгъ отъ такой рѣшительности и энергіи и настоялъ, чтобы Скобелева зачислили въ генеральный штабъ.

Во время датской кампаніи въ 1864 г.. Скобелевъ, находясь въ заграничномъ отпуску, посѣтилъ театръ войны въ то время, когда военныя дѣйствія еще не прекратились.

Въ 1868 г. юный капитанъ генеральнаго штаба былъ назначенъ на службу въ Туркестанскій край, гдѣ. въ 1869 г., принималъ участіе въ дѣйствіяхъ генерала Абрамова на бухарской границѣ. Въ 1870 г. М. Д. Скобелевъ получилъ назначеніе на Кавказъ, и въ 1871 г. состоялъ при полковникѣ Столѣтовѣ въ Закаспійскомъ краѣ, гдѣ произвелъ скрытую рекогносцировку къ Саракамышу, которая не совсѣмъ входила въ виды кавказскаго штаба. Результатомъ было возвращеніе М. Д. Скобелева въ Петербургъ.

Тутъ онъ былъ привлеченъ на нѣкоторое время къ участію въ занятіяхъ военно-ученаго комитета, а потомъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба 22 пѣхотной дивизіи. Открывшіяся въ Коканѣ военныя дѣйствія перетянули Скобелева опять въ среднюю Азію. Въ 1873 г., командуя авангардомъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Хивы, М. Д. участвовалъ въ дѣлахъ подъ Итабаемъ, Ходжейли, Мангитомъ, Ильялами, Хош-Купыромъ, Джанашыкомъ, Авли и Хивою (28-го и 29-го мая), а также въ іомудской экспедиціи; въ августѣ 1873 года онъ произвелъ скрытую и опасную рекогносцировку къ Ортакую. Напомнимъ, что въ хивинской экспедиціи участвовалъ корреспондентъ «New-Iork-Herald», Макъ-Гаханъ. Въ живыхъ, восторженныхъ строкахъ онъ первый познакомилъ Европу съ будущимъ сказочнымъ богатыремъ Россіи нашихъ дней. Тутъ же завязалась между Скобелевымъ и Макъ-Гаханомъ та сердечная дружба, которая заставила Скобелева съ чисто дѣтскимъ отчаяніемъ оплакивать въ 1878 г. Макъ-Гахана, умершаго въ Константинополѣ, куда онъ добрался, совершивъ походъ вмѣстѣ съ нашей дунайской арміей. Кто могъ думать, что обоимъ друзьямъ придется такъ скоро сви-

дѣться въ лучшемъ мірѣ!.. За дѣла и отличія въ хивинскомъ походѣ М. Д. Скобелевъ былъ награжденъ: золотой саблей «за храбрость», крестомъ св. Георгія 4-й и 3-й степеней, золотой шпагой, усыпанной брилліантами, чиномъ полковника и генералъ-маіора и назначеніемъ въ свиту Его Величества.

Въ слѣдующемъ 1874 году Скобелевъ былъ уже въ южной Франціи, гдѣ, заинтересовавшись партизанской карлистской войной, пробрался къ Донъ-Карлосу, оборонительныя дѣйствія котораго считалъ болѣе достойными изученія, чѣмъ дѣйствія регулярной испанской арміи. Тутъ онъ былъ свидѣтелемъ сраженій при Эстельѣ и Пепо-ди-Мурра.

Вслѣдъ затѣмъ М. Д. Скобелевъ, сначала въ должности начальника кавалеріи, а затѣмъ какъ военный губернаторъ Ферганской области и начальникъ всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ бывшемъ коканскомъ ханствѣ, принималъ участіе и руководилъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ: Кара-Чукулъ, Махрамъ, Мингъ-Тюбе, Андижанъ (1-го октября), Тюря-Курганъ, Наманганъ (23-го—27-го октября), Ташъ-бала, Балыкчи, Уиджи-Бай, Гуръ-Тюбе, Андижанъ (8—10-го января 1876 года), Ассаке, занятія Кокана, Янги-Арыкъ; въ алайской экспедиціи (переходъ черезъ горные перевалы Сары-Магулъ, 18 тысячъ футовъ, и Арчатъ-Даванъ, 11 тыс. футовъ).

Въ это же время все болѣе и болѣе разгорался славянскій вопросъ. Уже одинъ изъ нашихъ боевыхъ генераловъ, отличавшійся въ средней Азіи, самоотверженно бросился на помощь славянамъ Сербіи, увлекая за собой цѣлую семью боевыхъ русскихъ офицеровъ. М. Д. Скобелевъ не могъ равнодушно взирать издали на подготовлявшіяся важныя событія на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ оставилъ почетное, вліятельное и видное положеніе военнаго губернатора цѣлой области и въ февралѣ 1877 г. отправился къ дѣйствующей дунайской арміи.

Тутъ сначала далеко не всѣ сочувственно взглянули на молодого 34-хъ-лѣтняго генерала, украшеннаго двумя георгіевскими крестами, саблею «за храбрость» и брилліантовой шпагой. Сухо отнеслись очень и очень многіе къ этому «побѣдителю халатниковъ», какъ въ своемъ высокомѣрномъ презрѣніи окрестили эти лица генерала Скобелева. Нашлись личности, громко заявлявшія, что Скобелеву слѣдуетъ позаботиться заслужить всѣ тѣ отличія, которыя украшали уже его грудь. У него явилась масса конкуррентовъ—и боевому генералу, командовавшему уже передъ тѣмъ большими отрядами всѣхъ родовъ оружія, пришлось удовольствоваться сначала должностію начальника штаба кавалерійской дивизіи, которою командовалъ его отецъ. Но и эта дивизія была вскорѣ расформирована, и Скобелевъ 2-й причисленъ къ главной квартирѣ. Но М. Д., увѣренный въ себѣ, не унывалъ, не падалъ духомъ.

При переправѣ черезъ Дунай, у Систова, онъ ограничился скромной ролью охотника. Ходъ дѣла обратилъ его въ ординарца М. И. Драгомірова, который въ своемъ боевомъ рапортѣ не могъ нахвалиться храбростію, распорядительностію и неутомимостію импровизированнаго ординарца. На Скобелева обратили вниманіе: «побѣдитель халатниковъ» завоевалъ съ бою довѣріе августѣйшаго главнокомандующаго. Скобелеву стали давать серіозныя порученія. Послѣ неудачи орловскаго полка на шипкинскомъ перевалѣ, Скоболева послали поправлять дѣло—но турки ушли отъ него, бѣжавъ изъ укрѣпленій. Явилась наобходимость поправить первую неудачу подъ Плевной—и 18-го іюля Скобелеву порученъ отдѣльный крошечный отрядецъ, съ которымъ онъ совершенно самостоятельно дѣйствуетъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, безъ какихъ-либо разсч помощь отъ главныхъ силъ, отдѣленныхъ ъ оврагомъ и разстояніемъ

въ 6 — 8 верстъ. Скобелевъ добирается до самого города Плевны, отвлекаетъ на себя силы Османа, удерживаетъ ихъ отъ преслѣдованія нашего разбитаго отряда князя Шаховскаго. Въ этотъ печальной памяти день 18-го іюля, Скобелевъ и старый боевый кавказскій генералъ Горшковъ явили себя героями и поддержали честь русскаго оружія.

Для обезпеченія дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Плевны, необходимо было взять Ловчу, разъ уже взятую и потомъ очищеную нашими войсками. И Ловча взята 25-го августа 1877 года, взята блистательно, благодаря тщательнымъ рекогносцировкамъ и умѣло подготовленнымъ дѣйствіямъ Скобелева, котораго главнокомандующій въ своихъ телеграммахъ называетъ «героемъ дня.» Съ каждымъ днемъ ростетъ популярность «Бѣлаго генерала», о «халатникахъ» никто уже не пробуетъ заикаться; именемъ Скобелева увлекаются солдаты, безгранично довѣряющіеся ему. И когда наступили дни третьей Плевны, когда Скобелеву, уже изучившему плевненскія позиціи, поручается одолѣть узелъ ихъ—солдаты эти доставляютъ побѣду своему вождю, гибнутъ тысячами, отчаянно сопротивляются во много разъ сильнѣйшему непріятелю и уступаютъ невозможности, геройски умирая. Эта неудача была въ сущности новымъ торжествомъ Скобелева. Его дѣлаютъ начальникомъ славной 16-той дивизіи, которая иначе не зовется, какъ «Скобелевская дивизія.» Тактично подготовляетъ Скобелевъ развязку плевненскаго сидѣнія, приближается каждый день по «Зеленымъ горамъ» къ непріятелю, роясь какъ кротъ—и тутъ впервые получаетъ въ траншеяхъ въ началѣ ноября сильную контузію осколкомъ гранаты. Цѣлый день Скобелевъ пролежалъ въ полу-забытьи. Эта контузія могла, какъ говорилъ нѣсколько времени тому назадъ докторъ Алышевскій, пользовавшій въ послѣднее время Скобелева въ Петербургѣ, положить начало той болѣзни сердца, которая, по

словамъ телеграммы, такъ неожиданно свела въ могилу Михаила Дмитріевича.

Послѣ взятія Плевны, дивизія Скобелева начала готовиться къ зимнему переходу черезъ Балканы. Сколько заботливости о солдатахъ, сколько осторожности и обдуманности въ дѣйствіяхъ! И какое торжество военнаго искусства русскаго генерала его военной доблести и доблести русскаго войска! Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ плѣненія арміи Османа-паши, Скобелевъ переваливъ уже за Балканы, храбро дерется подъ Имитли и Шейновомъ и освобождаетъ шипкинскихъ орловъ Раденкаго отъ осаждавшаго ихъ непріятеля, который цѣлой арміей кладетъ оружіе. Но Скобелевъ не долго останавливается: слѣдующіе дни онъ уже подъ Семени-Тырново, подъ Хаскіойемъ, въ Адріанополѣ, готовъ кинуться на Галлиполи... Но тутъ Скобелева и всю русскую армію останавливаютъ...

Въ то время, какъ на западной границѣ наступило затишье, въ Закаспійскомъ краѣ, тоже уже знакомомъ Скобелеву, тяжелая неудача постигаетъ нашъ отрядъ, руководимый неопытными начальниками. Скобелеву опять поручаютъ поправить дѣло; тутъ онъ въ первый разъ является вполнѣ самостоятельнымъ начальникомъ—и намъ кажется, нѣтъ надобности повторять, какъ блистательно оправдалъ Скобелевъ надежды царя и Россіи. Еще слишкомъ свѣжо впечатлѣніе тревожныхъ дней осады Геоктепе и битвъ съ храбрыми текинцами, еще слишкомъ памятна радость всей Россіи при извѣстіи о побѣдѣ 12-го января, 1881 года.

Но есть люди—и ихъ не мало въ нашемъ обществѣ—которые, не смотря ни на что, думаютъ, что покойный М. Д. Скобелевъ былъ баловень судьбы, которая все дѣлала за него, тогда какъ онъ проводилъ время въ бездѣйствіи. Это мнѣніе глубоко несправедливое. Лучшимъ доказательствомъ

трудолюбія, дѣловитости и любви къ дѣлу Михаила Дмитріевича можетъ служить его громадная переписка съ разными лицами. Если собрать всю эту переписку, то она составитъ, какъ у Наполеона I-го, нѣсколько печатныхъ томовъ, въ высшей степени интересныхъ. Скобелевъ горячо любилъ военное дѣло. Его знаніе военной исторіи было поразительно: на каждый частный случай онъ могъ привести массу примѣровъ, что и видно изъ его писемъ. Онъ внимательно слѣдилъ постоянно за всѣми успѣхами военнаго искусства, ни одна изъ сторонъ котораго не принебрегалась имъ. Стоитъ только прочитать нѣкоторые рапорты его изъ-подъ Плевны, чтобы сразу убѣдиться въ громадной начитанности и глубинѣ военныхъ знаній Скобелева. Отличное знаніе иностранныхъ языковъ облегчило ему знакомство съ громадной иностранной военной литературой. Ничто не было ему чуждо—онъ во все вникалъ, старался все понять, все быстро схватывалъ и легко усвоивалъ; онъ все изучалъ и за что-бы ни брался, во всемъ являлся хозяиномъ дѣла. Это все признаки генія. Блестящій умъ, спокойное, сдержанное и вмѣстѣ съ тѣмъ чарующее обращеніе, никогда не покидавшее его замѣчательное хладнокровіе и самообладаніе, вся совокупность этихъ чертъ характера Скобелева дѣлала то, что тамъ, гдѣ онъ являлся, силы отряда умножались и росли—одно имя его сдерживало враговъ Россіи.

Предки Скобелевыхъ, за неслуженіе государству, въ XVIII столѣтіи утратили право на дворянское достоинство и считались однодворцами, оставаясь въ неизвѣстности до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ—именно Никита Скобелевъ, будучи поверстанъ на службу, не дослужился до чина сержанта. Выйдя въ отставку, онъ поселился на мѣстѣ своей родины, Симбирской губерніи (нынѣ Самарской), Ставропольскаго уѣзда, въ с. Озеркахъ. Въ семидесятыхъ годахъ прош-

лаго столѣтія онъ женился на дѣвицѣ Татьянѣ Михайловнѣ Уваровой, извѣстной дворянской фамиліи Симбирской губерніи, и получилъ за ней въ приданое недвижимое имѣніе въ томъ же уѣздѣ, селѣ Новиковкѣ. Его, по справедливости, должно считать родоначальникомъ фамиліи Скобелевыхъ, представители которой, въ числѣ трехъ послѣдующихъ поколѣній, прославили ее.

Иванъ Никитичъ, дѣдъ почившаго М. Д., былъ генералъ отъ-инфантеріи, комендантомъ петербургской крѣпости и писателемъ, разсказы и драматическія сочиненія котораго въ свое время пользовались успѣхомъ. Онъ былъ дважды женатъ (первый бракъ былъ расторгнутъ). У него были двѣ дочери, изъ нихъ Анна умерла въ младенчествѣ, а Вѣра вышла замужъ за флигель-адъютанта, полковника Опочинина—внука, по женской линіи, знаменитаго князя Кутузова-Смоленскаго, и восемь сыновей; изъ нихъ одинъ, отъ перваго брака, утонулъ въ Окѣ, пятеро умерли въ младенчествѣ; Дмитрій Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ, женатый на Ольгѣ Николаевнѣ Полтавцевой, имѣлъ сына Михаила и трехъ дочерей—Надежду, Ольгу и Зинаиду. Покойный Михаилъ Дмитріевичъ былъ женатъ на княгинѣ М. И. Гагариной, съ которою развелся и умеръ бездѣтнымъ. Сестры его—старшая, Надежда Дмитріевна, замужемъ за княземъ К. Э. Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, средняя, Ольга Дмитріевна, за В. П. Шереметьевымъ, а младшая, Зинаида Дмитріевна, за его высочествомъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ, княземъ Романовскимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, сыномъ покойной великой княгини Маріи Николаевны и герцога Лейхтенбергскаго. Тетки покойнаго (сестры его матери) одна за графомъ Адлербергомъ, бывшимъ министромъ двора, другая за графомъ Барановымъ.

Со смертью М. Д. Скобелева родъ его въ мужской линіи прекратился .(«Новое Время», 1882).

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛІОТЕКА
М. А. МАКСУТОВОЙ

Не можетъ быть! Родъ Скобе́лева прекратился—но кто знаетъ, можетъ быть на почвѣ могучей русской земли зрѣетъ теперь вновъ «новый русскій Скобелевъ», растетъ тотъ преемникъ его чести, доблести, ума и знанія, который вознаградитъ намъ утраченнаго Скобелева, замѣнитъ его намъ, воспримetъ его благородные взгляды и порывы, его любовь народа, преданность царю, его святые завѣты русской мощи, русскаго терпѣнія, добра и науки...

Весьма можетъ быть—и дай Богъ свою благотворную отраду тому великому народу, который все также немолчно несетъ свой крестъ братскаго миролюбія, братскихъ узъ и страданій... Дай Богъ!

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛИОТЕКА
М. А. [illegible]
Шебекино, Курской г.
Шкафъ
Отдѣленіе
№ по Каталогу

DK 219.6 .S6 C46
Skobelev kak polkovodets, 1880
Stanford University Libraries
3 6105 041 539 276

8p-50

DK219.6
S6C46

НАРОДНАЯ БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛИОТЕКА
М. А. [illegible]
Шебекино, Курской г.
Шкафъ
Отдѣлъ 2
№ 303

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JUN 1985

JAN 27 1993